

Геннадий ВАСИЛЬЕВ

Охота на охотника

Пролог

В самый последний день февраля, в самом начале этого дня в совхозе "Передовик", что располагался в шести километрах от районного Городка, случилось трагическое происшествие. Точнее, утром обнаружили следы трагедии, случившейся ночью. Начальник совхозной автобазы Петр Абрамов в середине седьмого часа шел на работу. Он любил просыпаться рано, и на работу приходил всегда раньше всех. Петр был крупный деревенский мужик с большими, как лопаты, руками, длинным лошадиным лицом и костлявыми и коленчатыми, как у кузнечика, ногами. Ему было около полтинника, но он выглядел много моложе. Он почти никогда не пил, по праздникам пропускал стопарь-другой, но удовольствия от этого не испытывал. Может, поэтому, а может, от природной силы просто был он здоров, никогда ничем не болел, на жизнь смотрел весело. И работу любил начинать рано.

Утро было морозным еще, темным, но радостным. Что-то неуловимо подсказывало уже весну, которая вот-вот должна нагреться. В Сибири так часто бывает – морозы держатся до последнего, а потом термометр растерянно замирает – и с невероятной скоростью устремляется вверх. Снег торопится таять, солнце как будто протирает глаза – и смотрит радостнее и приветливее сквозь отмытые небеса. Стоял в погоде как раз такой момент – переломный, когда термометр вот-вот должен был замереть в растерянности.

Петр открыл своим ключом двери конторы – у автобазы была своя контора, она располагалась неподалеку от совхозной управы. Была она одноэтажная, да больше и не требовалось. Он прошел по скрипучим половицам к своему начальническому кабинету, не торопясь отпер его. Кабинет, даром что звался начальническим, приемной и тем более секретарши не имел, из коридора человек сразу попадал, куда хотел. На дверях и табличка под оргстеклом была полустертой, на ней едва угадывалась надпись черной тушью по белой бумаге: "Начальник автобазы". Тушь выцвела, и букв осталось немного. Читалось: "...чальник ...азы". Местные хулиганы из шоферов доцарапали поверх оргстекла буквы – получалось: "...чайник ...козы". Читалось глупо и не смешно. Поэтому Петр решил табличку не менять, денег зря не тратить, тем более что было их в совхозе вообще негусто, а автобазе отламывались совсем крохи. Не так давно, впрочем, базу осчастливили. В совхозе затеяли крупномасштабное строительство, и директор, он же основной акционер и, значит, владелец ЗАО "Передовик" своей волей распорядился: для обеспечения завоза на стройку строительных материалов купить новый грузовик. В банке взяли кредит, купили КраЗ. Новый грузовик стоял на площадке автобазы в ожидании, когда ему найдут водителя и когда найдется для него работа. Совхозные шофера ходили кругами, понимая: большой грузовик – большие объемы и, значит, приличная зарплата. Пока ничего этого не было. Кроме грузовика.

Петр включил свет, неспеша разделся, прошел за стол. Включил и настольную лампу. Глянул на часы – было без четверти семь. Минут через пятнадцать придет сторож, доложит о том, что происшествий не было, сдаст под роспись автобазу и отправится досыпать. Впрочем, "досыпать" – неправильно. Сторож автобазы на посту никогда не спал, хотя была сторожка с лежанкой, стояла бердана у изголовья, и вообще – кому нужна была та рухлядь, что осталась на базе с социалистических времен? Не спал сторож не по причине повышенной бдительности, а потому, что был он поэт. Александр Евгеньевич Скрипка сочинял стихи. Большею частью лирические, хотя местная районная газета печатала в основном другие – сатирические. Газетчикам казалось, что у Скрипки талант сатирика. Они восхищались такими, например, строчками Скрипки:

У постели больного сошлись врачи,
 ощупывают живот.
 "Ну что, коллеги, будем лечить?
 Или пускай живет?"¹

Он сам считал себя лириком... ну, если не есенинского масштаба, то хотя бы уровня Тряпкина. Потому сатиру, за которую получал скромные гонорары в газете, он строчил днем – это получалось быстро и ума не требовало, - а ночами, сторожа ради прибавки к пенсии автобазу, мучительно выдавливал из себя строчки о любви и деревенской природе. Александр Евгеньевич был лыс, сутул, в плечах узок, последние лет двадцать носил очки, ходил много лет в одной и той же фуфайке еще советских времен и валенках. Летом надевал всегда клетчатую рубашку и черную, вязанную женой, жилетку. Жена пять лет назад умерла, дети давно разъехались, и жил Скрипка бобылем. Поэзия, как он считал, осталась единственным местом, где он еще мог громко о себе заявить. Не то чтобы отличался он тщеславием, но славы хотел. Ночами, извлекая из себя лирические строки и вода дешевой шариковой ручкой по серой, опять же дешевой, бумаге, он ворчал: "Не ценят... Ничего... Тряпкина при жизни тоже не очень-то жаловали".

Вообще-то сторожу положено было сменяться в восемь утра. Но, поскольку начальник базы приходил к семи, оставаться в сторожке лишний час смысла не было. Тем более что добрый Петр Абрамов однажды сам сказал Скрипке: "Ты, Евгений, не волнуйся: платить я тебе все равно буду полную ставку сторожа, а домой ты уходи часом раньше. Только отчет в семь сдай мне, распишись в книге – и иди. Мне на твою одухотворенную физиономию лишний час любоваться скучно. Чувствую себя неполноценным". Из окна кабинета начальника автобазы хорошо видна была сторожка рядом с невысокими металлическими воротами, где ночевал Скрипка. Сами ворота были не видны, их закрывали стены сторожки. Окно сторожки светилось. Значит, Александр Евгеньевич должен вот-вот пожаловать.

Прошли, однако, отмеренные пятнадцать минут, потом еще столько же, а сторож не спешил. "Спит, что ли?" – скучно подумал Петр Абрамов. Еще раз подошел к окну, взглянул вопросительно на сторожку. Там по-прежнему горел свет, но никакого движения не улавливалось. "Спит старик, - решил Абрамов. – Все-таки сломался. Надо бы разбудить". Не одеваясь, он вышел из конторы. Вход в сторожку находился со стороны ворот автобазы и от конторы был не виден. Петр завернул за угол – и остановился от неожиданности. Двери сторожки были распахнуты. И тут же охнул: так же настежь распахнуты были металлические ворота базы. Он не мог этого видеть, когда шел к себе в контору: туда вели отдельная тропинка и калитка в заборе по другую сторону здания конторы. Петр осторожно заглянул внутрь. Тускло горела лампочка, рядом с лежанкой стоял включенный в розетку обогреватель типа "козел", на столе в стеклянной литровой банке – мутноватый от крепости чай, внутри – самодельный кипятильник из двух бритвенных лезвий. Петр потрогал банку – давно остыла. Рядом – тетрадка с аккуратными столбиками стихов, почти без перечеркиваний и исправлений. И еще он зафиксировал: берданы у изголовья, где она обычно стояла, не было. Абрамову стало тоскливо. Он торопливо вышел из сторожки, почти бегом направился в сторону открытой площадки, где стояла техника. Еще издали понял: КрАЗа на месте нет. Он, однако, отметил это походя, мельком, его куда больше занимал вопрос – где сторож? Не кататься же он уехал, в самом деле! Петр почти бегом миновал ремонтную площадку с ржавеющими рельсами, по которым когда-то бегал козловой кран, и едва не споткнулся. Изнутри его окатило чем-то ледяным – страхом. Наполовину перевалившись туловищем через рельс, лысой головой на красном снегу лежал Александр Евгеньевич Скрипка. Глаза его были открыты и выражали недоумение. Правая рука сжимала бердану. Очков не было, лицо заливала кровь. Рядом в снегу валялась стальная монтировка. Рыжий протаявший снег под ней образовал ложбину.

¹ Строчки деревенского поэта Александра, жившего в деревне Скрипачи Шарыповского района Красноярского края.

Абрамов, преодолевая страх, наклонился над Скрипкой, попытался его тронуть за плечо. Тело уже закоченело – от смерти и от мороза. Петра замутило, он преодолел себя, прошел дальше, осмотрел место, где вчера еще стоял новенький КраЗ. Ровная прямоугольная площадка была истоптана с обеих сторон. Значит, убийц было по крайней мере двое, один сел в машину со стороны водителя, второй или, может, остальные – справа. От площадки в сторону ворот тянулся ровный широкий след автомобиля. Абрамов вдруг почувствовал, что замерз. Он тяжело повернулся, не глядя на убитого, пошел к себе в контору. К сторожке было ближе.

Но в сторожке телефона не было.

Глава 1

Машину занесло на повороте, и Володя испугался. Он сбросил газ, решил – ну его, торопиться. Никто никуда не гонит, никто нигде не ждет. Снег – не лучший материал для дорожного покрытия, да еще прикатанный, плотный, как асфальт, только асфальт не скользит. Башка все еще трещала с похмелья, во рту стояла Сахара. Минералька кончилась.

Пил он вообще-то редко, но тут случай особый. За сутки до отъезда случилась грандиозная пьянка. Хотел свой отъезд обставить тихо-мирно, без друзей и застолья, потому всем друзьям объявил, что уедет днем раньше. Думал последний вечер, последнюю ночь провести с женой. Она еще не успела стать бывшей – ни для него, ни для самой себя. Но потому и не вышло. Побоялась она последнюю ночь с ним вдвоем провести. Разговоров прощальных побоялась, слез своих. Вот и назвала гостей. Пришли, напоили, сами напился. Горланили песни. Жена сидела в углу, дымила. Молчала. Он психовал, говорил гадости, хамил. Пил больше всех – и больше всех напился. Свалился под утро – не помнил, как. Провалился полдня, отпаивался водой, маялся. Жена прибежала с работы в обед.

- Жив? – искренне посочувствовала. Знает, похмелье у него проходит мучительно.

Он отрицательно покачал головой. Развела в стакане аспирин, дала. Он выпил – и скривился.

- Лучше б рюмку водки...

- И за руль?

- Да я ночью поеду.

- Ночью? – удивилась Вера. – Зачем? Зимняя дорога, темно.

- Сейчас, в таком состоянии я все равно за руль не сяду. А до ночи отосплюсь. Если не возражаешь, конечно.

- Да уж не возражаю, - Вера пожала плечами, - как хочешь. Только я тебя провожать не приду. Извини. Долгие проводы – сам знаешь... Ключ в почтовый ящик бросишь.

Больше ни о чем не говорили – так, дежурные фразы. Накормила, ушла снова на работу. Володя откинулся на подушку. Муторно было и внутри, и на душе. Не выдержал, встал, пошел на кухню. Крохотную Верину квартиру насквозь пронизывал солнечный свет. День выдался, как назло, яркий, веселый. Конец февраля больше походил на начало весны.

Он открыл холодильник – нашел, что искал. В поллитровой бутылке осталось граммов двести. Налил сразу полстакана, залпом выпил. Закусывать не стал. Передохнул, налил еще. Немного погода полегчало. Не на душе. Там все так же было муторно. Володя вернулся на диван, постарался уснуть. Не удавалось сначала, потом выпитое сказало, и сон сморил-таки – тяжелый, мутный. Снилось какая-то чертовщина – будто он лезет

по сугробам, вязнет в снегу, торопится выйти на дорогу, которая совсем рядом. Куда ведет дорога, он не знает, но ему непременно надо выйти на нее. На дороге стоит почему-то трамвай, а сквозь стекло из вагона на него пристально смотрит Вера. Он торопится, задыхается, сугробы высокие, ноги вязнут, и он никак не может выбраться на дорогу. Вот трамвай дает паровозный гудок – и медленно уплывает. Он протягивает руки, кричит...

Страхнув вместе с одеялом остатки дурацкого сна, Володя поднялся, пошел в душ. Легче стало не намного. Когда вышел, глянул на часы – вечер. Он прикинул. До Краснохолмска ехать часов шесть-семь, учитывая скользкую дорогу и состояние. Значит, выезжать надо часиков в 12 ночи, а то и в час, чтобы к утру нормально оказаться в городе. Он перекусил, пощелкал каналами телевизора. Еще попытался поспать. Уже не вышло. Часов в десять вечера оделся, взял вещи, пошел на стоянку. Завел свою старенькую "короллу", погрел. Потом еще зачем-то покрутился по городу, съездил в разные любимые места. Вроде как – прощался. На самом деле просто не хотел никуда уезжать. А оставаться уже не мог. Из города выехал совсем ночью.

Мутило теперь не так с похмелья, как от всего остального. В довершение ко всему постоянно приходилось останавливаться, искать укромное местечко: мучило жуткое расстройство живота. "И в таком состоянии – к новой жизни! – думал Володя. – Мало того что душу наизнанку выворачивает, так еще понос, прости Господи. Своих засранцев в Краснохолмске мало?"

... Там, куда ехал, уже светало. Чистое, без облаков небо розовело. Вообще-то рассвет и сумерки – для водителя самое паршивое время суток. Фары в сером предутреннем воздухе уже помогают мало, а без них еще нельзя. Одно хорошо – дорога, считай, пустая, редко-редко кто попадется. Таких ненормальных, как он – зимой в ночь за шестьсот километров переться – немного.

Хотелось есть и, главное, пить. Пластиковая бутылка из-под минералки, что брал с собой, давно выброшена, а купить по дороге было негде. Ночью торгуют только редкие придорожные кофейни, да и те чаще всего закрываются: проезжих мало, нерентабельно. Кемпинги и мотели в Сибири пока не то чтобы редкость – есть, и даже привыкать к ним уже начали дальнебойщики, другие, кто часто и далеко ездит. Но строятся они в основном на трассах дальних и от облцентра далеко. А Володя уж почти подъезжает, каких-нибудь полчаса осталось. Хоть останавливайся и снег жуй, до того во рту пересохло. "Будешь знать, как водку жрать!"

Звезды совсем ушли, восток налился ранеткой. Хоть пиши стихи с природы. Только пить охота.

Справа у дороги показалось зданье – приличное такое, кирпичное, с башенками. "Кафе и гостиница" – прочитал. Ишь ты, когда успели? Вроде недавно тут был. Хотя – с полгода, не меньше. Новороссы, когда им надо, строят себе такие игрушки в неделю.

Проехал уже мимо – заметил вдруг: в кафе – свет, а на парковке стоят иномарка и грузовик. КрАЗ. Может, открыто?

Тормознул, сдал задом. По кирпичному крыльцу поднялся, дернул дверь – открыто. В маленьком зальчике – музыка, полумрак, за столиком сидят трое, у стойки – сонный бармен. Сидевшие не обратили никакого внимания, бармен лениво оживился.

- Доброе утро! Попить чего-нибудь несладкого. И, пожалуй, кофе.

Усталость, как ни крути, сказывалась. Час еще как минимум надо продержаться: пока устроишься, то, се... Присел за стол, жадно глотнул минералки. За соседним столиком громко сказали:

- Пора. Полчаса примерно осталось. – Тот, который говорил, почему-то с подозрением покосился на Володю. Тот не обратил внимания.

Трое вышли. За окном взревел КрАЗ.

Кофе слегка взбодрил. Во всяком случае, до города теперь дотянуть можно. Поблагодарил бармена – тот молча кивнул, - вышел.

Зимой светает не так скоро, как темнеет. Но пока сидел в кафе, безморозный воздух стал совсем прозрачным. Глянул на часы – утро уже, начало восьмого. От КраЗа остались широкие следы. Исчезла и иномарка. Володя завел своего японца, покатыл. Вспомнив, что впереди пост ГИБДД, на всякий случай пристегнулся. До поста, однако, не дотянул минут десять: снова прихватило. Чертыхнувшись, остановился на обочине. Не так давно начальники района, где проходила дорога, оборудовали загородные автобусные остановки прочными навесами, рядом поставили крохотные бетонные "скворечники" – туалеты. Начальников это, правда, не спасло, теперь в их кабинетах сидят другие "комиссары". Но "скворечники" остались – и то память.

Володя заглушил машину, погасил фары. Пошел к "скворечнику". Там, однако, было наморожено столько, что не войти. "Да что ж за неvezуха такая!" Пришлось присесть за остановкой. Навес закрывал от главной дороги, а от боковой, которая ведет в ближайшее село, - лесополоса. За ней, проезжая, Володя заметил на боковой дороге грузовик с погашенными фарами. Похоже, тот самый КраЗ. Что он тут делает, интересно?

...Возвращаясь к машине, Володя видел, как по встречной полосе, со стороны Краснохолмска, двигается на приличной скорости джип, судя по характерному угловатому силуэту – "мерседес". За несколько секунд до того, как джип достиг пересечения с боковой дорогой, за лесополосой вдруг взревел мотор, оттуда вылетел КраЗ и, уже отчаянно тормозя, но еще на полной скорости врезался в джип. КраЗ успел остановиться на самой обочине, едва не свалившись вниз. А джип вылетел за обочину, оторвавшись от земли и пролетев по воздуху несколько метров, криво плюхнулся в снег. Володя застыл, не добежав до машины. Ему было видно, как из радиатора джипа повалил пар, как зияли полопавшимися стеклами двери со стороны водителя, как беспомощно горела почему-то не погасшая правая фара – левая была разбита.

А из кабины грузовика вышли двое. Сперва было направились вниз, к поверженному "мерсу", потом один, заметив Володю, остановился и что-то сказал напарнику. Тот обернулся, пошел к Володе.

- Слышь, мужик, надо бы помочь.

- Да-да, конечно, - заторопился Володя. – У меня в машине аптечка, я сейчас, – полез в салон за аптечкой. Руки дрожали, никак не могли открыть бардачок, где лежала аптечка. Наконец, достал.

- Сейчас, - крикнул мужику и побежал навстречу. Разделяло их метров тридцать. Второй стоял чуть поодаль, прислонившись к кабине грузовика. "А чего они стоят, почему не идут к джипу? Там, может, люди кровью истекают", - Володя остановился.

- Ну, чего ты, иди сюда с аптечкой, - мужик шагнул навстречу. В это время выскочил, как будто ждали его, первый рассветный луч солнца, высветил в руках мужика что-то металлическое. Володя понял. В один прыжок оказался в машине, повернул ключ, с места утопил педаль. "Королла" шлифанула – и сходу стала набирать скорость. В зеркало Володя видел, как мужик остался стоять, вертя в руках отсвечивающий на солнце не то нож, не то пистолет.

Когда он отъехал в направлении города, один из налетчиков – тот, с пистолетом – спросил напарника:

- Что делать будем? Свидетель...

Второй молча набрал номер на мобильном телефоне, сказал несколько слов, выслушал ответ и отключился.

- Теперь это не наша проблема.

Затем оба спустились к поверженному "мерседесу". Стекла у машины вылетели, снег вокруг таял и парил, из пробитого радиатора вытекали остатки жидкости. Со стороны водителя джип был изуродован основательно. От сильного удара дверка вмялась вовнутрь, водителю, судя по всему, переломало ребра, подушки безопасности в такой ситуации оказались бесполезны. Через выбитое стекло было видно, в какой неестественной позе находится водитель: похоже, сломана была и шея. То, что он мертв, сомнений не вызывало. Налетчиков, однако, интересовал не столько водитель, сколько пассажир. Тот ехал на заднем сиденье, как часто принято у начальников. Задняя левая дверь была помята несколько меньше. С большим трудом, но ее все же удалось открыть.

Пассажира накрепко зажал между искореженной спинкой переднего сиденья и правой задней дверью. Он лежал на боку, лицо заливала кровь. Но пассажир был жив. Кровь пузырилась на губах, из легких вырывались тяжелые хрипы. Глаза были закрыты.

Один из бандитов молча вынул из кармана пистолет. Второй – видимо, он был в операции старшим – остановил:

- Нельзя. Стрелять нельзя.

- Так он ведь живой!

- Отойди, - отстранив напарника, второй каким-то чудом умудрился наполовину влезть в салон автомобиля. Надев на руку перчатку, он крепко зажал раненному нос и рот. Через некоторое время тот конвульсивно дернулся – и вдруг открыл глаза, полные предсмертного ужаса. Убийца не отпускал. Тело дернулось еще несколько раз, затем глаза затуманились, а еще через некоторое время и вовсе остекленели. Дыхание прекратилось. Для верности подождав еще какое-то время, убийца снял перчатку, потрогал артерию. – Готов.

- Гарантия?

- Как на кладбище. Уходим быстро. Скоро менты пожалуют.

Грузовик взревел мотором, развернулся и на большой скорости помчался в сторону, противоположную городу.

Глава 2

"Что это было?" – вертелась в голове мысль и, ее опережая: "Почему он не стрелял, если это был пистолет?" Погони, как он заметил, тоже не было. Спихватился – пост впереди, скорость надо бы сбросить. Сбросил – и почти сразу успокоился.

Если у мужика в руках был пистолет, а Володя – нежелательный свидетель, понятно, почему в него все же не выстрелили. Пост ГИБДД минутах в десяти езды от места происшествия, в утреннем воздухе, не заполненном рычанием автомобилей, выстрел было бы слышно далеко. Могли услышать и на посту.

В том, что его хотели и могли убить, он не сомневался. Как не сомневался в том, что двое на КраЗе убили того, кто ехал в джипе. Специально убили. Грузовик стоял в засаде, поджидая, пока "мерс" покажется из-за поворота. Рассчитано все было четко. На джипах, тем более на "мерседесах", медленно не ездят, и даже если бы водитель хотел затормозить, чтобы избежать столкновения, ему бы это не удалось.

У грузовика впереди – мощный бампер, ему даже от сильного столкновения ничего не сделается. Удар о корпус джипа помог грузовику затормозить на самом краю дороги.

Водителем надо быть классным, чтобы выполнить такой, с позволения сказать, маневр. Профессионалом.

Сколько человек было в джипе, Володя разглядеть не старался, да и не сумел бы: тонированное стекло, как чаще всего и бывает на таких машинах. Простые смертные на них не ездят – значит, там был, скорее всего, какой-то бизнесмен или бандит, что часто одно и то же. Не исключено, что вся история – не более чем бандитские разборки.

Задумавшись, Володя чуть было не прозевал пост. "Сообщить бы надо... Или не надо?" Его сомнения разрешились сами собой. На дорогу вышел милиционер и поднял жезл. Володя остановился, вышел из машины. На ходу доставая документы, направился к гаишнику (он их так называл, по-старому; "гибэдэдэшник" как-то не выговаривалось). Тот ждал его, отчаянно зевая, и не подходил. Володя только открыл рот – сказать: пока, мол, вы тут с зевотой боретесь, рядом такая вот штука произошла, – как вдруг увидел через стекло "аквариума" поста того самого человека, которого видел в придорожном кафе. Это он был вместе с теми, которые на КраЗе, он говорил: "Пора, полчаса осталось..." Сейчас человек стоял у огромного окна "аквариума" и сквозь стекло пристально смотрел на Володю и гаишника. Взгляд у него был такой... запоминающий. Володя повел глазами по сторонам, как будто в поисках укрытия. Только теперь заметил рядом с милицейской машиной с полосой и надписью "ДПС" припаркованную иномарку, по виду европейку. Он слабо разбирался в моделях, был не автолюбителем, скорее наездником. Но левый руль от правого отличить мог. Эта машина, ему показалось, – та самая, что он видел у придорожного кафе. Хотя номер он не помнил. "Приехали". Ладони стали липкими.

- Ты заснул, что ли, или больной? Эй, парень! – гаишник, потеряв терпение, шагал ему навстречу. – Документы, пожалуйста, на машину и водительское.

Володя машинально протянул документы. Тот внимательно посмотрел все, сверил номер машины с номером на прикрепленном к ветровому стеклу техталоне.

- Пройдем внутрь, – предложил.

- Зачем?

Гаишник посмотрел на него как на полоумного.

- Тебя первый раз, что ли, останавливают на посту? Точно, больной, – стал объяснять нетерпеливо. – Машина нездешняя, не из города, надо пробить через компьютер – вдруг в угоне? Законная процедура, что неясно?

Вошли. Сержант, который его остановил, пошел к компьютеру. Человек у окна – он единственный был в штатском, остальные при мундирах – обернулся:

- Мы ведь виделись уже вроде. Нет?

- Виделись. В кафе, минут сорок назад. С вами еще двое были. – Володю вдруг разобрало зло. Чего, в самом деле – "виделись вроде". Интересно, что бы ответил тот, если бы Володя сказал – да что вы, впервые вас вижу? Даже пожалел, что не сказал. Главное, понял он: здесь они ничего ему не сделают. Слишком много народу – пять человек на посту, включая этого, в штатском. Ну не могут же они все быть бандитами! Штатскому хотелось нахамить, только он не знал, как.

- Угу. Были со мной еще двое, точно, – штатский отвернулся снова смотреть в окно. "Интересный разговор. Содержательный, главное".

- Проверил, товарищ майор, все в порядке, – оторвался от компьютера сержант. ("Майор, значит".) – Машина чистая, принадлежит ему, – кивнул на Володю. Поймав его недружелюбный взгляд, решил смягчить: – Гражданину Свистунову.

- Ну и хорошо, что чистая, – обрадовался штатский-майор. – А сам-то гражданин Свистунов чистый?

Сержант посмотрел на него удивленно. А тот продолжал:

- Нечего ему сообщить карательным органам? Ну раз нечего, отдайте ему документы и – счастливого пути. Даст Бог, свидимся.

"Не хотелось бы", – подумал Володя. Документы взял молча и так же молча вышел. Штатский-майор некоторое время смотрел ему вслед сквозь стекло.

Глава 3

Володя Свистунов – журналист. Относительно молодой: лет двадцати пяти-шести. Работал он до недавнего времени в маленькой провинциальной сельской газетке, жил в Городке. Писал про удои, посевную-уборочную, лепил портреты передовиков. Иногда раздражался гневными филиппиками в адрес тех, кто губит или загубил, точнее, бывшую советскую деревню, по-аптечному дозируя то лукавство, которое филиппики содержали. Ну, не сегодня же сгубили деревню-то, а лет эдак семьдесят назад с гаком. Властям и читателям, однако, это неинтересно. Власти интересно, когда ее щекочут, задирают, а правда о делах предшественников, тем более на сто рядов перепетая еще в перестроечные времена, ее никак не касается. Читателям тоже интересно про сегодня, про то, где именно находится тот крайний, что каждодневно портит им жизнь. Что крайний далеко – так это даже хорошо: смысл поиска виноватого не в том, чтобы его наказать, главное – найти его и указать: "Он!" И как-то уже легче на душе.

Но чаще Володя писал все же про удои-надои, про гнилые корма, низкое поголовье и плохие урожаи. Район для этого был самый что ни на есть подходящий: упадочный. Занимался он, словом, той безмерно скучной и лишенной всякой перспективы работой, которая делает жизнь провинциального, тем паче – сельского газетчика безнадежной. Если он не спивается к сорока – это, кстати, не показатель, ибо журналистская братия по части спиртного вообще могуча, - то квалификацию теряет гарантированно. Если она была.

У Володи квалификация была. Он как-то скоро понял, что потерять ее, похоронить в этой газетке – значит не просто лишиться профессии, а закрыть для себя всякую жизненную перспективу. Это да еще семейные сложности заставили искать связи в областном центре Краснохолмске. Стал описывать провинциальные скандалы, выискивать чернуху для одной бульварной газетки. То еще творчество, ничуть не лучше, чем про удои писать. Но другого способа пробиться не было.

А уезжать надо было срочно. Ячейка общества дала трещину, и в трещину эту вползал тяжелый могильный аромат непонимания и постоянного раздора. Причина банальна. Жена – на три года моложе Володи, умница и красавица, – любила его до умопомрачения. Тяжело ревновала. Было, к кому. Он охотно затевал романы, потом трудно из них выпутывался, и то ли неуклюж был очень, то ли потому что Городок маленький, только все его романы в подробностях становились известны дома. Дошло до курьеза, который задуман был как трагедия. Однажды застал жену вдребезги пьяной и зареванной, квартиру – в дыму. Долго не мог добиться, что случилось. А случилось то, что жена пыталась покончить с собой. Напившись для храбрости коньяка, как самый безболезненный способ она выбрала смерть от электричества. Помешали избыток коньяка, а главное – чисто женская абсолютная неспособность к технике. Не те провода оголила, не то воткнула в розетку, в результате сгорел музыкальный центр, причем так сгорел, что нутро оплавилось, а металлический корпус деформировался от температуры.

Тогда Володя понял: надо как-то в жизни определяться. Жену он любил, и мысль об окончательном разрыве была мучительной. Но ничего не мог поделать со своей натурой. И ведь не то чтобы женщины охотились на него - это хоть как-то его оправдывало бы... ну, хотя бы в собственных глазах. Охотился он, и почти всегда успешно.

Короче, с семейной жизнью пришлось кончать, и это совпало с удачным знакомством в Краснохолмске. Были какие-то выборы, Володю случайно позвали в команду – обрабатывать провинцию, он познакомился с редактором одной городской газеты. Редактору понравились оригинальный стиль, живость, аналитический ум, а главное – иронический склад. Над некоторыми выборными заметками, особенно по-черному малюющими соперника их кандидата, ржал весь штаб. Кроме самого кандидата – у того с чувством юмора оказались проблемы. В общем, редактор позвал Володю в областной центр. С одним, правда, условием: приезжает со своей темой, месяц работает только за

гонорар, после его судьба решается окончательно. При этом редактор обещал за счет конторы оплатить жилье, которое придется снимать, если его стоимость не превысит разумных пределов. Что такое "разумные пределы", редактор благоразумно промолчал.

Вот и ехал теперь Володя в город, изначально уже нарушив первое условие договоренности с редактором: своей темы у него не было. Не придумалось. Пока не придумается, он решил в редакции не показываться, пожить в гостинице. Некоторые финансовые запасы у него были, деньгами он особенно не дорожил, и гостиница, пока хватит денег, не пугала.

Глава 4

Было около девяти утра, когда белая подержанная "королла" со Свистуновым подъехала к гостинице. Как бы свободно он ни относился к деньгам, их свойство кончатся в самый неподходящий момент было ему известно. Поэтому гостиницу пришлось поискать, исходя из соображений экономии. Вообще жить в гостиницах ему приходилось крайне редко. В районной газете дальние командировки – редкость, а ближние, как правило, укладываются в один день. Да и сельская гостиница (там, где она есть) – вовсе не то, что городская. Как-то не столько дела службы, сколько очередной роман занесли его в одно довольно большое хакасское село недалеко от Абакана. Гостиницу он едва нашел – это была та еще гостиница. Простая деревенская изба с кривыми стенами, от которых кусками отваливалась штукатурка, клопами и невероятным количеством мух – дело было летом. Но больше всего его почему-то удручило не это, а то, как переврала его фамилию, выдавая квитанцию, заведующая этим заведением. В одном слове она умудрилась сделать три ошибки: она написала "Свездунов" вместо "Свистунов". Заведующая была преклонных лет, но русская, не хакашка. Интересно, а что бы написала в таком случае хакашка? Именно после этой истории Володя дико невзлюбил гостиницы вообще и сельские – в частности, а особенно почему-то возненавидел процедуру заполнения разных бумажек.

Бумажки пришлось все же заполнить. Несмотря на совершенно неприветливый вид администратора и преклонные года гостиницы, Володе дали вполне приличный одноместный номер – чистенький, с туалетом и стоячим душем. К тому же стоил он относительно недорого. Во всяком случае, на несколько дней здесь остановиться было не слишком разорительно для карманного бюджета. И уж клопов точно не было.

Володя побрился, принял душ, с удовольствием растянулся на кровати – и мгновенно уснул. Сегодняшний – первый – день в Городе он решил целиком посвятить саморазложению. Надо было прийти в себя и после дороги, оказавшейся чересчур утомительной, и после странного происшествия. Хотя – какое же происшествие? Володя стал свидетелем убийства, профессионально спланированного и мастерски реализованного. В котором к тому же, очень похоже, принимал какое-то участие некий майор с лицом плоским и незапоминающимся. Зато – запоминающим.

Обо всем об этом Володя не думал, нервная система у него была в относительно порядке, и сон случился крепкий. Он бы так и спал, пожалуй, если не до утра, то до вечера, но – разбудили. В дверь постучали сначала тихонько, потом настойчивей. Крепкий сон не мешал слышать сквозь него любой посторонний звук, даже не очень громкий, и Володя проснулся сразу. Чертыхнулся про себя: надо было повесить на дверь табличку "Просьба не беспокоить". Натянул джинсы, открыл, не спрашивая – кто. Давешняя администратор, оказавшаяся рослой и плотной тетей лет пятидесяти (когда она сидела за стойкой, Володя как-то не определил ни возраста, ни тем более роста и внушительности фигуры), теперь выглядела не так недружелюбно.

- Владимир Николаевич, вы меня простите, что разбудила, - заговорила она просительно. – У меня к вам очень большая просьба.

Тут Володя заметил за ее спиной какого-то маленького уродливого человечка с огромным кавказским носом и густыми бровями.

- Понимаете, Владимир Николаевич, у нас на гастролях известная столичная рок-группа, - администратор назвала группу, Володя тут же забыл. – Они все живут на одном этаже, в соседних номерах, им так удобно. А звукооператор...

Маленький человечек с носом немедленно выдвинулся из-за спины администратора и поправил:

- Звукорежиссер, прошу прощения.

- Да-да, звукорежиссер, то есть вот он, - указала она на человечка, - он припоздал, и нас не предупредили, и вышло, что номер у него двумя этажами выше. Хотя точно такой, как у вас. Но им это неудобно, и они очень просили...

Администратор уставилась на него в ожидании.

- О чем просили? – не понял Володя.

- Ну, номерами поменяться.

- А какой у него номер?

- Так я же говорю вам – точно такой, как ваш вот этот, 110-й. И душ, и туалет, и телефон – все там есть. И стоит ровно столько же. Вам все равно, никаких дополнительных затрат, а музыкантам это зачем-то очень уж нужно.

"Чтобы водку ночами вместе жрать", - подумал Володя. И вдруг сообразил:

- Это что – снова бумажки заполнять?! Нет, категорически никуда переселяться не стану! Пусть сами выкручиваются.

- Да не надо бумажки заполнять, не надо! Какая нам разница, кто где на самом деле живет? Лишь бы деньги платили вовремя, и все.

- Другое дело. Хорошо, я согласен. – В общем, в этом был свой плюс. Соседство с рок-музыкантами, которые, по слухам, порой имеют обыкновение вести себя достаточно непринужденно, - не самое лучшее соседство.

Маленький человечек, молча оттенявший администратора, посмотрел на Володю таким взглядом, будто намерен был целовать ему руки.

- Спасибо, друг дорогой! Очень выручили, – никакого кавказского акцента в речи не было. – Не знаю, чем вас благодарить. Хотите билет на наш концерт?

"Хорошие группы в дешевых гостиницах не живут", - подумал Володя и вежливо отказался.

- Ну что ж, господин Зберович, переносите ваши вещи и меняйтесь ключами.

Горничных я предупрежу, - сказала администратор и удалилась. Большой нос маленького человечка оказался вовсе не кавказским.

Номер, в который Володя переселился, и правда ничем не отличался от прежнего. Спать больше не хотелось, да и не имело смысла: ночь впереди. Зато очень хотелось есть. Володя вспомнил, что мечтал об этом, еще когда ехал по трассе. Расстройство желудка прошло сразу после эпизода с крушением джипа, и теперь Володя остро ощущал голод. Перенеся вещи двумя этажами выше, он оделся и вышел на улицу.

Город выглядел в общем вполне обыкновенно и вблизи представился Володдю точно таким, каким он представлял его раньше, наезжая весьма редко. Теперь, намереваясь остаться здесь по крайней мере надолго, он обнаружил в себе другое зрение. Глаз стал подмечать детали, до того времени не замечаемые. Центр, неподалеку от которого располагалась гостиница, теперь целиком превратился в деловой. Все или почти все первые этажи зданий были проданы, в них разместились большей частью магазины дорогих и престижных промышленных товаров – одежды в основном, - меньшей частью – офисы фирм и продовольственные магазинчики. Знакомые журналисты во время выборов рассказывали, что для выведения жилого помещения в нежилой фонд коммерсант, заинтересованный в помещении, должен уплатить круглую сумму только для того, чтобы поданные им документы вообще стали рассматривать. Сумма называлась "спонсорской помощью Краснохолмску", коммерсанту взамен давали красивую с позолотой и в рамке

грамоту, свидетельствующую о его безудержном патриотизме, деньги проводились вполне официально, а вот как они расходовались, этого не знал не только коммерсант, но и те, кто их принимал и проводил. Система мягкого выкручивания рук бизнесменам действовала в областном центре много лет, результат был на лице города: фигурно мощные тротуары, сумасшедшее количество фонтанов (на зиму их заботливо консервировали), сравнимое с лучшими европейскими городами (а может, и не сравнимое: в Краснохолмске их было больше сотни при населении около миллиона, мэр твердо обещал построить еще штук десять) и, разумеется, сытые, а нередко и пьяные городские чиновники, - вот в самых общих чертах портрет Краснохолмска эпохи того мэра. Впрочем, областная власть была представлена личностями еще более масштабными, только если Краснохолмск все время что-то строил, пусть и приворовывая, то область не строила ничего, а только воровала. Обо всем этом, конечно, не мог думать Володя, потому как ничего этого не знал.

Итак, он рассматривал город и искал, где подкрепиться. Последнего оказалось много. Кофейнями, ресторанчиками и ресторанами Краснохолмск был забит. Как выяснилось, и цены – приемлемые. Володя, имея издавна страсть к изучению неизученного, зашел в первый по курсу и потом еще в несколько. Оказалось, цены отличаются порой на порядок, вне зависимости от качества обслуживания. Водка была везде хорошей, если брать местных производителей или, скажем, столичный "Кристалл", коньяк – везде барахло, а вина Володя не пил. Результатом тотального исследования стали ватные ноги и желание спеть. С ногами Володя, как ни старался, справиться не мог, желание спеть прошло само собой, как только снова обострилось желание спать. Похмелье удалось. Володя пришел в гостиницу, на автопилоте поднялся в номер и рухнул, едва успев раздеться. Сон был крепким и без сновидений. Утро – ранним. Володя не чувствовал наутро никаких признаков похмелья. Но даже если бы чувствовал, похмелье прошло бы скоро.

Хмурый администратор... чего я, собственно, именую его администратором? - хмурый портье, сменивший на посту давешнюю дородную коллегу, без слов принял ключ. Был он, кстати, не менее дороден, чем она. Взгляд его не касался Володи, а скользил мимо. Володя глянул. В вестибюле расположились человек в штатском и несколько милиционеров в форме. Что-то писали, по-тихому разговаривали между собой, громко и непонятно – по рации.

- Чего? – спросил у портье.

Портье, круглыми глазами глядя все туда же – мимо Володи, - сухими губами ответил:

- Жильца зарезали.

- Во как. Где?

- В 110-ом номере.

- В каком?! – обалдел Володя.

Портье вдруг посмотрел на него осмысленно.

- Ты кто?

- Я – жилец.

- И что? Чего ты так интересуешься-то? Не зарезали тебя – ну и газуй!

- Дядя, ты чего хамишь? Ты, дядя, соображаешь, что, если бы я остался в номере, в который меня поселили сначала, был бы уже не жилец? Потому что номер этот был – 110-й. Меня по-мирному попросили оттуда удалиться и заселили вместо меня этого... звукорежиссера. С еврейским носом.

Теперь обалдел дядя.

- Ладно, парень, извини. В нашей гостинице за те лет пятнадцать или больше, что я работаю, это – второй случай. Первый был – наркоман, сам себя порешил, еще в советские времена, и вот теперь... непонятно – кто, за что?

- Так, может, украли чего? Там же музыкальный звукорежиссер жил – аппаратура всякая, да и деньги, наверное, водились...

- Да в том-то и дело, что ни денег не взяли – были деньги, были, - ни чего еще. Аппаратуры там, понятно, не было, она у них – в камере хранения. Но вообще ничего не взяли, ни кошелек, ни записной книжки. Бритвой по горлу – и все дела.

-Ага, - сказал Володя, еще не очень поняв, что произошло. Но интуиция уже сработала. Мимо ментов, с видом постороннего, он не спеша прошел на улицу. Там, забежав в ближайшую харчевню – позавтракать все равно нужно было, - сделал анализ. Может, конечно, все – случайность, и человека убили просто из спортивного интереса. Но может быть, что интерес спортивный ни при чем. Что-то не очень много приходилось встречать на свете "бескорыстных" охотников на людей. На кошельки – сколько угодно, на квартиры, машины, тряпки, в конце концов. Но чтобы просто так, тем более когда кошелек имелся и деньги в нем – тоже, - что-то не припоминается. Есть не просто повод – есть необходимость допустить, что охотились на него. И зарезать должны были именно его. Просто исполнители не знали его в лицо, а знали только по тем данным, что были сняты на посту ГИБДД. Очень даже все сходится. Майор – соучастник удушенного покушения на джип – видимо, несмотря на достаточно скромное звание, какой-то милицкий начальник. Хотя – почему милицкий? Это по-милицкий он – скромного звания, а кое-где, может, и большой начальник. Пахан. Зная, что Володя – свидетель убийства, в котором тот участвовал, зная его, Владимира Свистунова, данные – для этого единственно и задерживали его на посту ДПС, - гражданский майор попросту заказал его.

Все это, может, конечно, и не так. А если так? В непродолжительной журналистской практике, особенно в той ее части, которая была связана с выборами, Володя усвоил одну важную вещь: допускай худшее, если есть варианты. Это хоть как-то страхует. В данном случае выборов, конечно, не было. Но было другое. И в условиях этого другого самое надежное было – допустить, что охотились на него. Пусть даже, предположив такое, Володя сильно переплачивает за "страховку", но – целее будет.

Все это поняв, Володя вдруг не испугался. Впервые оказавшись в роли дичи, он почувствовал охотничий азарт. Почему-то все думают, что только охотнику свойственно это чувство – ничего подобного. Дичь тоже испытывает азарт, кроме страха. Описание состояния Свистунова-дичи поддается самому примитивному: "Ну, козлы!.." При этом Володя вполне осознал: из гостиницы надо сваливать немедленно. Что он и сделал.

Сдав номер и забрав машину со стоянки, прокатившись бездумно по городу и пережив окончательно происшедшее, Володя сообразил: сегодня или завтра в крайнем случае он обещал появиться тому самому редактору той самой газеты. Со своей темой. Так вот она – тема! Убийство... неизвестно кого неизвестно кем? Очень перспективная тема.

Окончательно изгнав из себя остатки сна и похмелья, Володя тормознул у газетного киоска. Скупив все городские и областные газеты, конечно же, нашел искомое. "Вчера утром на участке дороги от Краснохолмска в аэропорт, на ... километре водитель джипа "мерседес", в котором находился директор "золотого" завода Королев, не справился с управлением на повороте и слетел с дороги. В результате погибли оба – водитель и директор завода. Сотрудники ГИБДД, проводившие первичное расследование, подтвердили несчастный случай..."

Вот оно. Директора "золотых" заводов не скидываются с дороги просто так. Потому что "водитель не справился с управлением". Инспектора, конечно, подтвердили. А что они могли еще подтвердить? Там же наверняка майор был тот самый! Это – уже тема. Такого рода публикацию, конечно, можно было рассматривать как тайное предупреждение: на самом-то деле все было не так, и сотрудники ГИБДД, "проводившие первичное расследование", не могли об этом не знать. Значит, их купили или просто приказали молчать.

Такие же куцые сообщения были и в других газетах. Кроме одной. "Вечерний Краснохолмск" писал: "Трудно предположить, чтобы на пустынной дороге, и не в конце пути, а в самом начале, только выехав из города, опытный водитель (а водитель у Королева был опытный, это мы выяснили) не справился с управлением. Гибель директора завода,

как ни цинично это звучит, была очень своевременной. Как мы не раз писали, сейчас вокруг завода кругами ходят желающие за его счет подкормиться. Королеву не раз делали очень заманчивые предложения, обещали сумасшедшие, просто невысказанные деньги за то, чтобы он ушел с поста директора. Тот не соглашался. Теперь место вакантно. Мы не исключаем, вопреки официальным сообщениям милиции, что имело место заказное убийство. Как не сомневаемся и в том, что оно никогда не будет раскрыто".

Публикация Володе понравилась. А главное – к редактору именно этой газеты он и должен был прийти. Участие свидетелем в убийстве давало козырь. Это уже была не просто тема – еще какая тема.

Глава 5

Газета "Вечерний Краснохолмск" располагалась на одиннадцатом этаже большого двенадцатиэтажного здания производственно-издательского комплекса. Поднявшись на лифте, Володя попал в длинный коридор, скудно освещенный лампами дневного света. Видно было, что ремонта здесь не было никогда. Обшарпанные панели на стенах и двери кабинетов сохранили и бережно донесли до этих дней советские представления о том, каким должно быть изнутри госучреждение.

Секретарша в приемной была, и очень даже ничего. Володя вежливо поздоровался. Та ответила так же вежливо и уставилась вопросительно. Свистунов раскрыл рот, чтобы объяснить цель визита – в это время распахнулась дверь редакторского кабинета и вышел он сам.

- О, привет! – сразу узнал он Володю. – Заходи, садись.

В кабинете, просторном и уютном, был длинный стол для планерок, его венчал стол поменьше – редакторский. В углу стоял огромный, разбойничьего вида цветок с широкими дырявыми листьями и толстым волосатым стеблем. Видно было, что за ним регулярно ухаживают – видимо, ухаживала секретарша, - листья блестели, земля в горшке была рыхлой. Все это, однако, не делало его менее разбойничьим.

- Садись, - повторил редактор. – Может, кофейку?

Володя отрицательно качнул головой.

- Тогда водочки? – пошутил редактор. Потом Володя узнал, что не очень-то и пошутил.

Володя опять отрицательно покачал головой.

- Тогда рассказывай, - посерьезнел редактор.

Свистунов рассказал не все. Рассказал, как ехал, что увидел, но не рассказал про гражданского майора и про то, как зарезали звукорежиссера рок-группы. Ни к чему расстраивать редактора. Потом все равно все станет известно. Но сказал о том, что есть предположения, и они могут подтвердиться.

- Ага, - сказал редактор. И между прочим спросил: - А того типа, в гостинице, зарезали вместо тебя?

Володя понял, что с этим редактором играть в кошки-мышки нет смысла. И рассказал все, как было.

- Круто, - сказал редактор. Звали его, кстати, Сергей Юрьевич, и был он, судя по виду, немногим старше Володи. Хотя восточные черты, которые в его облике присутствовали – сливами глаза, круглое лицо, кучеряво обрамленное, и нейтральная, но неизменная улыбка – возраст прятали.

- Круто, - медленно повторил он. – Как думаешь искать? Вообще – знаешь, кто такой директор "золотого" завода? Догадываешься, кто мог его грохнуть?

- Ничего я не знаю и ни о чем не догадываюсь. Тем выше чистота эксперимента.

- Ну-ну, - редактор улыбнулся. – Слушай – может, пригодится.

Он рассказал о том, что директор "золотого" завода – должность очень лакомая, что интересовала она многих людей, включая чиновников новой областной власти. Завод

давал значительные деньги в бюджет, находился в государственной собственности, и, чтобы сменить директора, требовалось много чего. Это невозможно было сделать без согласия областного парламента, находящегося в оппозиции к губернатору, а главное – инициатором мог стать только сам директор, потому что был он уж больно на своем месте.

Как только пришли к власти в области новые люди во главе с отставным генералом, они стали делить заводы, которые могли хорошо работать и приносить прибыль. В том числе государственные. Директору золотого завода, Королеву Владимиру Павловичу, несколько раз предлагали уйти по-хорошему. Мужик был гордый и независимый. Посылал. Вот и поплатился, скорее всего.

- Что – готов расследовать? – спросил редактор. – Откровенно говоря, ниточек – никаких.

Володя на несколько секунд почувствовал себя неуютно. Понял: редактор – не лох и знает, о чем говорит. С другой стороны, в кои-то веки появилась возможность по-настоящему доказать свою профессиональную состоятельность.

- Готов, - кивнул.

- Ну, гляди. С учетом сложности момента я тебе все-таки буду платить оклад, но срок остается прежним: месяц на все про все. Не справляешься – получаешь деньги минус гонорар, и расстаемся мирно. Справляешься – беру в штат. Зарплаты у нас средние, правда, но зато – престиж. Известность. Годится?

- У меня есть выбор? – улыбнулся Володя.

- Нет, - улыбнулся в ответ редактор.

- Еще вопрос. Ты мне обещал помочь с жильем...

- Не вопрос. – Редактор куда-то позвонил, что-то сказал... Володя не очень слушал. –

Пойдешь по этому адресу, - редактор протянул бумажку, - скажешь коменданту – от меня. Они нам должны за рекламу.

Расстались практически друзьями.

- Так может, все-таки водочки – за знакомство? – на пороге спросил редактор.

- Да за рулем я!

- И что? – искренне удивился он.

Глава 6

В одном из тихих кабинетов "серого дома", как называли в народе областную администрацию, на третьем этаже сидел за столом тощий человек с узким длинным лицом. Глаза были неопределенного цвета. В сочетании с морщинами, аккуратно и экономно расположившимися на лбу, и необходимой чиновнику власти волевой складкой вокруг рта, глаза и вообще лицо производили впечатление ума и трезвости. Было ему лет сорок с небольшим. Если бы человек встал, он показался бы высоким. На самом деле рост его едва превышал средний, просто был он невероятно тощий.

Но человек сидел и вставать не собирался. Он задумчиво вертел перед собой маленький глобус весьма странного вида. Глобус это был – не глобус Земли. Географ пришел бы в состояние восторга или, наоборот, ужаса, не обнаружив на нем ни одного известного контура. Впрочем, если приглядеться внимательно, один знакомый контур на глобусе был: контур Краснохолмской области. И был это глобус области. Забавный такой сувенир. Отчасти золотой. Изготовили его на местном золотом заводе, специально ко дню рождения хозяина кабинета. Хозяином он стал сравнительно недавно, меньше года назад по приглашению главы области приехав из Москвы. Смысл сувенира был – перво-наперво следует изучить местность, куда приехал работать, чтобы не путаться в названиях и направлениях. Поначалу, когда после победы отставного генерала из "серого дома" помели всех бывших и привезли своих со стороны, случались казусы. Например, звонит высокий чиновник главе отдаленного северного района, куда – только самолетом, и требует через час быть на совещании. До района лету – два с половиной часа, и самолет летает туда

дважды в неделю. Глава начинает осторожно чиновнику объяснять, тот, если совесть есть, конфузится и извиняется.

Были и обратные случаи. Вызванного на срочное совещание главу пригородного района, расположенного в двадцати минутах езды от областного центра, встречали участливым вопросом: "Как дорога? На сколько дней заказать гостиницу?" Вот и подарили очередному московскому чиновнику золотой глобус области, чтоб изучал на досуге.

Чиновника звали Леонид Георгиевич Васин. Было он заместителем губернатора области, курировал золотой завод, а заодно почему-то силовиков. Генерал-губернатор кроил власть в области на свой манер, потому порой логику назначений и распределения ответственности понять было сложно. Глобус Васину подарил директор завода Королев. Бывший директор. На столе перед Васиным лежала кипа разворощенных и пестрящих пометками местных газет и милицейская сводка, тоже отмеченная, где надо, красным. Пометки делались там, где шла речь о гибели директора Королева.

Васин вертел глобус, когда секретарша доложила по селектору: "Леонид Георгиевич, Мичурин в приемной". Васин вздохнул, отложил глобус: "Пусть войдет". Сложил руки на столе в ожидании. Высокая дверь впустила в кабинет человека, в котором Володя узнал бы давешнего майора в штатском с плоским и незапоминающимся лицом.

- Добрый день, Леонид Георгиевич, - майор, фамилия которого, оказалось, Мичурин, прошел к столу, сел.

- Новости? – не отвечая на приветствие, но пристально глядя в глаза вошедшего, вопросительно произнес Васин. Голос у него был низкий, тон – властный.

- Хреновости, - огрызнулся Мичурин. Васин вопросительно поднял бровь. Майор покосился на стены. – Есть проблемы.

- Через полчаса – на Стрелке, - сказал Васин. Майор молча встал, так же молча вышел, не оглядываясь. Дверь бесшумно закрылась. Васин покрутил в руках глобус, чертыхнулся. По селектору приказал секретарше вызвать машину.

Через полчаса за столиком в одном из крошечных кафе в подвале на Стрелке, где в могучую сибирскую реку впадала другая, менее могучая, зато утомительно извилистая и длинная, снова встретились Васин и Мичурин. Заказав обед на двоих, Васин кивнул:

- Рассказывай.

- Рассказывать особенно нечего. Как вы просили, в детали я вас стараюсь лишней раз не посвящать, не царское дело – в дерьме ковыряться. Главное вы знаете... Но есть деталь, о которой вам тоже знать надо. В общем, на месте оказался случайный свидетель, который все видел и которому удалось уйти.

- Так, - Васин холодно глянул на майора. – Кто такой и где он теперь?

- Провинциальный журналист, как я выяснил. Данные его мы записали сразу же, на посту ГИБДД. В городе он остановился в гостинице – мои люди выяснили, в какой, - майор замолчал.

- Пасите.

Майор молчал.

- Что такое? – насторожился Васин.

- Это не все.

- В детали я не просил меня посвящать, - успокоившись, ровно сказал Васин.

- Придется, - усмехнулся майор. – Больно уж детали... крупные. В номер, где остановился журналист, вместо него вселили другого человека. А его переселили в другой номер. Мои об этом не знали.

- Черт возьми, - так же ровно произнес Васин, и только выражение глаз стало иным – жестоким. – Профессионалы, твою мать.

- Мои люди не могли знать о переселении. Тем более что карточка гостя не переписывалась, я проверял – там значился тот номер, в который журналиста поселили позавчера утром. В лицо его видел только я. Да и не больно-то разглядишь ночью, кто там валяется на кровати – русский или еврей.

- То есть?

- Ну тот, второй... он оказался звукорежиссером рок-группы... черт ее знает, забыл название. Фамилия его – Зберович. Не видели разве, в городе объявления повесили об отмене концертов этой группы?

- Делать мне больше нечего, всякой ерундой интересоваться, - отмахнулся Васин. – Ну, хорошо. А у него-то, у Зберовича этого, нельзя, что ли, поинтересоваться было, в каком номере он жил и где теперь журналист?

Мичурин коротко глянул на собеседника.

- Леонид Георгиевич, вы газеты читаете?

Васин снова насторожился.

- Сегодня, положим, читал. А что?

- Зарезали Зберовича. Ночью. Мои с ним уже с перерезанным горлом, так сказать, познакомились.

- Кто зарезал? – непроизвольно сморозил глупость Васин. Мичурин коротко и, кажется, слегка насмешливо взглянул на него:

- Хороший вопрос...

- Ни хрена себе, поворотики! – Васин отбросил салфетку. – Почему же я ни в газетах, ни в сводке этого не заметил? А, ну да, как я мог связать это с Королевым... Что будем делать? Есть какая-то информация о журналисте? Где он теперь, что делает?

- В том-то и дело, что нет. Видели его машину – он на "королле" – на стоянке, дальше потеряли. Из гостиницы он сразу же, утром еще, свалил. Значит, понял что-то. Утром-то мои еще не знали, что ошибка вышла, вот и не следили. Я там дал по линии ГИБДД осторожную команду – если где мелькнет, чтоб сообщили. Но вы же понимаете, сильно светиться нельзя. Давить я на них не могу, другое ведомство.

- Ладно. Пока будем ждать. Если журналист провинциальный, он вряд ли скоро прочухает, что к чему. Если приехал работать, все равно засветится – имя его запомни, как отче наш. А если так, по делу или поболтаться, так он нам и не нужен. Вернется домой – забудет все, как страшный сон. Будет если кому рассказывать, так все равно как приключение. В общем, ждем. Пусть твои мичуринцы, если где его обнаружат, в любом случае глаз не спускают. Но пока лучше без резких движений. И о каждом эпизоде – мне. Звони напрямую, только – сам понимаешь, не трепись по телефону. Давай теперь, пообедай – и уходим.

Знай Володя, кто именно объявил на него охоту, он бы, наверное, все-таки испугался. Контора, в которой служил майор Мичурин, собственных ошибок не прощает никому. Многие, впрочем, в этой конторе служили верой и правдой не столько ей, сколько другим, которым контора помогала делать бизнес. На современном милицейском языке это называется крышевание. Но майор к милиции отношения не имел. Он с ней поддерживал отношения. На частном уровне.

Ничего этого Володя не знал. А потому не испугался.

Глава 7

Общежитие, адрес которого дал Володе Сергей Юрьевич, находилось в шести остановках от редакции "ВК". Был это, считай, центр города. Хотя вид – и внешний, и внутри, - как у всякой общаги, отменно непрезентабельный. Пожалуй, единственное, что как-то этот вид скрашивало, - армянское кафе внизу, на первом этаже. Оно так и называлось: "Армения". Надпись была сделана на двух языках. Входить в него надо было через соседнюю с главным входом дверь. Володя перепутал двери и вместо общежития вошел в кафе. Было там довольно уютно. Столиков немного, крохотные, но в этом заключалась своя прелесть: сидеть за такими столиками можно было только вдвоем. Друг от друга они не отделялись ничем, но мягкий свет расположенных по стенам светильников был направлен так, что рождал иллюзию изолированности.

Гардероб был закрыт на маленький висячий замок – время не совсем урочное, - но, улыбаясь, навстречу Володе вышел упитанный человек нерусской национальности.

- Пообедать? Выпить? – широким жестом он пригласил: раздевайся, проходи, садись.

- Да нет, спасибо. В другой раз. Я, видимо, дверью ошибся. Мне в общежитие.

Человек ничуть не разочаровался – кажется, наоборот, даже стал еще радушнее.

- Ну да, это соседняя дверь, - несмотря на явно кавказское происхождение, говорил он по-русски прекрасно. – Надумаете к нам позже – со всем нашим армянским удовольствием!

Чтобы так выразиться, надо хорошо русский язык знать. Впрочем, кого только сегодня не приходится видеть в сфере обслуживания, если ее можно теперь так называть. Случаются и бывшие филологи.

Раскланявшись с гостеприимным официантом ли, администратором или вовсе хозяином – кто его разберет? – Володя открыл, наконец, нужную дверь. На вахте ему молча указали, по какому коридору пройти к комендантше. Так же без слов та, маленькая и сухая, как трость, женщина неопределенного возраста, взяла у него из рук записку и, только прочитав, предложила сесть.

- Сколько? – спросила, пристально глядя на Володю

- Что – сколько? – растерялся тот.

- Сколько будете жить?

- Да бог его знает. На сколько поселите...

- Хорошо, - помолчав, ответила комендантша. – Мы конторе вашей должны примерно в размере месячной оплаты по нашим ценам – значит, месяц спокойно живите. Захотите пожить еще – если понравится, придется платить.

- Сколько? – немедленно отреагировал Володя.

- Ну, пока ведь платить не надо? – улыбнулась комендантша. – Комнату сейчас покажу, белье прикажу принести. Вопросы?

- Один нескромный, - обнаглел Володя. – Если не секрет, за какую рекламу может задолжать общежитие газете?

- При чем тут реклама? – искренне удивилась хозяйка общежития. – У нас с вашей газетой счета по другим статьям.

- Понятно, хоть и не очень. Ну да ладно, не мое дело. – Комендантша молча выразила полное согласие с последним утверждением. – Тогда еще вопрос. Мы не познакомились...

- Почему же? Я знаю, как вас зовут, - кивнула она на записку.

- Простите, а ваше имя-отчество вы мне не хотите сообщить? – слегка обозлился Володя.

- Не думаю, что нам придется общаться. Но если вы настаиваете – пожалуйста:

Лидия Николаевна. Больше вопросов нет?

...Комната, которую ему отвели, была совсем небольшой, квадратов девять. Сетка на кровати, как водится, панцирная и изрядно продавленная. Все, правда, чистенько, стены недавно оклеены новыми обоями, линолеум на полу не покорежен, есть стол, который даже не шатается, единственный, но вполне добротный стул, и крохотный платяной шкаф. Сойдет. Белье, действительно, принесли немедленно – принесла сама комендантша, чего ждать от нее было трудно после странного приема. Сгрузив на кровать простыни и одеяло, она уже в двери вдруг спросила:

- Специфику нашего общежития знаете?

- Нет, - растерянно ответил Володя. И произвольно пошутил: - А что, здесь голубые живут?

- Дурацкая шутка, - без всяких эмоций отметила комендантша. – Здесь живут в основном выходцы с Кавказа – чеченцы, дагестанцы... В этом и заключается специфика.

- А кафе внизу вроде армянское? Ну, по названию если...

- Армянское, - внимательно посмотрела она на Володю. – И не только по названию. Просто чеченцы, живущие здесь и контролирующие это общежитие, сами ничего делать

не хотят. Кафе армянское возникло еще до них. А потом... договорились. Армяне, хоть их диаспора в Краснохолмске влиятельней и больше, пошли на компромисс. Никто никому не платит, но чеченцы и дагестанцы пользуются кафе по льготным ценам. Считаю, бесплатно.

- Как интересно, - сказал Володя. – На чем это чеченцы армян прихватили, что те согласились на такой компромисс?

- Ни мне, ни вам знать об этом лучше не стоит, - улыбнулась комендантша. – И, предваряя ваш следующий вопрос: я работаю здесь по двум причинам – из-за денег, которые мне платят регулярно, и по привычке. Я здесь давно.

- Честно говоря, вы не похожи на работника коммунальной сферы...

- Я не всегда работала в этой сфере, - коротко ответила комендантша.

Поняв, что большего она не скажет, Володя осмелился все же задать последний вопрос.

- А кому вообще принадлежит общежитие? Мне Сергей Юрьевич ничего об этом не сказал.

- Официально – коммерческому институту. Удовлетворены?

- Вполне. Спасибо вам большое за интересную информацию.

- Честно говоря, я вам эту информацию дала исключительно для прикладного использования. Надеюсь, она окажется вам полезной, – с этими словами Лидия Николаевна закрыла за собой двери.

"Черт возьми, какая интересная тетка!" Володя так и не понял, сколько "тетке" лет. Ну уж никак не меньше полтинника, точно. А скорее, больше.

Растолкав немногие вещи в тесный шкаф, он ощутил потребность сесть и спокойно обдумать все, что ему известно.

Итак, "золотого" директора столкнули с дороги вместе с шофером. Операцией руководил – по крайней мере, на месте – некий милицейский майор. Значит, милиция в какой-то части прикуплена. Кем? Понятно: кем-то из команды нового губернатора. Редактор, кстати, обмолвился: генерал, хоть и сам изрядный отморозок и хапок, может знать не обо всем, происходящем в его епархии. А если, например, там – борьба кланов, и главу в это дело не только не посвящают, но и всячески стараются запутать, чтобы в мутной воде выловить свою большую рыбу? Судя по тому, что Володя видел сам с экрана разных – и ручных, и оппозиционных – областных телеканалов, генерал – человек эмоциональный, невыдержанный, поддающийся внушению. Такого человека, будь он хоть каким начальником, при умелом управлении "снизу" легко натравить на кого угодно. Впрочем, это все – домыслы. Пока ясно одно: директора убили по желанию больших людей. Скорее всего, людей из самой областной власти. И при участии милиции. Или... Стоп. А почему, собственно, милиции? Есть ведь и другие ведомства. Майор был в гражданке, так что может служить где угодно.

"Золотой" завод – аффинажное предприятие. Занимается переработкой золота. Конечная продукция – слитки, которые покупают банки и государство. В советские времена "золотые" заводы курировала "контора глубинного бурения": КГБ. Контора переименовалась, но никуда не делась. У нее на любую власть есть компра. Новый хозяин еще только подумал влезть на правление, а в конторе уже папочки пухнут от информации. Информация, между тем, - штука вполне материальная, имеет ценность и цену. Цену можно назначить, а информацию продать. Причем извлечь из этого не только сиюминутную выгоду. Таким образом курирование могло превратиться в крышевание. Могло и не превратиться, если руководитель завода попался упертый.

От разных коллег, с которыми судьба небогато, но все же сводила Володю, он знал: милиция и эфэсбэшники по всей Руси великой соперничают между собой за зоны влияния. И те, и другие беззастенчиво занимаются крышеванием разного рода бандитов и жуликов. Преступный бизнес в столице и провинции отличается только масштабами. Краснохолмск с Москвой не сравнить, конечно, но и здесь заводы делят, за них воюют между собой отнюдь не праведники. Еще на изломе прежних времен, когда было уже ясно, что дряхлое

прошлое социализма позади, когда наступил угар перекройки всего, что поддается и нет, в разных концах страны захлопали выстрелы. Они возвещали пришествие нового хама на смену прошлому. Этот был таким же беспредельщиком, как те, если сравнивать с послереволюционными временами. На всяких стратегических предприятиях стали мочить почем зря красных директоров, успевших урвать кусок приватизационного пирога и ни за что не желавших делить его с кем-то. Потом, когда директора поумнели и научились делиться, выстрелы понемногу стихли. Хотя тех, кто мешает, убивать не перестали. Их стали убивать по-другому – грамотно, по-тихому. Автоматы хороши в боевиках. В жизни надо, чтобы люди верили: новые хозяева – цивилизованные, культурные, крови отродясь не видели.

Если верить тому, что слышал он от редактора, директор Королев был человеком неуступчивым, к которому на кривой козе не подъедешь и за деньги которого не купишь. С другой стороны, был он известным меценатом, подпитывал культуру, и просто так прессануть его – дело опасное. Взвоят общественное мнение, и никакой компромат не поможет. Выход один: убрать. И убрали.

Так думал Володя, не подозревая, насколько близок он к истине. Неудивительно. Логика действий новых хозяев жизни складывалась настолько деревянной, что разгадать ее было несложно. Даже такому малоопытному журналюге, как Вова Свистунов.

Полноты картины не хватало. Лучший выход, решил Володя, внимательно полистать газетные подшивки последних полутора-двух лет. Газеты разные, есть среди них и те, что стелятся под новую власть. Авось, чего и найдется полезного. В областной библиотеке доводилось ему бывать и прежде. Туда он и отправился. Пешком, ибо располагалась она неподалеку.

Глава 8

Был вечер, когда Володя вышел из библиотеки. Горели фонари, летел снежок. Машины сосредоточенно тарачились сквозь него, медленно пробираясь в вечернем потоке. Было довольно тепло. Хотелось есть. Он вспомнил об армянском кафе.

Ничего особенного он в подшивках не нарыл, но польза все же была. Относительная полнота картины сложилась. Новая областная власть с первых дней окружила себя холуями и хамами, большей частью приезжими, хотя случались и местного разлива. Те приехали откровенно наворовать, местные – урвать давно вожделенное, многое растащили в первый же год, за остатки борются до сих пор. В том числе и между собой. Если прежние чиновники крали застенчиво – ну, там, леспромхозик какой под свой контроль взять, детишек за границу отправить за счет спонсора, а тому посодействовать в получении, допустим, недвижимости, - новые тащили заводами, а то и отраслями. На "золотой" завод делали несколько заходов. В одном случае требовали мзду в качестве спонсорской помощи некоему новому хулиганско-молодежному движению. По слухам, директор, хоть и не молод был, спустил просителей с лестницы. В буквальном смысле. По крайней мере, такая история в разной степени подробностях была описана в нескольких изданиях – и оппозиционных, и верных власти. Разница заключалась в оценках.

Просителей, а скорее – вымогателей было двое. Один из них – молодой и ушлый генеральский зам уголовной внешности, второй отморозок – его телохранитель. Миную секретаршу, вошли в кабинет, расселись у директорского стола, протянули бумагу: "Подпиши". Тот молча прочитал, сказал: "Пошли". Бумага была – болванка приказа за его подписью о выделении больших денег для молодежного движения. "Ты здесь подпиши", - сказал генеральский зам. "Говорю – пойдем в бухгалтерию, там и выдам сразу, - сказал Королев. – Наличными". Те и правда пошли. Кабинет директора – на четвертом этаже. Пройдя через приемную и мигнув секретарше, у лестничной площадки Королев взял ничего не подозревавших бандитов под руки и спустил с лестницы. Зам сломал ногу, телохранитель башкой едва не прошиб насквозь стену. Дрессированная секретарша,

понимавшая шефа с полувзгляда, тем временем по внутреннему вызвала заводскую охрану. Охрана вежливо усадила визитеров в их "мерседес". Те отчалили. А Королев, вернувшись в кабинет, первым делом поинтересовался: как пропустили через проходную? Внешний охранник мямлил в трубку: "Так ведь – удостоверение зам губернатора!.." Охранника увольнять не стали. Уволили его начальника.

А потом по "вертушке" директор набрал генерала и сказал ему много ласковых слов. Этого, разумеется, никто не слышал. Но многие, знавшие Королева лично, догадывались, что он мог сказать. Опять же по слухам, обильно сочившимся из обиталища власти, ушлый генеральский зам, срastив ногу, тоже узнал о себе много нового – уже из уст своего шефа. Во всяком случае, к этому вопросу больше не возвращались. Остальные заходы были осторожнее, цивилизнее по форме, хотя не менее корыстны по содержанию.

Обратить завод в частную собственность не позволял закон, поэтому выход – переменить власть. Волей государства. Губернатору внушили, что директор Королев устарел, новых отношений не понимает, рынка не чувствует, и его пора убирать. Губернатор, послушный, как флюгер, лично пытался убедить "золотого" директора сдаться. Два раза приезжал на завод, беседовал за закрытыми дверями. В последний раз генерал сдался. Понял: этой крепости ему не взять. И попытки прекратились. Может, и не потому, что Королев его в чем-то убедил, а в конце концов просто побоялся, что запутают его, несильного в экономике, придворные воры, упустит он, что имеет, и нового не получит ничего. В общем, генерал от Королева отвязался. Другие, как видно, нет.

Из тех же газет Володя скроил для себя примерную расстановку сил в "сером доме". Действительно, было несколько кланов, каждый охотился за целым – и получал, как правило, кусок. Были и те, кто ничего не получал. В общих контурах картина рисовалась такая. Из приезжих две основные группы (вообще их было больше, но две оказывали особенно осязаемое влияние на генерала) – приднестровские, с которыми генерал либо был знаком лично по военной службе в Приднестровье, либо которые приехали по инициативе ближайших соратников, вторая – московская, представлявшая интересы разных финансово-промышленных групп, но сплотившаяся на фоне общей "темы", уже частично поделившая и продолжающая успешно делить областную собственность. Первая группа тесно контактировала с местными силовиками, на их стороне были главным образом милиция, давно крышевавшая бизнес, и некоторые чины – не самые высокие – из управления ФСБ. Кроме того, силовая поддержка, основанная на прямом финансовом интересе, оказывалась в Москве.

У "москвичей" такого мощного силового прикрытия не было, но зато, как и у "приднестровцев", были связи в столичных министерствах. Не силовых, но тех, чиновники которых запросто в нужный момент могли перекрыть финансовый кран, и область могла перестать получать деньги на социальные нужды. Это раньше она зарабатывала эти деньги самостоятельно, а теперь, расставаясь с некогда успешными заводами, все больше и больше зависела от Москвы. Существовали и кое-какие – не очень, правда, надежные – связи в Генпрокуратуре.

Еще одна группа – местные начальники, которых подозрительный генерал подпускал к себе не очень близко. Потому и влияния серьезного на него они не имели. Поначалу они были тесно связаны с одним из главных спонсоров генерала на губернаторских выборах – местным алюминиевым магнатом Петровичем, связи этой не гнушались и почти гордились ею. Когда же генерал банально кинул Петровича, не сдержав своих предвыборных закулисных обещаний, тот пошел на нового губернатора войной и войну проиграл, сменив в короткий срок уютный (хотя и не такой уж роскошный) коттедж в престижном месте на койко-место в СИЗО, – расклад сил поменялся. Местные чиновники, цепляющиеся за кресла всеми силами, дружно отмежевались от Петровича. Помогло это не очень. Кресла они удержали, но в дележе пирога оказались последними.

...Добредя неспеша до общежития, Володя в комнату заходить не стал, а сразу пошел в кафе. Свободных столиков не было. Кафе пользовалось популярностью. Откуда ни возьмись, выскочил навстречу давешний не то хозяин, не то администратор:

- Вечер добрый! Рад очень, что поселились у нас!

- Вы-то откуда знаете? – удивился Володя.

- Жена сказала, - мягко улыбнулся армянин. И пояснил: - Жена моя – комендант общежития.

- Понятно.

- Сожалею весьма, но место свободное только одно. Зато – рядом с прекрасной дамой! Если она, конечно, не возражает...

Единственное свободное место, действительно, было за двухместным столиком, где сидела дама примерно Володиных лет. "Разрешите?" – спросил. Дама кивнула. Армянин нечувствительно исчез, кивком отправив вместо себя официанта. Дальше было, как всегда. Познакомились. Звать Света. Не худая, не толстая. Роста вроде среднего, хотя сидя не поймешь. Кругловатое лицо, серые выразительные глаза, короткие светлые волосы. Не красивая, но и не некрасивая. Приятная. И неглупая, оказалось. Парикмахер, работает здесь же. "Хочешь, постригу так, как тебя никто еще не стриг?" Выпили вина. Выяснилось, дама живет в этом же общежитии, этажом выше. Одна. Когда поднимались к ней, спросила загадочно: "Не боишься?" "А что, тайный муж есть?" – ответил Володя. Света внимательно посмотрела на него. "Ну, если не боишься..."

Ночь описывать излишне. Была она жаркой и щедрой для обоих. Такой смелости можно было ожидать либо от очень близкой, либо от совсем случайной женщины. По всему судя, Света давно не имела дела с мужчинами.

А утро случилось таким, каким его Володя представить не мог.

В дверь постучали. Света, накинув халат, открыла, не спрашивая. Вошли трое. Все – кавказцы. Один постарше, лет двадцати шести, другие – сопляки совсем, едва ли совершеннолетние. Свете сказали что-то не по-русски – она ушла в угол, села на стул молча. Глазами извинялась: "Я же тебя спрашивала – не боишься?" Один из вошедших подошел к Володе, сказал коротко: "Одевайся!" Кое-как натянув штаны, Володя тут же получил по морде. Отлетел на кровать, вскочил, встал в стойку. Драться не умел и не любил, но чтоб по морде на халяву... В общем, решил с честью помереть.

Ударивший, который постарше, внимательно оценил стойку. Усмехнулся. "Ты же вроде боксом никогда не занимался? А стойку держишь правильно. Ладно, расслабься. Не узнал? Служили вместе".

- Мать твою!.. Мага!

С чеченцем Магомедом были они в армии почти не-разлей-вода. Служили в одной роте, в одном взводе, учили курсантов водить танки – номера машин были соседние: у Володи 99, у Маги – 100. Не раз бывали на маршах, не раз тайно вместе кушали водочку. Мага, как кавказский человек, не признавал в армии стариковства и не раз выручал Володю от побоев. Просто становился к стенке, прикрывая его, брал в руки табуретку или что потяжелее и говорил: "Ну, пробуйте, кто потрезвее и посмелее". Языком русским он владел лучше, чем многие русские: на "гражданке" служил преподавателем русского на филологическом факультете Ростовского университета. "Старики", матюкаясь, отступали. Понимали по глазам: стоять будет до последнего, либо убьет, либо погибнет. Володе потому если и доставалось от старослужащих, то редко и так, чтобы Магомед не видел. Пару раз строптивного чеченца пытались побить втемную, ночью, - но как-то так случалось, что он оказывался к этому готов. В результате несколько человек оказались в медсанчасти с переломами – Магомед, даром что филолог, занимался боксом и самбо, - другие пытаться перестали. Так вышло, что предупреждал Магомед о готовящихся разборках Володя. Дружба их длилась все два года, начиная с "учебки", и прекратилась, как водится, с дембелем. Писали друг другу некоторое время, потом закрутили дела, писать перестали. В общем, перестали и помнить. И вот – такая встреча...

- Давай, я тебе тоже в ответ по морде дам? – весело предложил Володя, потирая челюсть.

- Не вопрос - вот она, моя морда! – так же весело ответил Мага. Обнялись. – Извини, не сразу тебя узнал.

- Да, я заметил.

На лицах пацанов, пришедших с ним, и Светы отчетливо читалось недоумение.

- А чего это вдруг ты на меня накинулся? – спросил Володя.

- Дело серьезное, - ответил Магомед, и действительно посерьезнел. – Понимаешь, был у нас друг общий, муж этой вот... Светы. Промышлял маленько всяким... Рынок был под ним один, еще кое-что по мелочи. Убили его. Он чувствовал, что охотятся. В городе после того как Петровича посадили, беспредел снова начался, а он был человек Петровича. Чувствуя, просил нас: "Убьют – Свету берегите. Пускай ни с кем не будет, замуж не выходит. Люблю ее сильно, станет мне и на том свете плохо, если она с другим". И уезжать из города в другие места не велел. Мол, когда помрет – чтобы рядом лежать...

- Глупость ведь! – не сдержался Володя, и на всякий случай прикрылся от возможного удара. Магомед засмеялся.

- Согласен, глупость. Брат он мне, понимаешь? Не по крови – по жизни. Как ты, от смерти и побоев меня спасал. Как я должен поступить?

- Понятно. Ладно, что есть, то и будем есть. Что же ты, - повернулся к Свете, - не предупредила? А если бы не Магомед это оказался?

Света промолчала. Понравился он ей, и весь секрет.

- Ладно, - сказал Магомед. – Будем считать, всем нам повезло. – Он повернулся к пацанам – те, как вошли, так молча простояли по обе стороны двери, - что-то сказал почеченски. Пацаны все так же молча вышли.

- Кто такие? – спросил Володя, кивнув на закрывшуюся дверь.

- Земляки, не видишь? – усмехнулся Магомед. – Все расскажу потом. Забирай свои шмутки и айда ко мне.

- Во-первых, не шмутки, а шмотки – тоже мне, преподаватель русского языка!

- Ну-у, когда это было, - протянул Магомед.

- Во-вторых, забирать мне здесь нечего, потому как живу этажом ниже. И не делай таких больших глаз. Когда ты мне расскажешь, как здесь очутился, я тоже, наверное, удивлюсь.

- Выходит, мы с тобой снова в одной казарме, как шесть лет назад. Ну, тем лучше. Давай зайдем к тебе ли, ко мне, поговорим по душам. Прихватим чего-нибудь. Расскажем друг другу, как жизнь сложилась.

- Пстой, Магомед... А как же со Светой быть?

- Да все нормально. Скажу другим своим пастухам, что предупредил я тебя – и ты понял.

- Ну а как вообще нам дальше-то?

- Не понял.

- Ты вот сказал, что всем нам повезло. А я что-то особого счастья не чувствую. Повезло, что я это оказался, и поэтому не убил ты меня, что ли?

- Я бы не убил тебя, если бы ты даже оказался чертом, - зло сверкнул глазами Магомед и хищно дернул усами – эту привычку Володя помнил у него по армии, так было, когда Магомед начинал злиться. – Я не мокрушник!

- Ладно, не мокрушник, - поспешно согласился Володя, но отступать не собирался. – И все равно – что нам дальше, по-твоему, делать? Допустим, сильно мне Света понравилась. И я ей, допустим, тоже. Понимаешь ведь ты, что брат твой по жизни глупость сморозил. Что ж ей теперь, всю жизнь за эту глупость рассчитывать?

- Я же сказал тебе – да, понимаю, глупость! – снова стал заводиться Магомед. – Хорошая она девушка, и в соку. Жить бы и жить, детей нянчить. Но я обещал,

понимаешь?! Кто я буду, если обещание нарушу, какой мужчина? Да и не я один обещал. Другие придут – хуже будет. Я не спасу. Не сумею.

- Может, выкрасть мне ее? Вон машина-то, на стоянке...

- Джигит!.. Далеко ли уедешь? Знаешь, какие тут, в Краснохолмке, у наших прихватки? За город не успеешь выехать.

- Эй, вы, джигиты! – втиснулся в паузу тихий, но звенящий от ярости голос. – А вы меня спросили?

- Молчи, женщина! – отмахнулся было Магомед.

- У себя на Кавказе будешь рукой махать! - так же тихо и яростно прошипела Света. – Я не хуже твоего ваши обычаи знаю, не один год с Асланом прожила. Он и правда, хоть и мужчина был настоящий, а сглупил перед смертью. Там, - махнула она наверх, - небось, истерзался уж весь, кается. А вы тут за мной наблюдение устроили – и думаете, угодное ему дело делаете? Другой-то мысли, поумнее, в голову не приходило?

- Послушай, ты... - сделал к ней шаг Магомед.

- Да не пугай ты меня, Мага... Устала я бояться, - уже без всякой ярости сказала Света. – Я ведь подчиняюсь вам, пастухам несчастным, только до той поры, пока сама свой выбор не сделаю. А сделаю – либо сумею уйти от вас, либо... либо убейте! У вас есть, кому...

Повисла тишина. Магомед не нашел, что возразить. Да и не хотел возражать, по всему судя. Володя открыл рот, но Света его опередила.

- А ты, Володя... Ты не меня сейчас отстаивал, а свое на меня право. С какой стати? Его заслужить надо. Я девушка хоть и не горная, но гордая. Не поеду я с тобой никуда. Не пойду. И тебя попрошу больше не приходить. Если уж сама позову – ну, тогда пропади все пропадом, значит...

Володя как-то сразу понял, что спорить не будет. Испытал внутри облегчение. Постыдное облегчение: не он принял решение.

- Ну, вот и решили проблему, - усмехнулся. – Что ж, пока, Света. Спасибо тебе. Доволен, Мага? Идем.

Закрыв за ними дверь на ключ, Света взяла со стола сигарету, закурила. Стала смотреть в окно. Там опять летел снег, тихо, без ветра. Хлопья большие, как детские бантики. Людей на улице было немного, а те, что были, смешно по-лошажьи мотали головами, стряхивая с шапок снег.

Хорошо бы и правда уехать отсюда. С кем угодно. Хоть бы и с ним... И не потому даже, что надзор опостылел. Просто все как-то... замерло, когда Аслана убили. Его родные звали ее в Чечню, она даже раз туда съездила. Обошлись с ней ласково, приняли даже с некоторой торжественностью, знали, что сын погиб, как настоящий мужчина. Как мужчина гор – гордо. Побывала неделю. Вернулась, твердо зная: только не туда. Чужая... не республика – страна чужая, чего никак не могут понять наши тупые правители. И она в этой стране – чужая.

И все-таки – уехать бы...

Глава 9

Темнело, когда в кабинете Васина раздался телефонный звонок. Длинные сухие пальцы взяли трубку.

- Леонид Георгиевич, нашли, - без обычных приветствий произнес голос Мичурина. – Живет...

- Потом расскажешь, - прервал его Васин. – Пасите. Хоть теперь-то не упустите!

Васин положил трубку на рычаг. Уставился перед собой, на золотой глобус. Этот город и область эта раздражали его, как Ершалаим прокуратора Иудеи. Все здесь было чужое, все дышало враждой. Кажется, на каждом шагу, в каждой поездке, на каждой встрече с местными поджидала опасность. Местные большей частью новых чиновников

не любили, и нелюбовь эта материальные черты обретала тогда, когда носители крутых мобильников, оплаченных московскими спонсорами, вынуждены были искать понимания у своих городских коллег. У тех мобильники тоже были. Понимания не было. Ясно, что и среди приезжих были деловые и знающие – Васин из таких, - но доказать свою профессиональную состоятельность и лояльность к Краснохолмску и области, народу, - доказать это было чрезвычайно трудно. Получается, невозможно. А там, где возможно, мешали другие – внутренние – причины.

Внутри "серого дома" одна за другой плелись интриги, сплетались в ядовитые клубки, как змеи. Новые управленцы, большей частью молодые, наглые, только что выбившиеся в московские бизнес-круги и направленные в провинцию наращивать мускулы, исправно занимались этим в борьбе с себе подобными. Совсем недавно сидя клерками в каких-нибудь второсортных столичных банках, коммерческих фирмах, а то и вовсе в "отмывочных" конторах, здесь они изо всех сил толкались локтями, норовя занять место, которое им казалось подходящим.

Генерал смотрел на это сквозь пальцы. Если вообще смотрел. Его самого сюда прислали, чтобы торжественно похоронить. Было время, когда он не в меру сильно засветился на российском небосклоне. Его сторонники уже видели в нем будущего президента страны. Еще бы – в выборной гонке стал вторым. Кремль и престарелый гарант забеспокоились. Тогда администрация гаранта сплела интригу, использовав собственные амбиции генерала. Ему внушили, что Краснохолмск – лучшая платформа, откуда можно впрыгнуть в президентский поезд. В противном случае этот поезд вот-вот отойдет, и станет поздно. Выборы генералу сделали без шума и пыли, а после позволили скоренько убрать тех, кто мешал или мог помешать: прежних чиновников, крестного отца города и области Петровича, собственными кровными заплатившего за губернаторство генерала, прочих. Одних сгноили в тюрьме по надуманным обвинениям. Выпускали, конечно, но были они после тюрьмы уже не люди. Других, как Петровича, пересаживали с нар одного СИЗО на нары другого.

Деловую элиту раскололи, она ничего не могла. Половина преданно заглядывала в глаза, норовя лизнуть руку или что пониже, половина сопротивлялась, но сопротивление это было вялым. Область же помаленьку разрушалась, и Москва то и дело стала намекать губернатору – не затем, мол, мы тебя править послали.

По мере того, как врубался новый губернатор в суть происходящего, и без того низкий лоб его становился еще ниже. В какой-то момент начал он понимать, зачем он здесь и кто его сюда посадил. Говорят, в кругу самых доверенных мог по пьянке запустить что-нибудь вроде: "Вы думаете, нужна мне эта власть – что здешняя, что российская? Да на хрена она мне нужна! И за державу больше не обидно, раз держава такая... скотобаза. Вот у меня в столе пистолетик лежит дареный, с которым я на дембель ушел. Ждет своего часа. Дождется. Смазал недавно..."

И потому кто, с кем и за что воевал в его собственном "кремле", было генералу в основном до фени. А интриганы пользовались неменяемостью вершины властной пирамиды.

...Васин подошел к балкону, открыл, выглянул наружу. Темно уже было совсем. Против "серого дома" виднелся такой же серый силуэт свергнутого вождя мирового пролетариата. Тот стоял спиной к администрации, в неизменной кепке, перед собою видя городской парк и праздно шатающуюся молодежь. Голая по случаю зимы сирень, проспект с ровными рядами машин, которых с каждым годом в Краснохолмске становилось все больше, - все это отделяло бывшего вождя от нынешних. Каменный идол, изнасиловавший целую страну, теперь показывает зад новой власти, им же, по сути, порожденной... "В этом что-то есть". Васин усмехнулся. Экая дурь в конце рабочего дня лезет в голову.

Сзади послышался шорох. Васин обернулся. Высокая дверь отворилась, в кабинет вошел Михаил Петрович Лесюк.

- Можно, Георгич? Там у тебя нет никого в приемной, так уж я без доклада, - в сказанном содержалась ирония. Следовало отреагировать адекватно. Васину было лень.

Лесюк служил в той же должности, что и Васин, то есть замом губернатора. Чем он при этом занимался, никто толком не знал. За глаза его называли "серым кардиналом", и, похоже, не напрасно. Губернатор держал его все время при себе, как главного помощника. Доверял ему, похоже, безгранично. Советовался. Многие решения, как догадывался Васин, только подписывались генералом. Принимал их на самом деле Михаил Петрович. Он же скрывался за кулисами многих интриг, сталкивающих лбами разные группировки в администрации. Сочинял блестящие сценарии – и с блеском осуществлял постановки. Между прочим, никакой не образ: до того как попасть на службу в ФСБ и оттуда уйти на пенсию (хотя Михаил Петрович был еще мужик крепкий; очень крепкий), успел он получить театральное образование, стать режиссером в одном провинциальном театре где-то в средней России и что-то поставить.

С генералом они познакомились в Приднестровье. Генерал командовал армией. Чем там занимался Лесюк, неясно. Был ли он в то время еще сотрудником спецслужбы или ушел уже на пенсию, никто этого не знал. То есть можно было, наверное, получить такую информацию в кадрах администрации. Но дело в том, что Лесюка боялись. Все. Включая, кажется, самого генерала. Этого Лесюк держал на каком-то прочном крючке еще, похоже, с Приднестровья. Другие боялись как интригана и мстительную личность, способную в любой момент вынуть из-за пазухи досье с компроматом на любого чиновника. Или почти на любого. Замараны были все. Вот Лесюк всех и повязал. Знал о каждом так много, что дешевле было его бояться. Да и вообще: известно – не бывает "бывших" офицеров ФСБ.

Одевался Лесюк довольно причудливо. Он ходил по администрации в мягкой кожи сапогах, армейских галифе и френче образца едва ли не Второй мировой. Знающие люди, однако, говорили, что все заказано у лучших мастеров, из лучшего материала и сносу не знает. Такой стиль. Голову Лесюк брил, отсюда возникла кличка: Лысюк. Курил исключительно папиросы. Хорошие, правда. Все это незнающему человеку было, во-первых, странно, а во-вторых, всякому выдавало в экстравагантном губернаторском замке человека не публичного. И настораживало.

По многим вопросам, связанным с деятельностью силовых органов, Васин волей генерала отчитывался перед Михаилом Петровичем.

- Не возражаешь, я присяду? – Лесюк сел к длинному столу, подтянул к себе пепельницу. Сам Васин не курил, но относился к дыму спокойно. – Ты, Леонид Георгиевич, знаешь: я каких-то особых подходов не люблю, предпочитаю сразу по делу. – Это и был один из его фирменных подходов – сначала сказать эту фразу, а потом долго доставать папиросу, которая непременно сломается – значит, доставать другую, дуть в нее, потом искать спички, прикуривать, затянуться – и вдруг закашляться минут на пять-десять, это зависело от того, чего он хочет от собеседника. В общей сложности процедура занимала с четверть часа. Не то чтобы она как-то особенно деморализовала – умные люди, не на допросе, понятно, что цирк. Но нервировала заметно.

Васин терпеливо ждал, когда Лесюк проделает обязательный номер. Наконец, тот откашлялся.

- Папиросы стали... говно на палке! – сердито сказал Михаил Петрович и широкой ладонью утер слезу. – Леонид Георгиевич, твои менты занимаются делом о гибели Королева?

- Только этим и занимаются, - усмехнулся Васин.

- И что – тишина?

- Михаил Петрович, так скоро только известно какие дела делаются.

- Ну да, ну да... Ну, а предположения какие есть?

- Разные. ("Ну чего ты ко мне прицепился? Щупаешь меня? Ничего я тебе все равно не скажу больше того, что захочу, разведчик сраный!")

- А поподробнее, - сделал голос серьезным Лесюк.

- Поподробнее? Да нет подробностей пока, я же говорю. Одно пока предположение: водитель не мог не справиться с управлением и самостоятельно свалиться с дороги. Он для этого был слишком опытный. Его столкнули.

- На чем основана такая версия?

- Это не версия. На джипе есть следы сильного удара со стороны водителя. Такого сильного, что он мог быть нанесен только большой машиной. На дороге остались следы торможения как раз такой большой машины. Возможно, это был КраЗ или что-нибудь в этом роде. На ней, конечно, тоже должны остаться следы. Но ни в городе, ни в ближайших деревнях пока ничего подобного не нашли. Все было продумано тщательнейшим образом и рассчитано до секунд.

- Вашим сыщикам известно, что маршрут, которым должен был следовать из города Королев, был изменен в последний момент? – впился взглядом в Васина Лесюк. "И это знает, паршивец. Откуда, интересно?"

- Известно.

- Причина? Почему он выехал не той дорогой?

- Разбираемся, - у Васина вдруг мелькнула еще не очень четкая догадка, - хотя... Не главный это вопрос. Какая разница – тем путем выехал или другим? Ждали его в том месте, которое он миновать в любом случае не мог. Михаил Петрович, а ваш-то вопрос с чем связан? Какое вы-то значение этому придаете? Может, я чего не знаю?

- Да есть у меня некоторые соображения. Я их пока при себе подержу, - Лесюк погасил папиросу. – В общем, ясно. Генерал интересуется лично этим делом. У них хоть и не очень были отношения, но... Так что, Леонид Георгиевич, как только какие новые детали, ты уж будь добр – мне. Удачи.

Лесюк мягко вышел из кабинета.

Васин посидел некоторое время молча, о чем-то думая. Потом набрал на "вертушке" номер.

- Привет, оппозиция. Васин это. Поговорить надо. Срочно. Твой интерес. Нет, не у меня и не у тебя. Хорошо, давай там. Через полчаса.

Глава 10

В общаговской комнатке Владимира Свистунова за столом сидели он и его армейский друг Магомед. Пили водку, закусывали консервами и колбасой. Запивали минералкой. Магомед рассказывал.

- Из армии вернулся, пришел туда же, где раньше работал. В университет. Вызвали к ректору, тот говорит: "Магомед Султангариевич, я вас очень уважаю, но есть обстоятельства". Я еще ничего не понял – что за обстоятельства, о чем он? "Недавно, - говорит, - был у меня разговор с одним шибко уполномоченным человеком, имеющим выход на самого президента. Он дал мне прямо понять, что ваше возвращение в университет нежелательно". Но почему, спрашиваю. "На Кавказе неспокойно. В Чечне. Вы – чеченец". Так я же не сегодня стал чеченцем, всегда им был! Преподавал ваш язык, который для меня – не то второй родной, не то первый, я уж и не знаю. Я вашу культуру, вашу литературу знаю лучше вас. Почему мое нахождение в университете так опасно? Я что – деньги ворую или убил кого? А он, подлец, и отвечает: "Вы – нет. Но ваши сограждане..." Вот ведь сволочь какая! Будто бы они не в России живут и не его сограждане в той же мере, что и мои. Я его взял за шкирку, тряхнул разок. Потом опомнился. Извинился даже. Он стоит, белый, губами трясет. Я говорю: "Извини, паскуда, что я тут два года тебе глаза мозолил, прикидывался хорошим преподам! Надо было мне раньше по голове тебе дать втихаря, чтоб точно знал, за что теперь меня выгоняешь". Он только сумел сказать, что, мол, не он виноват, если он меня не уберет из универа, его самого уберут. В общем, плюнул я, даже заявление писать не стал.

Магомед налил водки, молча выпили, куснули колбасы.

- Главное, что обидно-то: никак я не мог понять, что за ерунда такая, какой "уполномоченный человек", что за причина? Долго не понимал. Только потом дошло, когда первая чеченская кампания началась. Понимаешь, эти суки вот так заранее к ней готовились – почву подрабатывали, чтобы "шпионов" в тылу не оставить. А "ширко уполномоченным" мог быть только представитель президента, государево око.

Ну, а дальше что? Ушел – податься некуда. Жил я в Ростове в общеаге, после армии этот паразит квартиру обещал дать. Из общеаги, естественно, тут же попросили. Поехал домой, в Грозный. Ну, я там не в самом Грозном жил, а у брата в селении под Грозным. За несколько лет, что там провел, федералов возненавидел. Своими глазами посмотрел, что они там творят. Оружие они продают бандитам, я сам видел. С наркоты не слазят, женщин чеченских насилуют. Вот процесс сейчас идет по Буданову – думаешь, один он такой? Его просто сдали, как пешку. Там таких – сотни, как он. Ну, десятки, может. Но много.

С другой стороны, и наши не лучше. У брата в яме рабы русские сидели. Он их, как собак, держал, даже хуже. Я говорю: "Что делаешь, брат? Разве Аллах тебе такое простит? Рабство – средневековье это". Он смотрит на меня со злобным сожалением – что брат я ему, что убить меня не может поэтому – и говорит: "Уезжай отсюда! Не я, так другие тебя убьют, будешь такое говорить!" И убили бы. Он бы и убил в конце концов. Вот я и уехал. Подальше, в Сибирь.

- Ну, а здесь-то что делаешь?

Магомед засмеялся, плеснул еще водки обоим.

- Бизнес. Небольшой, правда, относительно. Наши помогли, как смогли. Детали рассказывать не буду – уважать перестанешь. В общем, помогли... Есть несколько магазинчиков, павильонов. Живу, как могу. Машинка имеется. Хорошая. Женой вот, правда, пока не обзавелся.

- А чего живешь-то в общеаге, раз бизнес у тебя прет? – Володя слегка захмелел.

- Ну, это простая история. В свое время, еще до моего приезда, один из наших... скажем так – неформальных лидеров нашел какой-то крючок, которым зацепил фигуру в коммерческом институте – не то проректор он там, не то еще кто. Короче, общежитиями ведает. Тот всю торговал комнатами, мало того: в одном из общежитий у него был натуральный бордель. Амир как-то умудрился найти крутой компромат – с фотографиями постельными, с признаниями участников, даже с указанием сумм, полученных этим жуликом-проректором. Пришел к нему, едва попал на прием. А когда выложил все перед ним, тот чуть не обделался от испуга. Потому что у Амира и некоторых других наших... назовем их опять лидерами, - у них прихватки будь здоров. Да я тебе уже сказал об этом. Там и на ФСБ выходы, и на губернатора почти непосредственно, про ментов я уж не говорю. На всех уровнях. Амир этому жулику и предложил сделку: ты нам отдаешь общежитие, а мы никуда эти симпатичные бумажки не передаем. Но и не уничтожаем. В общем, выбора у проректора не было. Все прошло по-тихому, естественно, неофициально. Амир даже честно заплатил какие-то деньги.

- В смысле – взятку дал?

- Ну, если тебе так привычнее... Да не одну. Ректор там тоже покормился, еще другие кое-кто.

- А кафе армянское?..

- Оно здесь еще раньше появилось. Были кое-какие проблемы – Амир уладил. Честно говоря, не совсем мирно. Но договорились в конце концов. Работают, мы их не трогаем, они – нас. Кое-чем делимся.

- Ну, хорошо, общежитие ваше. Как я понимаю, вы его сдаете покомнатно и имеете с этого.

- Правильно понимаешь.

- Но ты-то что тут делаешь?! Есть деньги – купил бы себе квартиру, особняк построил. Видал, какие хоромы себе новорусские нынче мастерят?

Магомед усмехнулся.

- Ты выше своего шестого этажа в здание поднимался?

Володя отрицательно покачал головой.

- Тогда пошли.

Они поднялись на лифте до девятого этажа – всего их было десять, - вышли на площадку. Володя начал понимать. Площадка перед лифтом и коридор были отгорожены от лестницы узорчатой металлической решеткой. Сейчас решетка была распахнута, но на ночь, видимо, запиралась на замок. Снаружи на ней висел домофон, по которому можно было связаться с нужной комнатой. Решетка отпиралась автоматически из любой.

Магомед повел Володю по коридору. Сам коридор был, как и водится в общежитии, неширок, но щедро освещен, отделан дорогими панелями. Там, где коридор расширялся и образовывал небольшой холл, стояли мягкие кресла с пепельницами, сквозь широкие окна из пластика свободно падал дневной свет, под которым целлулоидно отливали широкие листья фикусов в кадках. Здесь же стояла небольшая пальма, а у стены пристроился огромный аквариум. Ухоженный, с прозрачной водой и диковинными рыбами. "Неслабо", - подумал Володя. По-видимому, и десятый этаж выглядел так же.

- Так же, - подтвердил Магомед. – Только там еще выход на крышу, в летний сад.

Магомед открыл свою комнату. Володя зашел – и замер от неожиданности.

Натуральная трехкомнатная квартира. Просто три общежитских комнаты соединили в одну, добавили кухню и санузел. Как такая перестройка соотносилась с общей архитектурой и сантехнической системой общежития, для Володи осталось загадкой. Обстановка и отделка квартиры армейского приятеля особым шиком не блистали, но деньги во все это были вложены, по всему видно, очень хорошие. Сплошное ковровое покрытие делало шаги неслышными, мягкая уютная мебель звала присесть. Окна – широкие, пластиковые, ни шума, ни пыли. Тяжелые шторы на окнах, светильники по стенам...

- Ну, понял теперь, почему я здесь живу?

- Да уж как не понять... Не понял только, почему один?

- Успеется, - махнул рукой Магомед. – Что – выпьем еще? Есть вино хорошее.

- Это после водочки-то? Нет уж, лучше водки, если есть.

- Как не быть!

Магомед достал из бара водку, вытащил какие-то консервы, мясо в вакуумной упаковке. "Хоромы роскошные, а содержание – все равно одинаково холостяцкое, что у тебя, что у меня", - подумал Володя. Налили, чокнулись. А выпить не успели. Где-то недалеко внизу раздался глухой взрыв – такой, что пол дрогнул. Магомед выскочил в коридор, Володя за ним. Там ощутимо запахло чем-то... пиротехническим. Володя кинулся было к лифту – Магомед предупредил:

- В лифт не надо. Мало ли чего там...

Быстро спустились по лестнице. Чем ниже, тем ощутимее пахло какой-то дрянью, которая, надо полагать, и взорвалась. Ясно стало на шестом этаже. Сквозь сизый дым можно было различить: у комнаты, в которой вчера только поселился Володя, валялась оторванная дверь, вынесло дверь и в комнате напротив. В коридоре толпились жильцы, кто-то кому-то отдавал какие-то распоряжения – похоже, властный голос принадлежал Лидии Николаевне, но за дымом ее трудно было разглядеть. Володя осторожно зашел к себе. Кровать, шкаф – все было разнесено в щепки. Обои на стенах превратились в обуглившиеся клочья. Линолеум на полу завернулся и выгорел – им и воняло сквозь все этажи. Кто-то из соседей уже успел плеснуть на тлеющий пол воды, вонь понемногу становилась меньше. Окно вылетело вместе с рамой. В этом был свой плюс: дым рассеивался. Под окном разворачивалась пожарная машина – кто-то подсуетился, хотя тушить было нечего. Володя вышел на площадку. Мутило: нанюхался. Кружилась голова. Рядом оказалась Лидия Николаевна. Володя спросил:

- Никто не пострадал?

- Есть. Девочку 11-летнюю в соседней комнате покалечило дверью.

- О господи! – простонал Володя. – Насмерть?

- Я же сказала – покалечило. Похоже, позвоночник сломан. Увезли в больницу. –

Помолчав, добавила: - Вам бы тоже в больницу надо. На вас лица нет.

- Мне-то зачем? Я в порядке. Просто гарью надыхался. Пройдет.

Магомед подошел, тронул за плечо.

- Пойдем. От твоих вещей, судя по всему, ничего не осталось. Пойдем, посидим у меня, дальше придумаем, как быть.

Володя подчинился. У Магомеда первым делом выпил невыпитую рюмку, тут же налил еще – и тоже выпил. Руки дрожали. Магомед внимательно наблюдал за ним.

Наконец спросил:

- Рассказать ничего не хочешь?

И Володя рассказал ему все то небольшое, что знал и чему был свидетелем. Что видел по дороге в Краснохолмск, как в гостинице по ошибке вместо него зарезали ни в чем не повинного звукорежиссера, о том, как попал в общежитие и что намерен делать дальше. Магомед изредка наливал, молча, не перебивая, слушал. Потом плеснул еще раз, помолчал.

- Встрял ты, как говорит нынешняя молодежь.

- Это я и сам понимаю. Мне бы еще понять – кто?

- Хороший вопрос...

- Слушай, Мага... Только ты не обижайся... Ты сказал – ваши связаны с разными там людьми в верхах. Силовики, чиновники... Понимаешь, я же сказал тебе, я по газетам ситуацию мало-мало знаю. Передел идет, и борются за разные заводы несколько группировок. Может, кто из них заказал меня? Допустим, тот майор, что видел меня на посту, - чья-то пешка. Он доложил хозяину, тот отдал команду, меня вычислили – ну, как меня могли вычислить здесь, где я только-только появился? Ясно, как: через ваших.

Магомед не обиделся. Он пару минут молчал, потом отрицательно качнул головой.

- Не похоже. У нас, конечно, мокрушники есть, но дела их – не дальше рынка.

Конкурентов поугагать, с азерами подраться до смерти – это запросто. Киллерские штучки – другое. Это посерьезнее, и много чего за собой тянет. Нет, наши вряд ли. Тем более – у себя же в общаге. Ну, в крайнем случае подловили бы тебя где-нибудь в другом месте. Ты на машине, организовать ДТП – раз плюнуть. Нет, не наши. Но логика твоя, похоже, верна. То, что заказали из Серого дома, и то, что связано это с убийством Королева, - точно. Остается только вычислить, кому это убийство было выгодно и кто, значит, хочет тебя убрать.

- Хорошенькая задача, - передразнил Магомеда Володя.

- Да я не предлагаю тебе ее решать. Я своих попрошу. А вообще... - Магомед глянул на Володю как-то оценивающе, - я бы посоветовал тебе – брось ты это дело. Свали на время, пока все утихнет. Искать они тебя долго не будут. Понятно, чего боятся: ты – журналист, и они боятся, что ты что-то такое выкнешь публично. Пройдет некоторое время, они поймут, что ты им не опасен – можно будет вернуться и спокойно работать.

Володя честно подумал минуты две. Вздыхнул.

- Не могу я так, Мага. Ну, понимаешь... Мне – двадцать шесть. Я в журналистике – щенок, начинающий. Я так и останусь начинающим, если ничего путного не сделаю. А тут – такой шанс! Это же сенсация, понимаешь?

- Ну а ты-то понимаешь, что тебя, пока ты за своей сенсацией гоняешься, запросто завалить могут? Тогда от тебя не только начинающего – ничего не останется.

- Выразился, тоже мне, препод русского языка, - усмехнулся Володя.

- Да не дразни ты меня! – взвился Магомед. – Знаешь, как мне мою профессию утраченную жалко?!

- Ну, извини. Короче, не могу я все бросить. Кто я тогда буду перед тем же Юрьичем, перед самим собой? Говно.

- Смотри, - сказал Магомед, итожа. – Твое дело. Прав ты, а все равно тебя жаль.

В это время мелодично зазвонил домофон. Магомед нажал кнопку.

- Кто?

Ответили по-чеченски. Володе послышалась его фамилия. Магомед коротко глянул на него, так же по-чеченски спросил что-то. Ему снова ответили. Он отпустил кнопку.

- Тебя из "Вечерки" редактор ищет. По телефону. Я сказал, чтобы сюда перезвонил.

- Так у тебя же нет телефона!

- На сотовый, - Магомед вынул из кармана трубку.

- Вот видишь, - сказал Володя, - шеф интересуется, как идут дела. А ты говоришь – бросить.

- Ладно, - махнул рукой Магомед. – Давай лучше выпьем.

Налили, выпили. Хмеля не было. Было какое-то тягостное возбуждение, от которого поскорее хотелось избавиться. Азарт, родившийся было после убийства в гостинице, уступил место другому чувству. Не то чтобы Володя испугался так, как того заслуживали обстоятельства, но... захотелось быть осторожнее. Жить что-то захотелось.

- Слушай, Мага, а что связывает "Вечерний Краснохолмск" с вашим общежитием?

Тот усмехнулся.

- Я подробностей не знаю. Но если правильно думаю, схема там не очень сложная.

Газета живет вась-вась с городской властью. Мэр ей помогает, чем может, а газетчики его хвалят. У мэра есть некоторые рычаги воздействия на нашу диаспору. Рынки под нами, но администрация, чиновники которой крышуют весь малый и средний бизнес, может при случае сильно испортить нам жизнь. У газеты есть бездомные сотрудники – как ты. Мэр поставил нашим условие: селить сколько угодно журналеров из "Вечерки". Там есть какие-то условные расчеты, я в подробностях не знаю. Но, по-моему, схема вот такая, как сказал. Это не единственная услуга, которую наши оказывают городу, есть и другие какие-то. Я не в курсе. Меня это мало касается.

Мобильный телефон заиграл гимн бывшего Советского Союза, который многие коллеги Свистунова постарше никак не могут признать гимном России. Володю же он не раздражал.

Магомед взял трубу, ответил. Протянул Володе:

- Тебя.

В трубке раздался голос Сергея Юрьевича.

- Надо встретиться. Срочно.

Пообещав Магомеду, что ночевать будет у него (других вариантов все равно не было), Володя спустился вниз. Разогрев свою "короллу", которую оставил на стоянке по соседству с общежитием, уже отъехав от стоянки, он вдруг вспомнил, что только что пил с Магомедом водку... Не хватало еще, чтобы его ГИБДД заграбастала и машину отняла. Чертыхнувшись, вернув машину на стоянку, он отправился в редакцию "ВК" на маршрутке.

Глава 11

Юрьевич поздоровался как-то торопливо очень. Сразу стало ясно, что голова его серьезно занята. Показал рукой – "садись!", – потом попросил секретаршу ни с кем не соединять, никого не впускать и вообще: "Нет меня, умер!" – и закрыл дверь. На замок. Володя молча за всем этим наблюдал.

- Ну, как успехи в расследовании? – спросил редактор и внимательно уставился на Свистунова.

- Давай, Сергей, без понтов, а? Ты же сам все знаешь... И мне чего-то сказать хочешь.

- Да я, в общем, без понтов... Меня кое о чем предупредили. Но скажу тебе чуть позже. Я ничего не знаю о том, что происходило с тобой после нашей встречи.

- Так вчера была встреча-то.

- Вот именно. Целые сутки прошли...

- Ну да, верно. Кое-что, действительно, случилось.

Володя рассказал о том, что встретил армейского друга (не рассказал только – где и как именно встретил и о Свете не сказал), о взрыве в комнате, в результате которого остался без вещей – в чем был. Юрьевич, казалось, готов был услышать именно это: не удивлялся, кивал головой и вообще демонстрировал всяческое удовлетворение. Наконец сказал:

- Ну, все правильно.

- Что правильно? – не понял Володя.

- Да все. Все. – Редактор закурил "мальборо", выдохнул: - Короче, новая установка. В связи с резкой переменой обстоятельств, неблагоприятным климатом и вообще – бросай свое расследование к хренам собачьим. Я даю тебе денег как гонорар за героизм, ты недельку отсиживаешься, где скажу, потом приходишь и работаешь у меня в штате. Устраивает?

- Погоди, Сергей Юрьевич, - Володя выглядел растерянно. – Погоди... Как это – бросай? Я ж не сделал ничего еще, ничего не нашел, ничего не раскопал.

- И очень хорошо, - усмехнулся Юрьич. – Ты бы раскопал – а тебя закопали. Не допускаешь? Зря, что ли, в гостинице тебя выслеживали, в общежитии нашли? Чудом ведь промахнулись! Просто по всем расчетам выходило, что дома ты должен быть, а тебя не оказалось – случайно, понимаешь? Где ты был, кстати? Ну, не рассказывай, не хочешь... Все – к тому, что убрать тебя хотят любой ценой. Если даже не прикрываются, не маскируют под несчастный случай там, разбойное нападение – значит, серьезные люди тобой интересуются.

- Ты знаешь что-то?

- Да вот именно – "что-то"! – Юрьич ткнул сигарету в пепельницу. – Всего и мне не говорят. В общем, стоят за всем этим – убийством Королева, как ты правильно понимаешь, и всем сопутствующим – серьезные люди. По-настоящему серьезные. Они ошибок собственных никому не прощают. А ты уже заставил их ошибиться по меньшей мере трижды. Мне не то чтобы намекнули – заинтересованные личности прямо сказали: "Убери журналиста от греха!" Если сейчас исчезнешь – возможно, найдется способ убедить тех, кто за тобой охотится, что ты больше не опасен, что понял бессмысленность затеи и готов оставить всякие попытки найти истину, как дурной сон. Если не исчезнешь – будут проблемы.

- У меня или у тебя? – спокойно спросил Володя. Внутри у него было нехорошо, сосало.

- Да ладно ты, - поморщился редактор. – Меня уже всяко пугали – и в прокуратуру вызывали за публикации, и по телефону звонили, угрожали... Ну, правда, никого по ошибке не резали вместо меня. И дверью никому позвончик не ломали...

- Здорово ты вывернул! – впился Володя глазами в редактора. – Думаешь, я не понимаю, что из-за меня звукорежиссера зарезали? Что взрывом девчонку из-за меня покалечило – не понимаю, думаешь?! Ты меня за кого держишь? Только ты сам-то разве не понимаешь, что в гостинице я появился, еще ни о каком расследовании и не думая? Меня так и так выслеживали – просто потому, что оказался в ненужное время в ненужном месте. Свидетель я, хоть и случайный. Так какая разница, найду я что-то, за что зацепиться можно, или не найду? Не найду – меня найдут все равно. Где ты меня, интересно, спрячешь, куда пошлешь – на хутор, бабочек ловить? А если я все же найду чего, напишу, что и как на самом деле – глядишь, правоохранительные органы вмешаются...

Редактор заржал.

- Наивный ты человек, Володя Свистунов! Ты правда думаешь, менты, прокуратура такие идиоты, что поверили в случайную смерть директора? Они, конечно, ведут собственное расследование. Знают они уже наверняка, что был ты на месте преступления, видел все. Думаю, и смерть звукача из рок-группы они с тобой связывают, и взрыв в

общежитии свяжут. Не такой большой город, чтобы связь не отследить. И вообще знают они обо всем этом столько, что наши с тобой догадки рядом не лежали и цена им – трамваем переехатый грош. Проблема в том, что результатов этого расследования мы хрен когда дождемся! Разве что генерал раньше времени свое кресло освободит – ну, там, президент ему пост предложит или, скажем, в аварию попадет. А до той поры все будет покрыто тайной, уж для нас с тобой и таких, как мы – точно. Тебя не только не защитит никто – тебя и вызывать для дачи показаний не станут. Команды нет. И это – такой же факт, как то, что я, редактор "Вечерки", при своих не последних информаторах в Сером доме, ничего сегодня не могу толком узнать.

Юрьич помолчал минуту, добавил тише:

- А тебя если урюют, никто искать не станет. Повисишь на ментах некоторое время, как "глухарь", попортишь статистику – и переместят твое дело в разряд уголовно-розыскных.

- Это что означает? – автоматически спросил Володя.

- А то означает, что не станут твоих убийц искать. Безнадега. Ну, может, когда новый губернатор к власти придет, даст команду, достанут из загашников нераскрытые дела, снова затеют розыскные мероприятия... Когда это будет, будет ли вообще, чем кончится, а главное – тебе-то какая польза к тому времени?

Володя как-то слишком живо представил себе: лежит он там... внизу... скелетик обглоданный, никому не нужный и никем не оплаканный... Непроизвольно потянулся к сигарете.

- Так что – убедил? – спросил Юрьевич, и в тоне его содержался положительный ответ. Володя затянулся, отдал Юрьичу сигарету – он редко курил.

- Не убедил. Не брошу.

Юрьич помолчал. Покурил. Поглядел своими сливами мимо Володи. Аккуратно потушил сигарету. Поднялся.

- Что я тебе скажу, Владимир Николаевич... Мудак ты, Владимир Николаевич, вот что я тебе скажу. Редкостный мудак. Я таких, как ты, мудаков давно не встречал... и сильно уважаю.

Володя второй раз за время разговора растерялся. А редактор продолжал:

- А раз ты сегодня не за рулем, тогда давай-ка, братан, крепко выпьем. Заодно наметим план дальнейших действий. Желательно – совместных.

...В общежитие Володя вернулся, как ни уговаривал его Юрьич, как ни пытался силой удержать.

- Мало тебе бомбы в комнате, балда! – говорил Юрьич. – Мало тебе, что остался без шмоток – хорошо хоть, деньги при тебе. Ну, достанут они тебя, Володя! Айда ко мне. Жена с дочкой в отъезде. По пути еще бутылек прихватим, вмажем...

- Бутылек – это хорошо... бутылек... Только мне, Серега, надо завтра башкой соображать. Так что бутылек – отпадает. Пойду в общагу. У Магомеда они меня не достанут. Там знаешь, какая система? У-у-у... Там дверь... и этот... как его... домофон.

Вообще-то будь Володя потрезвее, он, наверное, согласился бы с доводами Юрьича. В самом деле, чего еще ждать от преследователей, неясно. Они, конечно, в курсе, что снова промахнулись. Беда в том, что уговорили они с редактором почти литр "Гжелки", а в насыщенном спиртовом растворе правильные мысли существовать не могут. Так что уехал Володя в общежитие – Юрьич отвез его на редакционной машине.

Суть намеченных совместных действий заключалась, собственно, главным образом в том, что Юрьич обязался куда-то кому-то позвонить, чтобы этот кто-то не то вывел на кого-то еще, не то сам со Свистуновым встретился и как следует объяснил. Что именно объяснил, из пьяного разговора Володя не запомнил. Тем более что разговор этот то и дело прерывался телефонными звонками. Часто – звонками "вертушки", то есть непосредственно из кабинетов Серого дома, с которыми оппозиционер Юрьич умудрялся сохранять отношения. И "вертушку" ему не отрубили с приходом новой власти, что

наводило на зряшные мысли; мысли были и правда – зряшные, ибо ни стукачом, ни двурушником Юрьич не был; просто столоначальники лопухнулись. В общем, больше пили, чем обсуждали, и, как было обещано, выпили крепко.

А на завтра встреча состоялась. И надолго отрезвила.

Глава 12

...Сквозь дремучий сон Володя расслышал-таки терпеливые призывы Магомеда: "Звонят тебе, черт, проснись!" Проснулся. Магомед молча протянул трубку. Володя успел рассмотреть, что показывал настенный циферблат: девять утра. Нынче для него это было ранью немислимой. В трубке раздался голос Юрьича – тоже, надо сказать, не вполне бодрый. Это Володю утешило.

- Через час – в кафе на Стрелке.

- Похмеляться, что ли? – плоско пошутил Володя.

- Сведу. Познакомлю. Поговорим, - трубка разразилась короткими гудками.

Голова болела, но после ледяного душа состояние стало терпимым. Мага смотрел насмешливо-сочувственно.

- Сколько приняли-то?

- А черт его знает! Точно не помню. Но достаточно, особенно учитывая принятое до того. В общем, лучше б я умер вчера.

- Где встреча?

- В кафе на Стрелке... А зачем тебе? – спохватился Володя. Магомед засмеялся.

- Конспиратор! Сначала сказал, а теперь спрашиваешь – зачем... Да просто помочь тебе хотел. Реанимировать. До Стрелки пешком – минут двадцать. Машину брать не станешь – значит, имеешь право на пятьдесят граммов.

- Заманчиво, - сказал Володя. И отказался. – Редко похмеляюсь, привыкать не хочу. К тому же есть подозрение, что шеф мой новоиспеченный тоже предложит, поскольку и ему, хоть и тренированный, сейчас не очень, должно быть. А мне сегодня еще башкой соображать. Так что – спасибо.

- Была бы честь, - сказал Магомед сочувственно.

В кафе на Стрелке Володя припоздал минут на десять. Вошел стремительно, стал оглядывать зал. Юрьича не обнаружил. Удивился. Зал был пуст, да и понятно: кто в десять утра в кафе ходит? Персонал кафе тоже, видимо, только просыпался. Не было за стойкой даже бармена. За угловым столиком сидел единственный посетитель с длинным узким лицом. Когда Володя вошел, тот не обернулся в его сторону. Был занят кофе и, видимо, самосозерцанием. Володя тоже занял столик, попросил у возникшего тут же официанта ("значит, проснулся!") чаю с лимоном и стал ждать. Редактор пришел минут через пятнадцать.

- Привет! – судя по улыбке и жвачке, он уже успел привести себя в рабочее состояние. – Так вы не познакомились?

- То есть? – Володя в недоумении посмотрел на единственного посетителя.

- Пойдем, - Юрьич направился к человеку с длинным лицом. – Леонид Георгиевич, доброе утро! Прошу извинить за опоздание, за то, что заставил ждать...

Человек неторопливо отхлебнул кофе, поднял лицо.

- Я сам виноват. Знаю ведь, что обязательность – не твоя черта, и всякий раз прокалываюсь. Как ты еще умудряешься журналистом служить, редактором, с людьми встречаться, авторитет сохранять – ума не приложу!..

- Сам удивляюсь, Леонид Георгиевич! Видимо, прощается мне моя необязательность за четкость гражданской позиции и последовательность в ее отстаивании!

- Ну-ну. Ладно, проехали. Знакомь.

Юрьич представил Свистунова. Человек с длинным лицом отрекомендовался сам:

- Леонид Георгиевич Васин. Зам губернатора. Это я попросил Сергея, чтобы он организовал нашу встречу. Я знаю, над чем вы работаете. У меня есть, что вам рассказать. Надеюсь, вам это пригодится. Но сначала несколько общих слов.

Суть короткого вступления свелась к одному: самое разумное – бросить всякие попытки что-то расследовать и сделать так, чтобы о Володе забыли. Аргументация прилагалась, и строилась она не на умозрительных рассуждениях, а на самых что ни на есть конкретных фактах. В устранении Королева были заинтересованы нешуточные силы, нити этого интереса не обрываются в Краснохолмске, на уровне одной из группировок обладминистрации, а тянутся наверх – в столицу нашей родины. Или в загранку, что в определенном смысле одно и то же. Важно, что для этих ребят убрать человека – раз плюнуть. Убрали директора, героя труда и вообще фигуру заметную – что им до какого-то начинающего журналиста? Не поморщатся.

Володя помолчал.

- Хорошо. Два вопроса. Во-первых, почему я до сих пор еще жив, сижу вот тут с вами и все это слушаю неотрезанными ушами? Кстати, попутно: почему меня сразу не убрали – ведь останавливали на посту ГАИ, был там майор какой-то подозрительный в "гражданке". Все данные мои у него есть. Второе. Допустим, обо всем сказанном вы действительно знаете не понаслышке – так расскажите подробнее! Или подтвердите документально. Может, и правда испугаюсь.

Очевидное раздражение, прозвучавшее в голосе Володи, не смутило собеседника. Васин едва дрогнул губами.

- Отвечаю по порядку. На вас все же покушались, и спасла вас, насколько знаю, оба раза чистая случайность. Сидите и разговариваете вы с нами невырванным языком не только благодаря случайности, а еще и потому, что ничего пока не сделали и представляете для них лишь потенциальную опасность. Как свидетель. Потому охотятся на вас лениво, и если вся ваша расследовательская деятельность на этом прекратится, будете и дальше радоваться жизни. Кстати, майор подозрительный – наш человек.

- Ваш?! Тогда почему же до этого я его...

- Позвольте, я закончу отвечать на заданные вопросы, а уж потом вы зададите новые,

- Васин едва заметно улыбнулся. - Ну, а что касается подтверждения... Достаточно ли веским свидетельством будет для вас распечатка телефонного разговора одного из главных заказчиков устранения Королева с исполнителями?

- Не подстава? – совсем уж обнаглел Володя. Юрьич хмыкнул – ну ты, мол, даешь.

Васин поморщился: грубо. Сухо ответил:

- Разумеется, у нотариуса я ее не заверял.

Володя почувствовал себя неловко.

- Извините, Леонид Георгиевич. Просто вчера только меня старательно пытался выпихнуть из этого дела Сергей Юрьевич, теперь вот вы...

- Проехали. Вам нужно думать или решите сразу?

- Буду думать... секунд тридцать. В общем, убедили вы меня только в одном: история опасная и потому увлекательная. А если уж совсем откровенно, о таком деле начинающий, как вы выразились, журналист...

- Разве я неточно выразился?

- Уж куда точнее!.. Так вот. Начинающий журналист, если он не идиот, за такое дело должен ухватиться мертвой хваткой. Что я и делаю, ибо идиотом себя не считаю. Можете помочь – буду благодарен. Нет – попробую сам, что, конечно, сильно осложнит работу.

Васин помолчал с минуту, повертел в руках опустевшую чашку из-под кофе.

Взглянул на Володю – тому увиделись в этом взгляде оправдавшиеся ожидания.

- Я рад нашему знакомству. Есть необходимость его продолжить. У меня действительно имеются кое-какие документы, которые вам сильно облегчат работу. Не с собой. Я ведь не был уверен, что наш разговор закончится именно так. Да и не самое лучшее – нести их сюда. Сделаем вот как.

План был прост и надежен. Следующим утром замгубернатора должен был лететь в Москву. В аэропорту до регистрации он оставит бумаги в камере хранения, причем в сумке, принадлежащей Володе. Даже если за журналистом установлено наблюдение, вряд ли кому из недругов придет в голову подозревать ни в чем не повинную сумку, с которой Свистунов не расстается. Ну а для полной надежности можно сделать вид, что журналист кого-то встречает, а тот не прилетел. Так и договорились.

Забрав сумку Володи, Васин вышел из кафе первым. Машину он, в отличие от других, «крутых» губернаторских замов водил сам, хоть и была она служебной. Так и узнавали серебристую «Ауди» Васина – не столько по номерам, сколько по водителю. Опять-таки симпатично отличало ее от других то, что стекла в машине не были тонированными.

Леонид Георгиевич уехал, а Юрьич сделал Володе втык за неприличное поведение за столом.

- Но в общем, ты своего добился, - подытожил редактор. – И, несмотря на хамство, кажется, заслужил расположение.

- Главное – не процесс, а результат, или я не прав, господин редактор?

- Ну, до результата тебе еще далековато, судя по всему.

- Зависит от того, что мне завтра подкинут в сумочке. Может, там сразу отыщутся ответы на все вопросы.

Володя вдруг стукнул себя по лбу.

- Идиот! Забыл-таки!

- О чем забыл? – недоуменно спросил Юрьич.

- Понимаешь, Васин сказал, что майор, которого я видел на посту ГАИ, - его человек. Но еще раньше я этого майора видел с теми, кто столкнул джип Королева. В придорожной забегаловке, я там кофе пил. Там темновато было, но я разглядел. Их было трое, двое сидели, а тот, что оказался после майором, стоял нагнувшись и говорил – мол, пора, лучше пораньше... Двоих я не очень разглядел, но это они, те самые, что потом на КраЗе...

Редактор задумчиво смотрел на Свистунова.

- Слушай, ты точно ничего не перепутал?

- Не перепутал, - твердо ответил Володя.

- Тогда фигня какая-то выходит. То, что Васин не играет с нами – гарантирую...

Получается, что майор – крыса? Или просто по какой-то причине они не смогли предотвратить убийство Королева, и этот самый майор был при исполнителях, просто чтобы не потерять контроля над ситуацией? Бред! Цена вопроса – жизнь человека, притом известного. Не могло такого быть.

- Значит, майор – предатель, а Васин не знает?

- Так или иначе, а рассказать ему об этом надо.

Васина, однако, в этот день отыскать больше не удалось. Замгубернатора срочно вызвали куда-то за пределы Краснохолмска, вернуться он должен был поздно ночью, а мобильный телефон был отключен или недоступен: не все районы области были еще охвачены мобильной сетью. Решили так: раз Володя завтра все равно должен быть в порту, стоит рискнуть и подъехать пораньше, чтобы хоть коротко обмолвиться с Васиным. Информация важная, и держать ее долго нельзя. К тому же не исключено, что, если догадки журналистов верны, это поможет скорее найти ответы на многие вопросы.

Вскоре ответы сыскались. Но цена оказалась слишком высока.

...Как только редактор и Володя покинули кафе на Стрелке, тот самый официант, что приносил Володе чай и которого тот не запомнил, набрал чей-то номер на трубке мобилника.

- Все в порядке, - не здороваясь, быстро сказал он в трубку. – Я все записал, - и дал отбой.

Глава 13

Распечатку, а точнее – магнитофонную запись вместе с распечаткой телефонного разговора, обещанную Володе, замгубернатора Васин получил неожиданно. О тотальной прослушке в администрации при новом хозяине ходили легенды. Истина приукрашивалась лишь самую малость. Умные люди, не желающие делать чьим-то достоянием интимные беседы, вели их в коридорах, туалетах, на улице, и обязательно – при выключенных мобильных. Сигнал с мобильного телефона перехватывается на раз. Самое надежное средство – старые дисковые стационарные аппараты. Хотя «жучка» можно воткнуть и в них. Но радиотелефон поддается прослушке вообще без особых усилий.

Васин, хотя имел дело с правоохранительными органами и неплохо знал их арсенал, никогда никаких специальных «шпионских» заданий никому не давал. Ни устно, ни тем более письменно. По разным причинам, главная из которых та, что не стал он еще полным отморозком. Свою игру, безусловно, вел, но – сравнительно честно. На подведомственные ему структуры, в том числе силовые, старался влиять мягко. Мало ли как завтра переменится расклад в администрации. Секретные или, скажем так, деликатные поручения могут стать достоянием гласности. Репутацией своей Васин дорожил, в Краснохолмске пенсию встречать не собирался, так что вел себя осторожно. Ну и в силу характера и природных привычек претили ему шпионские страсти.

Васин поздно заканчивал рабочий день и рано начинал. Больше оттого, что здесь, в Краснохолмске, никого у него не было. Семья осталась в первопрестольной, и перевозить ее сюда замгубернатора не собирался ни при каких условиях. Домой спешить было нечего, а друзей в чужом городе не нажил. Да и вряд ли наживет: нрав – не самый общительный. Впрочем, он этим не тяготился, и дело себе в рабочем кабинете находил без труда. Поздно уходил – и приходил, когда еще не было секретарши. Открывал дверь своим ключом, включал свет (зимнее утро долгое), садился к столу. Планировал день. Минут через тридцать появлялась секретарша с утренней почтой, газетами. К газетам Васин, в отличие от некоторых других замов и чиновников средней руки, относился серьезно. В том смысле, что читать их или хотя бы просматривать хоть и почитал за труд, но находил необходимым.

Однажды таким же, на другие похожим, зимним утром вошел он в кабинет, зажег свет. Сел на привычное место, привычно потянулся к настольному ежедневнику – и обнаружил рядом с ним пакет из плотной бумаги, в какой обычно приносят заказную корреспонденцию. На конверте печатными буквами шариковой ручкой было написано: "Васину Л.Г." Больше ничего. Внутри угадывался, кроме бумаги, какой-то еще предмет поменьше. Васин вскрыл, оказалось – аудиокассета без пластикового футляра и какой-то набранный на компьютере и распечатанный текст. Над текстом вместо заголовка – той же ручкой и так же печатно – дата: "11.02.99г." И рядом: "Базай". Васин ничего не понял, однако, повертев кассету, вставил ее в музыкальный центр. Полоса какого-то шума – много голосов, звон посуды, но приглушенный, будто где-то вдалеке. Потом – резкий звук, как если бы совсем рядом отодвинули стул. Еще один такой же. И, наконец, голоса – близко, но как бы сквозь какую-то пелену или стену. Один из них показался Васину знакомым. Он добавил громкости, прислушался – и вдруг понял, кому принадлежит голос. Остановив кассету, нажал кнопку селектора. Секретарши Валентины Николаевны еще не было. Васин закрыл дверь на ключ – и тогда снова поставил запись. Спыхватился – и стал сравнивать звучащий текст с тем, что было напечатано на бумаге. Все сходилось. На бумаге была полная, до мелочей, расшифровка диалога двух мужчин, одного из которых Васин узнал точно. Второй голос был незнаком. Видимо, неведомый доброжелатель (или провокатор?) и рассчитывал на то, что замгубернатора узнает одного из собеседников. И сделает свои выводы. Васин узнал. Когда до конца прослушал запись, на всякий случай, будто не веря, прочел еще раз расшифровку...

Обычная утренняя сонливость улетучилась. Уже по приобретенной привычке Васин задумчиво вертел в руках золотой глобус Краснохолмской области. "Вот, значит, как..." Для порядка следовало усомниться в подлинности записи, но внутренний голос подсказывал Леониду Георгиевичу: подлинная. Хотя можно, конечно, кое-кого из близких ментовских экспертов, которые будут молчать, попросить проверить. Больше для того, чтобы сомнениям вовсе не оставить места. Еще – чтобы установить возможные обстоятельства беседы – где, когда. Ну конечно, как же он сразу не догадался: дата, указанная на первом листе расшифровки, скорее всего и есть дата разговора, а слово "Базай", как теперь вспомнил Васин, означало название одной базы отдыха. Была она не очень заметной, совсем не престижной – может, именно поэтому чиновники администрации нередко использовали ее для конфиденциальных встреч.

Голос, который Васин узнал на кассете, принадлежал вне всяких сомнений Михаилу Петровичу Лесюку. Лексикон, правда, отличался от привычного и не содержал признаков хорошего воспитания. Второй голос – глухой и какой-то замороженный – Васину не был знаком. Содержание впечатляло. Снова и снова перечитывал Васин расшифровку недлинного диалога, который, сумеет кто-то доказать его подлинность и истинный смысл, непременно привел бы любого из участников в тюрьму, а то и к вышке.

"Голос Лесюка. Привет. Что?"

Неизвестный. Порядок.

Лесюк. Что – "порядок"?! Подробности давай. Я должен знать, за что бабки плачу.

Неизвестный. Не заплатил еще.

Лесюк. Аванс получили? Работайте! Давай, рисуй картину маслом.

Неизвестный. Мы все четко просчитали. 15-го февраля Королев...

Лесюк. Ебнулся, блядь? Зачем фамилии называешь?

Неизвестный (как показалось Васину, с легкой иронией). Виноват. 15-го он летит в столицу для получения очередной награды. Отменить поездку не может: вручать будет сам премьер, церемония в Белом доме, так что полетит точно. Уже и билет есть. По моим данным, поедет один, в джипе – он на "мерсе" ездит – будет, кроме него, только водитель.

Лесюк. А охрана?

Неизвестный. Он не ездит с охраной.

Лесюк. Вообще? Ни хера себе! И жив еще... Ну, дальше.

Неизвестный. Дальше вот что. Нам надо, чтобы он непременно поехал не по новой объездной дороге, где поста нет, а по старой, мимо поста.

Лесюк. Зачем? Ты ж говорил, что вы там такое место нашли, куда все равно любая из двух дорог выведет? Косяк, что ли? Спиздел?

Неизвестный. Не косяк. На посту ГИБДД будет свой человек, он отследит и, как только джип с Кор...

Лесюк. Убью!!!

Неизвестный. ...Как только джип с ним проедет, человек моим людям сообщит по мобильнику. Те будут на стреме. Так надежнее.

Лесюк. Хорошо. Организуем. Дорогу объездную я постараюсь перекрыть. Что еще?

Неизвестный. Да все вроде, Михаил Петрович...

Лесюк. Ну ты достал! Не называй имен, сколько говорить? Тупая вы публика все-таки!

Неизвестный (по-видимому, обозлясь). А вы другую поищите. Я ведь могу авансик-то вернуть! За минусом неустойки...

Лесюк. Ты что, мать... ты с кем так? Ни хрена себе! Я тебе, блядь, ровня, что ли?! Ты...

Неизвестный. Да не орите вы! Это вы у генерала – зам и прочее. А мне вы – никто. Вот отработаем свое, получим причитающееся – и как звать вас, забуду. Да и вам лучше обо мне забыть. Давайте по-людски. Вам без нас не справиться, к тому же (смешок) я

теперь в курсе ваших планов относительно судьбы... ладно, ладно, без имен. Не думаю, чтобы вам был интерес еще кого-то в эти планы посвящать.

Лесюк (видимо, успокоившись). Ну, хорошо, погорячился. Извини. Но ты правда, как-то аккуратнее.

Неизвестный. Лады. Значит, нам ничего больше не надо. Инструмент есть. Как договорились, технику мы после сеанса отгоняем, куда было сказано, и вместе с инструментом сжигаем. Бабки – опять же, как договорились.

Лесюк. Люди должны раствориться немедленно. И ты – тоже. Никаких следов.

Неизвестный. Так и будет. Все. Если вдруг какой срыв – дам знать.

Лесюк (опять взрываясь). Ты охуел, что ли?! Какой срыв, в жопу?! Ты меня до инфаркта доведешь!.. Надо мной знаешь, какие люди? Они меня с дерьмом съедят! Им завод этот во как нужен!

Неизвестный. Не будет срыва, успокойтесь. Мои работать умеют.

Лесюк. Надеюсь. Все, отчаливай. Компот в другой раз допьешь. Гуд бай, май лав".

Весь разговор происходил на фоне звуков ложек и вилок, скребущих по тарелкам. В общем, не надо быть специалистом, чтобы понять: "жучок" был прикреплен под столом, за которым обедали Лесюк и его неизвестный собеседник – очевидно, связник между заказчиком и исполнителями убийства директора Королева. Потому и голоса записались хоть и различимо, но все равно будто сквозь стену. Оба собеседника, несмотря на старание Лесюка, все же проговорились: один назвал дату (15-е февраля – день, когда убили Королева), имена, второй указал на неких таинственных "людей", чью волю исполнял. Для любого суда такая кассета – улика никакая: грамотный адвокат ее разнесет в пол-приема. Значит, передавать ее ментам бессмысленно. Но что-то делать надо. В подлинности записи Васин не сомневался.

Дверь кабинета вдруг открылась. На пороге стояла растерянная секретарша.

- Леонид Георгиевич, извините... я думала, вас нет еще... было закрыто...

- Ничего, Валентина Николаевна, - Васин махнул неопределенно рукой. – Я тут... музыку слушал.

Секретарша удивилась так, что не стала переспрашивать. Молча подошла к столу, положила свежую почту и вышла. Васина вдруг обожгло: а как пакет-то попал в кабинет?! Секретарша пришла только что, растерянность на ее лице, когда она увидела хозяина, выглядела подлинно. Еще есть ключ у уборщицы, но та сегодня не приходила: на больничном. Есть еще, конечно, комендант, но как-то маловероятно, что у Юрия Сергеевича Зябина, служившего комендантом Серого дома еще при советской власти и никогда не обнаруживавшего интереса к политике и интригам (потому и служил так долго), - что у него вдруг откуда-то возьмется убойная шпионская запись, а если и возьмется – что он по каким-то причинам принесет ее в кабинет Васина. Комендант Васина недолюбливал, как, впрочем, всех пришлых. Хотя вида, конечно, не подавал.

Не они, значит. Кто тогда? Загадка. Вдруг провокация? Хотя в чем, собственно, может состоять провокация, если запись – подлинная? Разве тест: как поведет себя Васин, что сделает с материалами, оказавшимися в руках? Понесет генералу или... А что – или? Почему именно Васину подбросили кассету и расшифровку? Не потому ли, что знают о тайной вражде между ним и Лесюком?

Губернатору нести бессмысленно. Лесюк в два счета убедит его, что запись – фальшивка, а любое разглашение ударит по и без того шатающемуся рейтингу самого губернатора. Зато Васину тогда в Сером доме точно не оставаться. Места не жалко, но как-то обидно – ничего совсем не сделав, убираться восвояси. Да и не в том дело. Очень не хочется, чтобы Лесюк одержал даже маленькую победу, а здесь – победа не маленькая. К тому же, если за убийством директора Королева действительно стоит Лесюк, жаль, если об этом не узнает никто, кроме Васина. Пусть любым способом, но информацию надо сделать доступной.

Васин машинально взял наугад газету – и вспомнил про журналиста, о котором рассказывал ему майор Мичурин. "Вот выход!" Надо обдумать. Может, он и думал бы долго, да и вовсе отодвинул бы решение на второй план, если бы вечером того дня не зашел к нему в кабинет Лесюк, не стал задавать странные вопросы. Замгубернатора понял: действовать надо срочно. И набрал прямой номер редактора "Вечернего Краснохолмска".

- Привет, оппозиция. Васин это. Поговорить надо. Срочно. Твой интерес...

Глава 14

От Краснохолмска до аэропорта езды – минут тридцать, если на машине. По гололеду, может, немного больше. Дорога асфальтовая, хорошая – и старая, через пост ГИБДД, и особенно новая, где пост установить не успели. Володя гадал – какой дорогой отправится замгубернатора? Так и не решив, поехал по новой, где поста нет.

Только-только рассветало. Морозное небо наливалось, готовилось выпустить солнце. Володя выехал с небольшим запасом времени, не торопился. Нехорошо, конечно, что придется нарушить договоренность о конспирации и подойти к Васину, но другого выхода не было. Не на мобильник же звонить о том, что в окружении зама губернатора есть предатель! Уж Васина-то наверняка слушают.

Гололеда не было, машина шла ровно, в порт он должен был подъехать как раз перед началом регистрации. Там как-то надо перехватить Васина, когда он пойдет к камере хранения, иначе встретиться не удастся. Чиновники администрации выходили на посадку в самолет через VIP-зал, журналистов туда пускали, только если какая-то протокольная встреча высокого гостя с сопутствующей пресс-конференцией, и то требовалась специальная аккредитация.

Новой дорогой пользовались пока немногие, большинство по привычке ездило в порт по старой. Когда до кольцевой развязки, где сходились обе дороги, оставалось несколько сот метров, Володя увидел в зеркало приближающиеся фары другой машины. Судя по всему, водитель был из тех хрестоматийных русских, что любят быструю езду. Фары приближались стремительно. Уже перед самым кольцом сверкающая иномарка – Володя успел разглядеть, что это была "хонда" – обогнала "короллу" журналиста и, чуть сбросив и развернувшись на кольце, вдруг с прежней скоростью ринулась в сторону города. То есть – в обратную сторону. Но по другой – старой – дороге. "Утреннюю пробежку на колесах совершает, что ли?" – подивился Володя. Ну, мало ли, какие причуды у людей.

Аэропорт был, по обыкновению, пуст. Число рейсов в последние годы резко сократилось, в области летала единственная местная авиакомпания. Она владела не только самолетами, но и аэропортом, который ей по доброте душевной или из соображений патриотизма позволил приватизировать вместе со всем остальным прежний губернатор. Компания немилосердно драла цены, а главное – как монополист, не пускала на местный рынок авиаперевозок никого со стороны. Конкуренции не было, и политика "не нравится – не летай!" служила истинным кредо краснохолмских авиаторов. Летали те, кому не терпелось или кто спешил в командировку. Остальные предпочитали поезд. Впрочем, единственный утренний самолет все равно уходил в столицу полным: лайнер ИЛ-86, выполнявший этот рейс прежде, компания заменила на затрапезный ТУ-154. Из экономии, наверное.

Припарковавшись, Володя устроился в кассовом зале так, чтобы видно было и входящих, и тех проходящих, которые могли выйти из-за двери с табличкой "Посторонним вход запрещен", ведущей в VIP-зал. Пройти в камеру хранения так, чтобы он не заметил, было невозможно. От нечего делать Володя разглядывал прибывавших к рейсу пассажиров. По виду это были большей частью дельцы, чиновники, меньше встречалось среди них тех, кого в столицу гнали не служба, не дела бизнеса, а житейская необходимость. Такие ездили больше по "железке".

Время шло. Началась регистрация. То, что Васина не было в очереди у стойки, ничего не означало: для "особо важных" персон и регистрация проводилась там же, в VIP-зале. Однако вот уже последний пассажир отошел от стойки, активно шла посадка, а Васина все не было. Володя исшоркал взглядом служебную дверь, ведущую в закрытый зал. Наконец, ленивый голос диктора объявил: "Закончилась посадка на рейс такой-то, вылетающий в Москву..." Володя кинулся к двери с табличкой, нажал кнопку звонка. Ему открыла неприветливая дежурная: "Что вы хотели?" Володя счел за благо махнуть перед носом дежурной журналистским удостоверением, но подействовало слабо: "Хорошо. Так что же вы хотели?"

- Скажите, пожалуйста, из VIP-зала все пассажиры ушли на посадку?

- Да. А кто вас конкретно интересует?

- Васин Леонид Георгиевич, заместитель губернатора. Мне его крайне нужно было увидеть до отлета, но вот – не успел, - соврал Володя.

- Даже если бы успели – не увидели бы, - девушка смотрела на него с малой искрой сочувствия.

- То есть?

- Не было Васина. Не регистрировался он. Не полетел, хотя должен был. Билет его, во всяком случае, никто не сдавал.

- Это точно? – переспросил ошарашенный Володя. Дежурная только молча пожала плечами – мол, на такие дурацкие вопросы и отвечать скучно. – Спасибо. Извините...

Так, значит. Интересно. Что могло помешать заместителю губернатора, с которым вчера обо всем договорились, полететь в столицу? Даже билет не сдал. Хотя черт его знает, вызывали же его вчера куда-то срочно – может, не вернулся. Чиновничья служба – как стихия, непредсказуема.

Володя на всякий случай решил заглянуть в ячейку автоматической камеры хранения – ту, где должна была обнаружиться его сумка. Камера, однако, оказалась открыта. Никто ничего в нее не клал. Раздосадованный окончательно, Володя забрал машину, заплатил за парковку, спеша поехал в город. Теперь когда еще выйдет Васин на связь, когда сможет передать ценные бумаги. Как всякого журналиста, а в особенности начинающего, да к тому же пробующего себя в жанре расследования, Володю съедало нетерпение. Он намеревался сразу поехать в редакцию "Вечерки" и попросить Юрьича связаться с Васиным по своим каналам. Потому и торопился, хотя зря: в восемь или даже девять утра пытаться обнаружить в редакции редактора – затея бессмысленная. Раньше десяти-одиннадцати Сергей Юрьевич на месте не появлялся. И все же Володя, зная это, все равно торопился. А торопясь, поехал по новой дороге, чтобы на всякий случай избежать ГИБДД. "Привяжутся, заставят документы показывать, только время потеряю. А на новой дороге можно особенно не тормозить, гаишников нет".

Небо почти совсем посветлело, хотя фары еще приходилось жечь. Проехав чуть меньше половины пути до города, Володя увидел впереди, на встречной полосе прижавшуюся к обочине машину с включенным ближним светом. Не обратил бы внимания, да и не обратил, уже почти проехал, как вдруг осознал: машина – серебристая "Ауди", и номер – Васина. За рулем – силуэт человека. Случилось что? Резко затормозил, сдал назад, остановился. Уже подходя к "Ауди", почувствовал неприятную пустоту в животе.

Стекло со стороны водителя было опущено полностью. За рулем, сильно откинувшись назад, сидел худой человек с длинным узким лицом, Леонид Георгиевич Васин. Глаза были открыты. Из левого уха аккуратно стекала красная струйка. Подголовник и вся спинка водительского кресла были мокры, в каких-то буровато-белых пятнах (после Володя догадался: мозг), а на противоположном стекле, как в боевике, застыло кровавое пятно.

Володя почувствовал тошноту, а вместе с ней – ужас и непреодолимое желание бежать. Он и побежал – назад, к своей "королле", чтобы рвануть с места и умчаться как

можно дальше от жуткой картины. Уже раскрыв дверку, остановился. Где-то далеко, глубоко, на доньшке существа, вытесняя животную неконтролируемую реакцию, шевелился остаток здравого смысла. "Уеду, не попытавшись понять – кто и как?.. И сумка – где сумка с документами, которые Васин обещал?" Володя вернулся к "Ауди". Стараясь не смотреть на мертвеца, обошел и почти уже взялся за ручку двери, но вовремя спохватился. Вынул из кармана кожаные перчатки, надел – и тогда открыл дверь. И снова отшатнулся: на сиденье рядом с мертвым Васиным лежал пистолет с навинченным на него глушителем. Сумку Володя обнаружил на заднем сиденье – она была пуста. Это придавало происшедшему вполне определенный смысл – если Васин действительно вез обещанные документы в порт, не исключено, что из-за них его и убили.

Сумку свою Володя забирать не стал. Он не знает убийцу, а вот убийца, если достаточно внимателен, может узнать его по сумке. Она, в общем, ничем особым не примечательна, таких полно, но отменно потрепана и с треснувшей пластмассовой ручкой. А главное – на наружном кармане прикреплены две металлические буквы: "В" и "С" – инициалы Свистунова. Забавы бывшей жены. В общем, сумку он оставил в машине убитого. Нельзя, чтобы кто-то узнал, что он был на месте преступления. В третий раз его ни с кем не перепутают. И не промахнутся.

Надо было торопиться – по дороге хоть мало, но ездят. Володя завел свою "короллу", простился с мертвым Васиным, поехал в город. Из первого попавшегося на пути автомата набрал домашний телефон Юрьича. Тот долго не брал трубку, наконец, Володя услышал заспанный голос.

- Сергей Юрьич, дело срочное. Через сколько ты сможешь оказаться в конторе?

- Ты с ума сошел! Я вчера лег в три ночи, а ты будишь...

- Я тебе сейчас такое расскажу, что ты еще ночь не уснешь.

- Подождать не можешь?

- Говори, куда заехать. Расскажу – оценишь. Надо срочно думать, что делать.

- Ничего не понял... Ладно. Раз говоришь – значит, наверное, правда важно... Стой, а ты в порту-то был? – проснулся окончательно Юрьич.

- Да я-то был... А вот он не доехал.

- Что значит – не доехал?

- Я же сказал – расскажу! – стал терять терпение Володя. - Куда заезжать за тобой?

После этого Володя сразу набрал 02 и, не называя себя, сообщил дежурному о том, что видел на дороге.

...Редактор вышел через полчаса. Володя, кляня его от нетерпения, ждал в машине у подъезда. Закуривая, Юрьич стал по обыкновению усаживаться на заднее сиденье.

- Оставь в порядке исключения привычку. Сядь рядом. Я тебе, пока едем, все расскажу.

Шеф чертыхнулся, но подчинился.

- Ну, рассказывай, что там у тебя приключилось.

- Я тебе первополосный материал на завтрашний номер привез.

- Ну-ка, ну-ка?

- "Вчера в восемь часов тринадцать минут утра на двенадцатом километре дороги Краснохолмск-аэропорт обнаружен автомобиль "Ауди", принадлежащий заместителю губернатора области Леониду Васину, с мертвым владельцем за рулем. Замгубернатора Васин был расстрелян в упор из пистолета с глушителем, найденного там же, в салоне автомобиля. Участники преступления и мотивы неизвестны. По нашим данным, из салона похищены документы, компрометирующие некоторых представителей нынешней областной власти". Как тебе? – повернулся Володя к Юрьичу. Тот смотрел на него дикими глазами, забыв о прикуренной сигарете.

- Ты... это... серьезно?

- Серьезнее не бывает, - сказал Володя, запуская двигатель. – Судьба такая – свидетелем быть.

Глава 15

Леонид Георгиевич не только собирался передать Володе кассету и расшифровку разговора Лесюка со связником киллеров. Он намеревался рассказать журналисту самые свежие новости, еще не ставшие достоянием гласности.

Накануне Васина, действительно, срочно вызвали по весьма важному делу. Следственная группа, которая расследовала убийство Королева, обнаружила километрах в сорока от Краснохолмска, на заброшенной лесной дороге сгоревший остов грузового автомобиля КраЗ без номеров. Возможно, номер был на двигателе, но не сохранился: металл сильно поплавился.

Там же нашлись два покореженных "макарова" с вынутыми обоймами, а еще чуть позже неподалеку от сгоревшего КраЗа – два изуродованных трупа мужчин. Их, по всей вероятности, старательно облили чем-то вроде кислоты, предварительно застрелив. Никаких остатков документов при них не оказалось. Скорее всего, их и не было. Убийцы, не желая, чтобы мужчин опознали, тяжелым предметом методично покрошили убитым все зубы, а потом и в ротовые отверстия налили кислоты. Опознать их и правда вряд ли удастся.

(Следствию, действительно, так и не удалось установить личности убитых. На самом деле они были теми двумя киллерами, которых видел Володя в придорожном кафе и которые потом напугали его самого. А другим следователям, в далеком от Краснохолмска городе Самаре, никогда не удастся связать неустановленную личность сброшенного с проходящего железнодорожного экспресса мужчины средних лет, невысокого, сутулого, не значащегося ни в каких досье и тоже лишенного документов, с обезображенными трупами в Краснохолмске. Он и был тем связником, с которым в столовой базы отдыха "Базай" беседовал Михаил Петрович Лесюк. Ему сначала проломил череп, а уж потом скинули с поезда. Михаил Петрович не любил оставлять за собой следы.)

Васин, в отличие от следствия, знал точно: два трупа – киллеры, убрали их, чтобы никогда ни под каким предлогом не заговорили, а КраЗ сожгли, чтобы нельзя было определить его происхождение. Обо всем этом и собирался рассказать Володе замгубернатора. А в сумке на заднем сиденье лежали кассета и распечатка. На всякий случай замгубернатора показал запись верному эксперту – тот подтвердил ее подлинность, подтвердил и то, что один из голосов принадлежит Лесюку.

Перед развилкой, где дороги в аэропорт делились на старую и новую, Васин мгновение помешкал. И свернул на новую. Не то чтобы его могли остановить на посту ГИБДД – нет, конечно. Но хотелось, чтобы поменьше видели.

Васин не заметил, как следом за ним через некоторое время двинулась стоявшая у обочины "хонда". Спустя несколько минут "хонда" догнала серебристую "Ауди", помигала фарами, прося остановиться. Васин удивленно посмотрел в зеркало заднего вида – и узнал сидевшего за рулем "хонды" майора Мичурина, одетого, по обыкновению, в штатское. Сбросил скорость, прижался к обочине. Мичурин поравнялся, подъехал близко – так, что разговаривать можно было, не выходя из машины, тем более что руль у машины Мичурина был расположен справа. Васин опустил стекло:

- Что? – спросил с нетерпением. Он, признаться, не очень любил майора, даже непонятно, за что. Никаких видимых отрицательных черт тот не выказывал.

- Доброе утро, Леонид Георгиевич! – сказал майор, тоже до конца опуская стекло. Потом аккуратно поднял пистолет с глушителем. Васин сделал инстинктивное движение, будто желая отвернуться от странного видения. Поэтому пуля угодила не в лоб, как хотел Мичурин ("чтоб как в кино": он считал себя крутым профессионалом), а в ухо. Результат, впрочем, был тот же. Васин не успел не только ничего сказать, но даже подумать.

Майор поставил свою машину к обочине, заглушил мотор, потушил фары. На всякий случай еще раз убедился, что замгубернатора мертв. Обошел "Ауди"; не снимая перчаток,

открыл дверку, бросил на сиденье рядом с водителем пистолет. Найти сумку с документами было делом считанных секунд. Вынув кассету и бумаги, майор бросил сумку на сиденье, захлопнул дверку, сел в "хонду" и сразу дал полный газ. Все заняло не больше трех минут.

Километров через пять, не доезжая кольцевой развязки, Мичурин нагнал белую "короллу". Обладая прекрасной памятью, он узнал номер, выхваченный фарами. Усмехнулся: "Спешишь на свидание? Можешь не торопиться! Барышня не придет..." Обогнав Свиутснова и развернувшись на кольце, Мичурин погнался за машиной в город.

...Майор Борис Мичурин начал служить в органах еще в советские времена. Происходил он из комсомольских активистов. В средней школе его выбирали секретарем комсомольской организации как отличного ученика, чей портрет не покидал доски почета. Зубрилой, в общем, не был, но учился хорошо и легко. Пользовался авторитетом и у сверстников, и среди учителей. Заметило его и комсомольское начальство – городское и областное. И еще кое-какое начальство – тоже заметило и взяло на карандаш.

Мичурин школу заканчивал не в областном центре – в районном, и легкость, с которой он поступил после школы на исторический, была для него удивительной, но, как выяснилось много позже, не случайной. Впрочем, знал он действительно, и учиться намеревался честно. Снова работал в институтском комсомоле, снова был на хорошем счету. И снова был замечен. Тогда, в студенческие годы и состоялось первое знакомство с КГБ – как тогда его называли, "конторой глубинного бурения". На первую попытку завербовать его, чтобы он стукал на сокурсников, Мичурин отреагировал бурно: набил морду хлипкому вояжеру. Это только в кино все КГБшники владеют какими только можно придумать приемами рукопашного боя. На деле не так. Мичурин как раз некоторыми владел: еще в школе ходил в секцию, занимался боксом, а позже, когда стало можно – карате. Полпред КГБ явился в общагу, а не в деканат, как обычно бывало. Пришел без предупреждения, застал Мичурина одного (комнату они занимали вдвоем с товарищем), показал корочки. Мичурин отнесся с уважением. Пригласил сесть, заварил чай. Сотрудник, видимо, был новенький, потому сразу выбрал неверную тактику: не стал искать подходов, а предложил: "Давай ты будешь нашим нештатным сотрудником?" Когда Мичурин спросил – что, собственно, нужно делать, – тот и выложил: "Слушать внимательно и сообщать сразу, кто о чем таком говорит"... Мичурин встал, взял полпреда за шкирку, пару раз потряхнул, еще пару раз съездил по физиономии – и напоследок дал пинка для скорости.

А через пару дней на улице в центре города к нему подошел приятный мужчина средних лет и, профессионально улыбаясь, попросил уделить ему десять минут. Мичурин пожал плечами: что ж... Нашли свободную скамейку у фонтана, сели. Мужчина удостоверением размахивать не стал – так все ясно было. Он говорил, Мичурин слушал.

- Вы молодец, правильно отделали нашего неопытного сотрудника. Заслужил, как я понимаю, – все так же улыбаясь, говорил мужчина. – Не хотите с нами работать – ради Бога! Никто заставить не может. Другое дело – если вас заинтересует предложение, которое я уполномочен вам сделать.

- Послушайте, я ведь все вроде объяснил вашему коллеге, что вы еще хотите от меня? – не отвечая любезностью на любезность, раздраженно сказал Мичурин.

- Да, собственно, ничего особенного... Не желаете взглянуть на это вот фото? – гэбэшник протянул Мичурину какую-то фотографию. Тот глянул – и в недоумении уставился на собеседника.

- И что?

На фотографии Мичурин обнимался с американцем. Было это с полгода назад, когда однокурсник познакомил его со своей сестрой, вышедшей замуж за американца и уехавшей в США. Сестра приехала с мужем в Краснохолмск, однокурсник привел их в общагу, показал быт, Александр (так звали американца – совсем не на американский манер) восторгался убогему уюту, специально сходил в вонючий общаговский туалет –

экзотика! Потом они вместе ездили в деревню к родителям однокурсника и его сестры, пили там медовуху. Фотографировались. Александр неплохо говорил по-русски, знал "Степь да степь кругом", играл на гитаре из "Битлз". Прощались друзьями. На перроне обнимались – видимо, оттуда и фотография. Кто и зачем ее сделал, Мичурину было неясно.

- И что? – спросил он у сотрудника органов.

Тот, все так же улыбаясь ("Прямо как Александр на снимке, по-голливудски", - подумал Мичурин), вынул из кармана еще один снимок:

- А теперь на этот взгляните. Это из нашего досье...

Мичурин глянул – и побледнел. На него смотрел тот же Александр, только уже серьезно. Был он в цивильном костюме, при галстучке, а под снимком была выписка из досье: "Александр Райт, специальный агент ЦРУ, сфера деятельности – объекты атомпрома в СССР. В СССР бывал трижды, проявляет особый интерес к Краснохолмску как городу, рядом с которым расположен так называемый "Девятый район" – закрытый город-предприятие, производящий ружейный плутоний. Находится под особым контролем КГБ..." Чтобы понять, куда такое знакомство могло привести, надо вернуться в восьмидесятые годы. Далеко могло оно привести.

Мичурин сглотнул.

- Я ведь едва знаком с ним... Мы только...

- Мы все про вас знаем, Борис, не волнуйтесь, - сказал все с той же улыбкой собеседник. – Мы не собираемся кому-то рассказывать о сомнительном знакомстве, цена которого – учеба. – Мичурин и сам понимал, что, как только об этом станет известно в деканате, он в ту же секунду вылетит из института, несмотря на многочисленные заслуги и сугубо положительные характеристики. – Мы не хотим, чтобы у вас были неприятности. Но и вы должны пойти нам навстречу...

Через пять минут разговор был окончен. Мичурин стал агентом КГБ. Не то чтобы он активно стукал на однокурсников – поводов особых не было, - но кое-что по мелочи сообщал. А после того как получил диплом, уже по собственной воле пошел работать в штат организации. Спустя годы, когда советская власть кончилась, уже будучи в звании капитана, а после майора, стал, как и прочие, понемногу крышевать разного рода бизнес. Поскольку в его компетенцию входили оборонные предприятия и предприятия, имеющие особое значение – такие как золотой завод, - то крышу он обеспечивал в первую очередь тем, кто пытался прибрать к рукам эти отрасли. Так и с Лесюком познакомился, и ходил у него в тайных подручных с первого дня появления того в Краснохолмске. Убийство Королева они организовали вместе, и Васина Мичурин застрелил по прямому указанию Михаила Петровича. Он же лично, своими руками убрал киллеров, сжег грузовик. Связника, сброшенного в Самаре с поезда, убрали тоже по его команде. Работа щедро оплачивалась. Майорская звезда вот-вот должна была раздвоиться, до пенсии оставалось не так долго, старость можно было считать обеспеченной. Единственный промах случился с журналистом Свистуновым, убрать его дважды помешала досадная случайность. Следствие, впрочем, в обоих случаях ничего не найдет, а назойливый журналист теперь, после смерти Васина, не страшен.

...Вернувшись в Краснохолмск, Мичурин первым делом набрал на мобильном телефон Лесюка:

- Порядок.

- Бумажки у тебя? – спросили в трубке. Мичурин чуть помедлил.

- Ни бумажек, ни кассеты.

- Что?! Как?! Где они? Какой же порядок, твою мать?!

- Видимо, успел передать.

- Вот сука! – задохнулся Лесюк. – Ладно. Через час у меня. Обсудим, - и отключился.

Глава 16

- Ну и дурак же ты! – качал головой Юрьич. – Какой дурак, я даже не думал, что такие бывают!

- А ты перестраховщик, понял? – орал Володя, бегая по кабинету и отшвыривая стулья. – Не понимаешь, это же сенсация: убили замгубернатора – и мы первые о том сообщили! Думаешь, я пошутил, когда о первополосном материале говорил?

- Да после такой публикации ты домой не успеешь дойти! – стал заводиться и редактор. – Ты как понять не можешь, что жить тебе останутся минуты после этого! В аварию попадешь или просто застрелят – выбирай, что больше нравится.

- Я и говорю – перестраховщик, - убежденно сказал Володя, садясь верхом на стул. – О рейтинге газеты не беспокоись.

Редактор только усмехнулся в ответ, ничего не сказал.

- Я ведь ментам сообщил? Сообщил. Значит, мы можем рассчитывать на их поддержку и прикрытие, - не мог успокоиться Володя.

Редактор снова усмехнулся.

- Откуда ты знаешь, что это не они тебя пасут? Майор тот самый – откуда он? Тот-то и оно. Наше дело, думаю, сейчас – ждать развития. А вот когда появится официальная информация об убийстве замгубернатора, мы действительно можем осторожно изложить собственную версию. И посмотреть на реакцию.

- Сейчас-то что делать? – отчаянно ударил кулаком по коленке Володя.

- Я же сказал – ждать.

- Слушай, первый раз вижу такого редактора, который предлагает отдать другим "право первой ночи"! – снова разозлился Володя. – Ну давай просто информацию дадим, без подробностей и версий. В конце концов, могут у нас в правоохранительных органах быть свои источники – давай сошлемся на анонимный источник. Сам ведь понимаешь – ложка к обеду дорога. Все равно телевизионщики сегодня разноухают, у них-то уж точно свои люди в милиции есть. А газета завтра выходит.

- Телевизионщиков не пасут, а тебя пасут. Те, кому надо, прекрасно знают, что ты работаешь на меня. Никаких источников они искать не станут, а просто стукнут тебя по дурной башке, да и все, - однако все это Юрьич говорил эдаким рассеянным тоном, из чего становилось ясно: сдается. Быть первым для журналиста – что еще может быть важнее? Дальше успех измеряется степенью глубины анализа, точностью результатов расследования, безошибочностью выводов. Но сначала главное – сообщить, опередив коллег-конкурентов.

Юрьич замолчал, потом как-то особенно взглянул на Володю – и вдруг оживился:

- У меня идея. И рыбку съесть можем, и на коня сесть. Черт, зря ты ментам позвонил! Надо было сразу – телевизионщикам. Ну уж теперь – как есть, - редактор взялся за телефон...

Минут через пятнадцать у здания издательского комплекса затормозила машина с журналистом и оператором одной из частных телекомпаний, находящихся в жесткой оппозиции к областной администрации и губернатору. Володя и редактор сели к ним. Машина отправилась на место, где Володя обнаружил серебристую "Ауди" Васина.

Подъехать к месту им не дали. Издали стало видно милицейские автомобили с мигалками, причем, судя по маркам – номеров издалека не разглядеть, - на месте убийства находились не только оперативники, но и милицейские генералы. Кажется, был и кто-то из администрации. Ничего более газетчики и телевизионщики разглядеть не смогли. Метров за пятьдесят до места их остановил сотрудник ГИБДД с полосатым жезлом и лейтенантскими погонами. Потребовал документы.

- Мы журналисты, - стал объяснять телерепортер, - нам сообщили, что здесь произошло убийство чиновника администрации.

Оператор в это время снимал картинку издалека. К нему тут же направился еще один гаишник. Первый, никак не реагируя на сказанное, внимательно рассматривал сначала

водительские, потом служебные удостоверения. Его коллега в это время боролся с оператором, пытаясь загородить от камеры место убийства.

- А почему вы нам снимать не даете? – спросил журналист.

- Не положено. Приказ.

- Чей приказ?

- У вас свое начальство, у нас – свое, - пожал плечами лейтенант. - Дальше проезд запрещен, возвращайтесь.

- Хорошо. Вы можете подтвердить, что на этом месте произошло убийство?

- Ничего я подтверждать не стану. Возвращайтесь.

- Ну а старший здесь кто?

Лейтенант взглянул на него насмешливо, ткнул пальцем перед собой:

- Здесь – я. Устраивает? Ребята, давайте отсюда, не напрашивайтесь на неприятности.

И оператора попросите не снимать. Я к вам хорошо отношусь, - кивнул он на логотип телекомпании, нанесенный на служебную машину. – Другие бы давно камеру разбили, а мы вот еще уговариваем вас.

- Можете хотя бы сказать – из хорошего отношения, - кто из начальства прибыл на место?

Лейтенант секунду помедлил. Махнул рукой:

- Не думаю, что это такой уж секрет. Только не пишите на камеру, - оператору дали знак не снимать. – Начальник ГУВД здесь, облпрокурор, замгубернатора Лесюк, вот-вот должен сам губернатор подъехать.

- Васина увезли уже? – вмешался в диалог Володя.

- Увезли, - машинально ответил милиционер – и спохватился. – Вы зачем такие вопросы задаете? Я же сказал: ничего я не подтверждаю, нет у меня таких полномочий! Все, мужики, валите, а то разозлюсь. Мне пока еще погоны носить не надоело.

Ничего другого, собственно, журналисты встретить на месте и не ожидали.

Поблагодарив лейтенанта – все-таки что-то он им сказал, - еще раз посетовали, что сначала Володя позвонил в милицию, а уж потом Юрьич догадался сообщить коллегам с телевидения. Дальше поступили так. Отъехав на безопасное расстояние от поста, вышли из машины и записали на камеру подробный рассказ Володи о том, когда и как он обнаружил убитого Васина. Причину своего пребывания в этот час в этом месте Володя придумывать не стал, так и сказал: была назначена встреча в порту для передачи документов, содержащих важную информацию об убийстве директора золотого завода. Еще сказал, что документы с места преступления исчезли, но, несмотря на это, он не исключает попыток "разобраться" и с некоторыми другими фигурантами – с ним, например.

Собственно, в этом и заключалась идея редактора: не врать, а сказать, как есть. Это вызовет, во-первых, бурную реакцию во власти, и тогда, возможно, истинные виновники событий сами раскроются и до них доберутся следственные органы; во-вторых – это обезопасит хотя бы частично Свистунова и Юрьича. Теперь можно будет писать, выдвигать версии, искать связи – словом, вести нормальное расследование параллельно со следствием. К тому же врать было все равно бессмысленно: Володя "засветился" в аэропорту, когда спрашивал о заместителе губернатора, служащая обязательно его вспомнит – губернаторских замов не каждый день убивают; к тому же тот, кто перехватил Васина на полпути в порт и забрал компромат, точно знал о существовании этого компромата. Значит, разговор в кафе был подслушан или записан. Случайность исключена.

Записали то, что телевизионщики называют "стендап", когда журналист как бы резюмирует сюжет в кадре. Договорились: никому больше ни слова. В телекомпании уже смонтированный сюжет на всякий случай скопировали.

Через час примерно во внеочередном выпуске новостей город и область увидели сенсационный материал – и Володя вмиг стал знаменит. Однако, как вскоре выяснилось, спасло это его лишь отчасти.

Глава 17

У областной администрации была собственная котельная. Топили исправно. Даже слишком. В кабинете Лесюка работал кондиционер. Хозяин ходил по кабинету, глуша шаги ковровой дорожкой, курил свои дорогие папиросы, откровенно нервничал. Ждал. Наконец секретарша доложила по селектору: "Михаил Петрович, к вам Мичурин". Лесюк велел пропустить. Майор был, как всегда, в штатском. Сдержанно поздоровался, Лесюк нетерпеливо мотнул головой:

- Рассказывай.

У себя в кабинете он прослушки не боялся. Все "жучки" в здании знал наперечет, устанавливали его ребята. И все-таки свой кабинет специальным прибором проверял по меньшей мере раз в неделю. Вот и сегодня проверил – мало ли.

Мичурин рассказал все в подробностях. Утаил только одно. Он еще раз подтвердил Михаилу Петровичу, что сумка Володи, в которой должен был находиться компромат, оказалась пуста.

- Ну как же он, когда же успел передать бумаги-то с кассетой?! – почти кричал Лесюк.

- Этого я и сам не понимаю. Возможно, они, вопреки договоренности, встретились по дороге.

- Так какого черта этот журналюга тогда в аэропорт перся? Чего он там Васина искал? Следы, что ли, путал? Да ерунда! Откуда он мог знать, что нам все их планы известны? Херня какая-то выходит.

- А может, кто-то третий появился? – осторожно предположил майор. – Ну, скажем, редактор "Вечерки". Решил он свой куш получить с этого дела. Допустим, позвонит он вам и скажет: документы в обмен на деньги.

- Ты что... - даже привстал в кресле Лесюк. – Ты думай, что говоришь... Если третий появился – это же все, это... Мне же башку оторвут сходу. Они там, - он кивнул наверх, - пока вообще ничего не знают, не знают про наши запутки. Узнают – пиздец, - Мичурин поморщился: сам он не любил материться и с трудом переносил это от других. Лесюк об этом знал. – Ладно, что ты нос морщишь, тут дело такое серьезное – поневоле матом станешь крыть... Короче, ничего мы не узнаем, пока не поговорим с самим газетчиком этим сраным, Свистуновым. Надо с ним разобраться. Причем по-любому выходит: раз и навсегда разобраться. Если компра у него, мы ее, конечно, заберем. Но журналюгу придется убрать. Надоел.

- А если он копии успел сделать с записи?

- Вряд ли. Времени прошло – всего ничего. Хреновый ты психолог, Мичурин. Смотри: он забрал пленку, допустим, сегодня утром. Ему ее надо послушать, осмыслить, принять решение... Первое движение – немедленно опубликовать, а уж потом думать о копиях, прочей дребедени. Он – газетчик, я их хорошо знаю.

- Понял.

- Это надо сделать сегодня же, немедленно, понимаешь? Чем скорее мы его возьмем, тем надежнее гарантия, что компромат никуда не вылезет. Как хочешь, но пусть твои мичуринцы сработают на сей раз без ошибок. Сам понимаешь: если с меня снимут башку – и тебе ее не сносить, - Лесюк жестко посмотрел на майора. Тот только усмехнулся без улыбки. Еще раз сказал:

- Понял, - повернулся и вышел из кабинета, не прощаясь.

Не успела за ним закрыться дверь, как у Лесюка на столе запищала "вертушка". Звонил начальник облУВД.

- Михаил Петрович, несчастье: Васина застрелили.

- Где? – мгновенно перестроившись под новую роль, "обалдело" спросил Лесюк. Уже через пять минут, вызвав служебную "Волгу", он ехал к месту преступления.

Мичурину все было на руку. Журналист и ему надоело, тем более что его киллеры, действительно, дважды прокололись. Убрать его хотелось уже просто как назойливую муху. А потом... потом майор сыграет свою игру. Он ее уже начал. Лысую голову Лесюка он с удовольствием видел снятой с круглых плеч.

Выйдя на проспект, Мичурин набрал на мобильном номер, сказал отрывисто и малопонятно:

- Полчаса. Где всегда. Дело, - отключился, сел в свою "хонду", завел мотор. Через полчаса на загородной даче, стоящей отдельно от остальных и ничем особым не приметной, он дал задание двоим своим подручным не позднее чем сегодня вечером взять надоевшего журналиста и доставить сюда. Когда Володя увидит этих подручных, сильно удивится.

Майор был занят, а потому не мог знать, что через те же полчаса в эфире оппозиционной телекомпании в срочном выпуске новостей показали сюжет с места преступления. Главное – не мог знать, что в сюжете Володя заявил: если что-то с ним случится, искать виновных следует в стенах Серого дома. Не знал этого и Лесюк, потому как во время съемки находился далеко от журналистов, а к тому времени, когда сюжет вышел в эфир, еще не вернулся к себе в кабинет. Когда же потом ему обо всем рассказали, он кинулся разыскивать по телефону Мичурина, чтобы отменить приказ... и тут же положил трубку. Поздно. По телефону лишнего не скажешь. Мичурин – человек исполнительный, и машина уже наверняка запущена. Остановить ее не успеть.

Вечерело, за окном смеркалось. Но света он не зажигал: не любил. Ограничивался настольной лампой. Вдруг зазвонил прямой городской. Лесюк удивился: этот номер мало кому был известен. Снял трубку. Задавленный гнусавый голос произнес:

- То, что вам нужно, у меня. Стоит двести тысяч – разумеется, "зеленых". Думайте. Срок до утра. Утром перезвоню. Номер определить не пытайтесь, бессмысленное занятие, - трубка разразилась гудками.

Все случилось так быстро и неожиданно, что при всем своем хладнокровии и готовности к мгновенной перемене обстоятельств Лесюк все-таки растерялся. "Вот сволочь! И что теперь делать?" Значит, Мичурин оказался прав, в дело вмешалось третье лицо... А почему, собственно, третье? Почему бы, например, тому же журналюге не использовать компромат не для публикации, а для шантажа? Денежки вполне можно поделить с шефом. А можно и не делить. Лесюк хотел было все же дать команду установить, откуда звонили, но вовремя спохватился. Скорее всего, шантажист звонил из автомата, и даже если установить – из какого, это ничего не даст. Его там давно уж нет. И правда, занятие бессмысленное. Что же делать?

Лесюк задумчиво покрутил в пальцах папиросу. Одно определенно: журналиста надо брать. Это может хоть что-то прояснить. И черт с ним, что он там наговорил в камеру. Риск невелик, а результат может оказаться полезным. Он закурил и успокоился.

...Когда наступал особенно ответственный момент, майор Мичурин все старался делать самостоятельно, не полагаясь на подручных. Во всех смыслах надежнее: и в результате уверен, и не сдадут при случае. Повесив трубку на рычаг телефона-автомата и сунув в карман носовой платок, которым прикрывал мембрану во время разговора, он быстро вышел из кабины и на всякий случай огляделся. Не обнаружив ничего подозрительного, произнес вслух:

- Не дурак, молодец... Давай теперь, думай, лысый. Думай...

Глава 18

Володю взяли, как говорил известный киногоерой, без шума и пыли. Вечером он зашел поужинать в "Армению" – и наткнулся на вывеску "Извините, по техническим причинам кафе временно не работает". Хотел было повернуть обратно, но на пороге

возник хозяин, приветливый армянин, прекрасно владеющий русским языком. Хозяин лучился радушием – сегодня больше, чем обычно.

- Видели вас по телевизору, Владимир Николаевич. Впечатляет. Оказывается, вы не простой жилец у нас, - улыбался армянин, - вас теперь, оказывается, беречь надо. Вот нет у нас программы защиты свидетелей, а жаль... Тьфу-тьфу-тьфу, конечно. Присаживайтесь. Что желаете? По случаю события – могу угостить эксклюзивом. Наш повар впервые приготовил, свиные рулетки с зеленью и специями в горшочках. В меню еще нет, только мы с женой пробовали. Божественно! Не возражаете, если вам предложу?

- Так ведь вы не работаете вроде?

- Ну, для вас мы теперь работаем, даже если не работаем. А вообще – так, мелочи, небольшие проблемы с санэпиднадзором. Уладим. Прошу! Так как насчет рулетиков?

После напряжения проходящего дня Володе было решительно все равно, хотя голод он ощущал зверский. Еще больше хотелось водки. Он кивнул и попросил к эксклюзивной закуске принести пол-литра "Гжелки". Потом, пока хозяин был на кухне (кроме него, в кафе больше не оказалось никого; Володя не придавал этому значения – и зря), позвонил с телефона кафе на сотовый Магомеду:

- Я в кафе, приходи...

- Это очень хорошо, что ты позвонил! – почти закричал в трубку Магомед. – Я уж не знал, где и как тебя искать. Сиди там и никуда не уходи. Дело срочное, мне тебе надо рассказать. Буду через пятнадцать минут.

- Я пока поем, не возражаешь?

- Главное – не уходи и дождись меня. Я уже еду!

Хозяин на удивление быстро, будто специально ждал именно этого посетителя, принес обещанные рулетки в горшочке, салат. Блюдо оказалось действительно божественным. Мясо, истекая соком, таяло на языке, зелень внутри была такой, будто ее и не готовили вовсе, а только что сняли с грядки, перца и специй – в меру. Словом, вкус все это рождало такой, что Володя упледел горшочек в мгновение ока. Ну и выпил, конечно, изрядно – и не опьянел, а только почувствовал приятную расслабленность в организме. Оглянувшись, чтобы позвать хозяина и поблагодарить за "эксклюзив"... и неожиданно провалился в черноту. Заваливаясь набок и сползая со стула, он не слышал, как сильные руки мягко подхватили его подмышки, как его, недвижимого, вынесли через служебный выход, погрузили в машину, как та отъехала. Это была серая отечественная "девятка". Кто сидел за рулем, рассмотреть снаружи сквозь тонированные стекла было невозможно, да и некому было смотреть: зимой в это время (было около девяти вечера) на улице уже темно, водители включают фары, да и вообще – обладателей автомобилей самых разных марок в общегитии, учитывая контингент, немало. На "девятку" никто просто не обратил внимания.

Впрочем, не совсем так. Магомед подъехал на своем джипе как раз в тот момент, когда Володю выносили из зала. Обнаружив на двери объявление о том, что кафе временно не работает, Магомед удивился: Володя звонил ему оттуда всего пятнадцать минут назад. А удивившись, встревожился. Подойдя к окну, занавешенному изнутри длинными, до пола, шторами, он сумел разглядеть сквозь щель между ними какое-то движение. Приглядевшись, скорее догадался, чем увидел, как один человек тащит другого подмышки. Магомед еще не понял ничего, но уже рванулся к двери, занес кулак, чтобы забарабанить в нее что есть силы... и вовремя остановился. Дверь ему, ясно, не откроют, а вышибить он ее не сумеет. Вызывать ментов – толку? Пока приедут, никого нет и не было. В конце концов, могло человеку просто стать плохо. Что делать? Информация, которую он должен был сообщить Володе, как нельзя более аккуратно вписывалась в контекст происходящего. Друг в опасности, это ясно. Звать своих – тоже не самое подходящее решение: с армянами у них договоренность, мирное сосуществование, и если Магомед не сумеет доказать, что дело нечисто, подставит своих и самому придется туго.

Магомед вдруг заметил, как в кафе погас свет. Его осенило: дьявол, как раньше не догадался, они же просто хотят увезти друга через черный ход! Он бегом метнулся вокруг общежития – служебный выход находился ровно с другой стороны. И опоздал. Из-за угла ему навстречу не спеша вырулила серая "девятка" с включенными фарами, выбралась на главную дорогу и, набирая скорость, направилась в сторону центра. Магомед успел разглядеть номер: Н451МО. Она – не она? Чертыхнувшись еще раз и помешкав мгновение, Магомед не стал больше думать. Вернулся к своему джипу, рванул с места за "девяткой". Только бы не потерять ее! На его счастье, всего в паре сотен метров от общежития был перекресток со светофором, - там он и нагнал серую "девятку" с Володей... или не с ним? Если выйдет ошибка, Магомед готов был застрелиться.

Тут же пришла в голову еще одна мысль – более дельная, чем стреляться. Не теряя из вида "девятку", он нашел на мобильнике нужный номер. Молил: только бы абонент не оказался недоступным. Через несколько гудков трубка на том конце отозвалась.

- Сергей Юрьевич?

- Да, это я.

- Нет времени объяснять, кто я и почему звоню. Два слова. Володя Свистунов, по моему, в серьезной опасности. Его похитили. Я сейчас, кажется, преследую машину с похитителями и с ним. Лучше, если вы присоединитесь ко мне.

- Подождите, - растерянно произнес редактор "Вечерки", - что значит – "кажется, преследую"? Так преследуете или вам кажется? И вообще – кто вы?

- Я же сказал, - начал злиться Магомед – ему приходилось одновременно следить за машиной и говорить по телефону, - нет времени что-то объяснять. Присоединитесь – сами все поймете. И поможете. Нет – я постараюсь обойтись без вас и выручить вашего сотрудника. Все, отрубаясь, звоните, как только надумаете – я скажу, куда ехать, - Магомед отключился. Усы его сердито шевелились. "Девятка" его явно не замечала, и потому оторваться не пыталась. Но все портили перекрестки и светофоры, да еще нахальные водители, которые норовили влезть вперед. Не смущал их и внушительный вид джипа Магомеда.

Через минуту трубка заиграла российский гимн.

- Где вы? – нервно спросил Сергей Юрьевич. – Мы едем вдогонку.

Не судьба. Или, наоборот, судьба такая. На перекрестке перед коммунальным мостом через великую сибирскую реку Магомеда тормознул гаишник. От души выругавшись, Магомед с тоской проводил исчезающую "девятку".

...В отличие от редактора "ВК", Магомед догадывался, что происходит. Парой часов раньше у него состоялась встреча с одним из местных паханов чеченской мафии, неким Шамилем Акиевым. Прежде Магомед никогда его не видел, хотя о существовании знал. Официально Шамиль состоял в должности советника губернатора. Когда генерал, еще будучи главой российского Совбеза, работал по Чечне, к нему без труда сумел войти в доверие бывший кадровый военный, комиссованный из-за ранения – воевал не где-нибудь, а против боевиков своего тезки Шамиля Басаева. В период подготовки и подписания Хасавюртского мира отставной капитан-десантник Акиев, пользовавшийся авторитетом у мирных земляков, стал одним из инициаторов и разработчиков (не публичных!) условий соглашения. Генерал даже не подозревал порой, что идеи, которые он не выдавал – принимал за свои – ему технично подсовывал отставной капитан. Параллельно с этой благородной миссией Шамиль готовил себе будущее. Сначала сунулся в традиционные для Чечни операции с фальшивыми авизо, но скоро понял, что там, во-первых, тесно, во-вторых, слишком небезопасно. Рано или поздно возьмут и посадят. Или убьют: тесно. Пытался ковыряться в нефтяной теме – там оказались заняты такие серьезные интересы, что Акиева утопили бы в нефтяном море не моргнув глазом. Помогли обстоятельства: политика. Недавний приятель-генерал подался в губернаторы сибирской провинции и выиграл. Акиев немедленно позвонил, поздравил нового главу региона и предложил свой план укрепления генеральского имиджа на российском политическом небосклоне. Суть

заклучалась в организации гуманитарной помощи из Краснохолмской области, гордо носившей статус донорской территории, в разрушенную Чечню. Акиев, конечно, не сказал губернатору, какой интерес он на самом деле преследует, не сказал и о том, сколько "зеленых" намерен положить в свой карман в качестве "комиссионных". Генерал тут же пригласил Шамиля в Краснохолмск и назначил советником по Чечне. Тот быстро освоился в местной диаспоре, завоевал авторитет – главным образом благодаря своему влиянию на генерала и контактам в администрации. Для чеченцев на некоторое время в Краснохолмске и отдельных районах области установился режим наибольшего благоприятствования.

Однако с некоторых пор отставной вояка-чеченец стал испытывать какой-то дискомфорт. Стало все чаще возникать ощущение, что за ним следят. Тягостная интуиция и опыт в обнаружении "жучков" – крохотных микрофонов для осуществления дистанционной прослушки помещений – заставили его провести тщательный обыск в собственном служебном кабинете. И нашел. Один микрофончик был укреплен, как водится, под столом, на первый взгляд его можно было принять за шляпку гвоздя или шурупа. Второй отыскать оказалось сложнее, его спрятали в самом телефонном аппарате. Срабатывал он сразу же, стоило в кабинете заговорить даже не очень громко. Естественно, слушались через него и телефонные разговоры. Нашел его Шамиль почти случайно: очевидно, тот, кто устанавливал прослушку, сильно торопился и не успел как следует собрать корпус телефонного аппарата. Подозрительный хозяин кабинета в какой-то момент обратил на это внимание, вскрыл аппарат – и обнаружил лишнюю деталь. "Жучки" отправились за форточку, а Акиев призадумался. Кому и зачем надо было слушать его кабинет и телефон? А главное – он мог поклясться, что за ним установлена слежка.

Последние сомнения отпали, когда он у себя дома (в Краснохолмске Акиев за счет казны снимал престижную квартиру в центре) обнаружил разгром. В его отсутствие кто-то основательно порылся в его вещах, документах. Был вывернут платяной шкаф с плавающими дверками (дверки при этом не сломали, а вывернули только содержимое шкафа), взломаны запертые на хилые замочки ящики прикроватной тумбочки, письменного стола в кабинете... Включали и компьютер – и лазили по папкам: значит, знали пароль. Что искали, неясно. Все, что не относилось к законной деятельности, в документах и домашнем компьютере не отражалось и уж тем более дома не хранилось. В компьютере Шамиль вообще старался ничего лишнего не оставлять: не доверял, как человек старого воспитания, и все предпочитал хранить в голове или, на худой конец, в бумагах. А бумаг дома не держал. Самый надежный способ – прятать "левые" бумаги на работе в сейфе, шифр от которого был известен только ему.

Акция носила характер демонстративный. Ее организатору непременно нужно было дать понять чеченцу: его пребывание в Краснохолмске кому-то очень не по нраву.

Акиев еще раз крепко подумал – и нашел ответ. Неофициальное влияние, которое он оказывал на генерал-губернатора, ни для кого не было секретом. Таким же влиянием обладал Михаил Петрович Лесюк. Оба использовали генерала в своих интересах. Рано или поздно эти интересы должны были столкнуться. Похоже, столкнулись. Шамиль вспомнил, как примерно год назад люди Лесюка пытались влезть в строительный комплекс области, курировавшийся чеченцами. Попытка была проста до примитива: к внешнему управляющему одного из домостроительных комбинатов, обанкроченных специально, чтобы потом можно было дешево купить активы, приехали люди, по виду – типичные "братки", и предложили: "Ты уходишь – мы приходим". Недвусмысленно намекнули на крышу в сером доме. Управляющий поулыбался, а после ухода гостей немедленно позвонил по прямому телефону Акиеву. Тот все понял без лишних слов, как истинный сын гор, не стал искать доказательств, а просто влетел в кабинет Лесюка – и обложил его чистым русским матом. Пригрозил, что если наезд повторится, братков повесят на их собственных золотых цепурах, а для начала засунут каждому в задницу по вольне (братки, понятно, были вооружены) – и повернут тридцать три раза. "Пускай

мушки спиливают!" Михаил Петрович внимательно сверкнул очками, пригласил присесть. Потом по обыкновению долго возился с непослушной папиросой ("Говно стали делать!"), натужно кашлял. Когда закончил спектакль, предложил разойтись мирно. Тут же в кабинете Лесюка они заключили устное соглашение: если у одной из сторон появляется интерес к какому-то объекту, сначала проверить, не противоречит ли это интересу другой стороны. В строительный бизнес Лесюк пообещал больше не лезть.

Действительно, на строительные фирмы его люди больше не совались. Но, от природы будучи человеком мстительным, обиды он, как видно, не простил. И решил любой ценой избавиться от опасного чеченца. Лучше всего – подловив его на какой-нибудь пакости и "сдав" генералу. Тот, сам вспыльчивый, как чеченец, в случае измены (а генерал любую "подляну", любой, не санкционированный им лично, увод денег из казны считал изменой) прогнал бы Акиева в тот же день. Самая подходящая тема – гуманитарная помощь в Чечню. Лесюк был уверен, что на ней Шамиль наваривает крепко. Доказательств, однако, не было. Ими Лесюк и решил разжиться, установив "жучки" и попросив кого надо организовать за советником губернатора "наружку".

Все это Акиев вычислил. И принял контрмеры. Правда, у него не было технических возможностей установить подслушивающие устройства в кабинете заместителя губернатора. Но вычислить маршруты его передвижения по городу и области – для этого верных людей хватало. Один из них – водитель Лесюка, тайно ненавидящий и откровенно опасаящийся хозяина, к тому же состоящий с некоторых пор на неофициальном окладе у Акиева – и сообщил чеченцу о частых встречах босса на базе отдыха "Базай" с каким-то незнакомым типом. Водитель не сумел его толком описать, зато сумел выполнить секретное поручение Шамиля: закрепить "жучка" под столиком, который на вечер заказал Лесюк. Было это делом одной минуты, водитель вошел в помещение минут за пятнадцать до ужина, когда там еще не было никого, кроме поваров. Но кухню от зала отгораживала частично стена, частично высокая стойка раздачи, за которой к этому времени тоже еще никого не было. Словом, вышло удачно, водителя никто не видел. "Жучка" со всей сопутствующей аппаратурой Акиеву достали опять же свои верные люди из местной чеченской мафии. Потом, получив пленку и прослушав ее, он щедро наградил водителя. Даже слишком, пожалуй, щедро, вызвав у того какие-то подозрения. Но, едва уловив тень их, Шамиль так посмотрел на водителя, что тот навсегда избавил себя от необходимости вспоминать об этом и что-то анализировать. Тем более что благосостояние семьи пусть на короткое время, но все же заметно улучшилось.

Так советник губернатора стал обладателем записи, способной нейтрализовать главного соперника. Возник вопрос – как ею распорядиться? Просто подкинуть генералу – глупо и неэффективно. Шамиль рассуждал точно так же, как убитый Васин: генерал, конечно, сначала расщипает, но хитромудрый зам найдет тысячу способов убедить босса, что запись – липа. А потом постарается перевести стрелки на Акиева. Может, конечно, ему это и не удастся – а вдруг удастся? Риск – дело благородное, но не в этом случае. Здесь надо действовать наверняка. Хорошо бы вбросить компромат в прессу, только сделать это надо тонко и наверняка, в противном случае хлопоты тоже могут оказаться пустыми. Необходимо издание, которому публика доверяет. И власть доверяет. Политики не любят оппозицию, особенно оппозиционную прессу, не за то, что она врет читателям, а за то, что говорит правду. Если это, конечно, настоящая оппозиция, не карманная или просто липовая, которая кричит, прочищая глотку и привлекая читателя спецэффектами разового действия: "Губернатор спит со своей замшей!" Ну, спит – и что? У русского читателя с его широченной душой такие экзерсисы способны вызвать только сочувствие: губернатор – настоящий мужик! Истинная оппозиционная пресса не станет заглядывать в постель к губернатору. Ей нужны настоящие темы, серьезные.

Перебирая ведущие областные и городские издания, Шамиль вспомнил о "Вечернем Краснохолмске". Парадокс: тираж газеты устойчиво мал, а популярность и влияние устойчиво высоки. Причина, как казалось многим, в том числе советнику, -

конструктивная оппозиция. Ни одно слово, направленное против действующей в области власти, здесь не появлялось случайно. Все было подтверждено фактами, цифрами, документами, свидетельствами. Отсюда – высокий авторитет и доверие читателей. Отсюда – злобная ненависть со стороны областных руководителей.

Акиев был знаком с редактором "Вечернего Краснохолмска", но нежных чувств друг к другу они не питали. Сергей Юрьевич прекрасно знал, кто такой Акиев, знал о его отношениях с чеченской преступной средой, догадывался о тайном бизнесе на гуманитарных поставках, и при немногочисленных встречах не скрывал, что знает. Несмотря на все это, обратиться к нему напрямую, конечно, можно. Но придется потратить немало усилий, чтобы склонить использовать полученную информацию. Прекрасно понимая, какие мотивы движут Акиевым, редактор чего доброго еще откажется что-то публиковать. Давить на него, угрожать – бесполезно. Шамиль припомнил нашумевший случай, когда Юрьича вызвали в облпрокуратуру за серию публикаций в защиту бывшего заместителя губернатора из прежней команды, арестованного по надуманному поводу, как продержали там два с половиной часа, предварительно обыскав и отобрав мобильный телефон, как напрямую угрожали не только закрыть издание, но и самого поместить на нары по соседству с тем, кого защищал. Редактор вышел серый, мокрый от пота. А на следующий день "Вечерка" поместила на первой полосе материал под большим заголовком: "Помощник облпрокурора грозит закрыть нашу газету и посадить редактора!". Слышал Акиев и о звонках в "ВК" с прямыми угрозами: "У вас на стройке несчастные случаи бывали? Будут!" Давить и грозить – ничего не добьешься. Скорее, наоборот. На деньги Юрьич в этом случае тоже не клюнет. Надо искать посредника.

И тут советник вспомнил о Васине. Свои сдержанно-приятельские отношения с редактором опального издания замгубернатора не пытался делать секретом для коллег. К тому же Васин недолгоблудит Лесюка, об этом тоже многие знали. Будь он хоть трижды порядочный, но такой случай упустит едва ли. К тому же, курируя силовиков, наверняка не избежит соблазна проверить подлинность аудиозаписи. А убедившись, непременно пожелает предать ее гласности. И почти наверняка через печать: не дурак же он, чтобы генералу отдать.

Некоторое время ушло на то, чтобы подобрать ключ к кабинету заместителя губернатора. Дело несложное: войти в приемную в обеденный перерыв, когда секретарши нет, взять со стола ключ, сделать слепок, остальное – дело техники. Так появились в кабинете Васина аудиокассета и расшифровка разговора Лесюка с посредником. Однако дальше все пошло не так, как хотелось Акиеву и как он рассчитал. Увидев по телевидению репортаж с места убийства Васина, увидев в кадре Свистунова, Шамиль мгновенно все понял. Кто-то еще более хитрый, чем он, переиграл его. Шамиль еще не знал, насколько хитрый. Он не знал еще о пропавших из машины Васина кассете и расшифровке, не знал о том, что Лесюка самого обвел его подручный. Но знал: если с журналистом сейчас что-то случится, никаких концов уже не найдешь, и игра, затеянная им против Лесюка, наверняка проиграна. Поэтому советник губернатора употребил все свои возможности, чтобы разыскать какие-то личные связи Володи. Когда узнал, что ближайший друг его – чеченец Магомед, испытал большое облегчение. На то, чтобы найти мобильник Магомеда и попросить его немедленно приехать в условное место, ушли считанные минуты. Сообразив, с кем говорит, Магомед вначале слегка растерялся и даже, признаться, встревожился. Он хорошо знал, кто такой Акиев, насколько сильно его влияние в чеченской диаспоре, насколько серьезно могущество. Первая мысль, пришедшая в голову, - ждут какие-то разборки, связанные с бизнесом. Собеседник на том конце трубы (Шамиль звонил лично) почувствовал неуверенность Магомеда. Сказал по-чеченски:

- Ничего не опасайтесь. Дело касается вашего друга. Он может попасть в неприятную историю, - секунду помедлив, Акиев добавил: - Может из нее не выбраться.

Этого оказалось достаточно, чтобы Магомед отбросил сомнения.

- Куда ехать?

Через несколько минут он уже выруливал на своем джипе на небольшую, не слишком оживленную улочку неподалеку от того места, где располагался один из его павильонов.

Условное место оказалось однокомнатной, перепланированной по вкусу хозяина квартирой в укромном, но близком к центру, районе города. На двери – камера слежения. Не надо было обладать особенной прозорливостью, чтобы предположить: дверь откроет охрана, будет осматривать. Шамиль, однако, открыл лично. Подал руку, молча пригласил в комнату. Магомед успел рассмотреть его, пока тот все так же молча наливал чай ему и себе. Спиртного Акиев не употреблял. Выглядел он довольно молодо, хотя по всему ему не могло быть меньше сорока. Роста невысокого, но крепкий, видна старая выправка, чувствуется закалка. Он и сегодня, судя по всему, старался держать себя в форме. При ходьбе он слегка прихрамывал – следы ранения, из-за которого и комиссовали из армии. Глаза смотрели в сторону от собеседника, это создавало ощущение неуютно. Но если Шамиль обращал взгляд на человека, то уж держал его цепко и не отпускал до тех пор, пока тот не начинал испытывать то же ощущение неуютно, но уже по другому поводу. Взгляд был пронзительный и беспощадный. Жалости в этом человеке не чувствовалось. Чувствовался расчет.

Были они в квартире одни. Говорили по-русски – этим языком Акиев, как и Магомед, владел в совершенстве, разговаривал без акцента. Несмотря на разницу в возрасте, к собеседнику обращался уважительно: на "вы".

- Вы ведь знакомы с журналистом Владимиром Свистуновым?

- Разумеется. Это мой армейский друг. Да теперь уже и не только армейский, пожалуй. Володя живет у меня. У него вышла неприятность...

Шамиль остановил Магомеда резким жестом.

- Я все знаю. Знаю, что на него покушались, что дважды пытались убить. Это связано с его работой, с его расследованием, ведь так? А расследование связано со смертью директора золотого завода Королева.

Акиев ничего, собственно, не спрашивал, он утверждал.

- Вы давно видели своего друга последний раз?

- Сегодня утром. Он ушел от меня очень рано, куда-то собирался ехать. Когда я уходил, его еще не было. Звонить он мне тоже не звонил. А что случилось-то? – Магомед слегка стал терять терпение.

Шамиль быстро и, показалось Магомеду, слегка насмешливо взглянул на него.

- Вы дневной выпуск новостей не смотрели? Радио не слушали?

- Вообще-то днем мне, честно говоря, не до телевизора. Бизнес есть бизнес...

- Ладно, не сердитесь, - Шамиль снова цепко схватил собеседника взглядом. - У вашего друга есть мобильный телефон?

- Нет. Служебный ему не выдали, а на свой пока не заработал.

- Значит, позвонить ему сейчас мы не можем, - Акиев опять утверждал, а не спрашивал. – Это плохо. Это очень плохо. С вашим другом может случиться самое неприятное, что вообще может случиться с человеком. В третий раз они не промахнутся.

Магомед разом подобрался, хищно задвигал усами.

- Нельзя ли подробнее?

- Для того и позвал вас, - Шамиль тяжело вздохнул. – Только давайте условимся сразу, чтобы не возникало иллюзий. Меня судьба вашего друга волнует, откровенно говоря, не так уж сильно. Он сам влез в эту историю, сам и виноват. У меня свой интерес. Я специально это говорю вам, чтобы после не возникало никаких попыток сказать спасибо, не возникало ложного чувства благодарности. Интерес мой состоит в том, чтобы наказать одного опасного человека, - он вдруг усмехнулся. – Еще более опасного, чем я. Даже не столько наказать, сколько подвинуть его с занимаемых ныне позиций. Я вам сейчас расскажу все, что знаю, мы с вами разойдемся, но вы пообещаете мне сделать все

возможное, чтобы с вашим другом ничего не случилось, и посвятить его во все тонкости. Если его... уберут, моя игра проиграна. Мертвый он мне бесполезен.

Пока Шамиль говорил это, Магомед чувствовал ужасный дискомфорт внутри. Его съедала вина перед Володей за то, что он слушает, как земляк-чеченец так вот запросто, откровенно признается в намерении использовать его друга в своих корыстных целях. Однако по мере того как Акиев посвящал его в подробности, Магомед все отчетливее понимал: иного способа уберечь Володю от необратимого нет, как только получить подробности из уст непосредственного участника. Корысть советника губернатора в данном случае может сослужить свою полезную службу.

- Теперь вы знаете все, что известно мне, - закончил Шамиль. – Если кассета и расшифровка записи у Лесюка, тогда угроза жизни вашему другу не так очевидна, хотя и не снимается вовсе. А вот если тот, кто убил Васина, воспользовался ситуацией и забрал запись себе, он может начать шантажировать Лесюка от имени журналиста. Тогда опасность серьезна. Кстати – это полезно знать: себе я копии записи не оставил. Не видел особого смысла. Может быть, напрасно. Просто не думал, что кто-то меня переиграет.

- Это все? – спросил Магомед, поднимаясь и отодвигая нетронутый чай.

- Все.

- Вас держать в курсе?

- Незачем, - усмехнулся Шамиль. – Все, что мне нужно, я узнаю без вашей помощи.

- Что ж – спасибо...

Советник поморщился:

- Я же сказал – никаких благодарностей. У нас разные цели. Постарайтесь успеть.

...Выйдя от Акиева, Магомед не стал предаваться психоанализу, а немедленно попытался вычислить Володю. По понятным причинам это ему не удалось. И лишь когда мобильный заиграл гимн и раздался голос друга, звонившего из кафе, Магомед испытал огромное облегчение.

- Жди и никуда не уходи, еду!

Глава 19

...Володя бежал по шпалам. Хотя нет. То, как он передвигался, трудно назвать бегом. Он отталкивался, медленно взлетал – и так же медленно парил над землей, затем приземлялся – и снова отталкивался, и снова медленно парил. Так, наверное, ходят люди по Луне, где слабое притяжение. Но там, на Луне, некуда торопиться, а Володя точно знал, что он куда-то спешит, что ему срочно надо где-то быть. Вот только не помнил – куда спешит, где надо быть, кто ждет... По бокам тянулись бесконечные грязные, ржавые рельсы, а за ними, казалось, не было больше ничего – пространства, времени... Даже тумана, которым был укутан путь впереди, - даже его не было. Ничего.

Володя бежал или, вернее, передвигался, как люди по Луне, а это оказалось трудно, и поэтому он ужасно устал. Отталкиваясь из последних сил, он все же поднимался над землей, и парил, и снова опускался, и опять отталкивался. Двигало сознание того, что надо, НАДО бежать, надо где-то быть, кого-то, кажется, спасти.

Сзади раздался шум. Володя оглянулся. Сквозь туман, который сзади был не такой густой – будто бы Володя, передвигаясь, проделал в нем туннель, - он разглядел паровоз. Обычный, черный, старый, какие можно увидеть в больших городах на вокзалах. Они там поставлены не то как символы движения человеческой мысли, не то как простые памятники миновавшей эпохи. Был такой и в Краснохолмске, и Володя видел его не раз – как видел его любой, однажды побывавший на Краснохолмском вокзале.

Паровоз двигался. Володя неотрывно смотрел на приближавшуюся махину. Паровоз отчаянно грохотал колесами на стыках старых рельсов, пускал фиолетовый дым и надвигался неотвратно, как грозовая туча. При этом не свистел сигналом, и похоже было, что машинист не видит впереди себя никакого человека.

Володя разглядел сквозь стекло кабины мужественное и неподвижное лицо машиниста. Паровоз приближался, и Володе некуда было деться от него. Он попытался, оттолкнувшись в очередной раз, изменить траекторию, отпрыгнуть вбок. Маневр не удался. Какая-то неведомая сила толкала тело обратно, на шпалы, между рельсов - туда, где через считанные секунды его должен был раздавить, размазать по рельсам механический зверь. Волосы на голове зашевелились. Володя закричал – но крика не было, он раздался только в его воспаленной голове. Не отрывая взгляда, он смотрел, как паровоз надвигается, и вот уже надвинулся, и вот...

Паровоз прошел сквозь Володю, так же отчаянно дымя и грохоча на стыках. Грохот этот стал невыносимым, от него ломило виски, от него голова вот-вот должна была лопнуть. Паровоз был бесконечным, он, казалось, никогда не кончится, хотя никаких вагонов за ним не было. Володя застонал. Если нельзя взлететь так высоко, чтобы кончился этот кошмар – может быть, можно остановиться? Он перестал отталкиваться от шпал и сел.

И открыл глаза.

Он сидел на чем-то мягком, даже слишком мягком. Его качало из стороны в сторону. Его никто не держал, он сидел сам. Сквозь туман, который сначала застилал взгляд, он разглядел круглый стол – такой был у его бабки в деревне, он сохранился еще от ее молодости, круглый, с толстой ногой посередине и крестовиной внизу. Правда, ноги и крестовины видно не было, стол был застелен большой, с бахромой, скатертью – такая тоже была у бабки в деревне, ею тоже застилали круглый стол. Над ним качалась электрическая лампа в старом абажуре. В углу, слева от кровати с продавленной панцирной сеткой, на которой сидел Володя, - огромная печь, сложенная на манер русской. У печи на металлическом листе – дрова, заиндевевшие – видимо, только с улицы. Несколько больших поленьев лежали прямо на печи. Было холодно, но сквозь щелки Володя разглядел занимавшийся в печи огонь. Только затопили, наверное.

Первая мысль, возникшая в слабо отзывавшемся на периферийные сигналы, вялом и не проснувшемся мозгу, была: "Господи, помер, что ли? Откуда эти умершей бабки стол и скатерть? Откуда русская печь?" Постепенно, однако, зрение сфокусировалось, пелена спала, и Свистунов разглядел многое еще. Но прежде многого – ласково улыбающуюся физиономию владельца кафе армянина, а рядом – непроницаемо холодное лицо Лидии Николаевны. Они стояли, как часовые, по обеим сторонам стола и молча наблюдали за пробуждением журналиста.

- Здравствуйте, - автоматически сказал Володя – и мгновенно снова провалился в пустоту, пронзенный острой болью в голове. Паровоз снова загрохотал по рельсам. Но рельсы, похоже, кончились. Паровоз врезался в глухую стену – и взорвался.

Очнулся он через некоторое время от того, что армянин заботливо тер ему виски нашатырным спиртом. Теперь Володя лежал – как он позже выяснил, лежал на продавленной, почти до пола провисшей панцирной сетке кровати.

- Очнулись, Владимир Николаевич? Вот и славно! – все так же улыбаясь, произнес владелец кафе. Слова звучали глухо, отдавались в голове болью. – Ничего, ничего, сейчас мы вас поправим, - армянин взял со стола разовый шприц с какой-то жидкостью в нем, бесцеремонно, но аккуратно задрал рукав водолазки на правой руке – и ловко вкатил журналисту содержимое шприца в вену. Оказать сопротивление Володя не успел, да и не смог бы. Зато уже через несколько минут ему действительно стало лучше. Толчками начала уходить боль из головы, пелена перед глазами стала понемногу развеиваться. Володя медленно сел, в первую очередь оглядел себя. Он был одет, как обычно, в джинсы и водолазку, в каких вчера... или не вчера?... словом, в каких в последний раз он выходил от Магомеда. Даже обувь с него не сняли, он так и лежал на кровати поверх грязноватого старого одеяла в ботинках. Под голову была заботливо подложена его собственная куртка.

Как выходил утром из дома, Володя помнил. Помнил и некоторые последующие события – как ездили с телевизионщиками на место гибели Васина, как и что говорил в

телекамеру. А дальше? Дальше был вечер, и он собирался поужинать и выпить как следует, потому что зверски устал – так, как давно, а может, как никогда в жизни еще не уставал. И он пошел в общежитие. И хотел поесть в кафе "Армения". Но там оказалось закрыто, и он... И он вспомнил улыбающееся лицо хозяина, вспомнил его слова: "Видели вас по телевизору... Вас теперь беречь надо..." Дальше что-то о программе защиты свидетелей – жаль, что ее нет... Он вспомнил и рулетики в горшочках, бутылку водки, которую почти успел выпить... Так вот в чем дело! Вот почему он увидел здесь, в каком-то странном помещении с круглым бабкиным столом, армянина из кафе и его жену, коменданта общежития. Армянин отравил его какой-то дрянью, но не насмерть, а так, чтобы можно было спокойно погрузить его и привезти сюда... Зачем? И при чем здесь его жена Лидия Николаевна? При чем здесь вообще они оба?

Напряженная работа мозга, очевидно, сильно отражалась на физиономии журналиста. Армянин внимательно наблюдал за выражением его лица. Понял, что Володя обрел способность оценивать происходящее адекватно. Улыбнулся по обыкновению.

- Ну что, Владимир Николаевич? Лучше вам?

Володя не ответил. Да тот и не ждал ответа.

- Наверное, вас интересует, где вы и зачем вы здесь?

Володя снова промолчал.

- На первый вопрос если бы мог, ответил бы непременно. Но – увы! Не могу, - сокрушенно развел руками армянин. Говоря, он все время двигался вокруг стола туда-сюда, как лектор на лекции перед студентами. Жена его продолжала стоять неподвижно, молча глядя на приходящего в себя Свистунова. – Не велено. Вы же понимаете, что не по своей воле мы вас сюда привезли – ну, догадываетесь, по крайней мере. Лишнее это – знать вам, где вы и что с вами будет. Да по правде говоря, о том, что будет, мы и сами не знаем. Наше дело – доставить, привести в чувство, дождаться... скажем так – заказчика, получить свое и вернуться к любимой работе.

- Кто заказчик-то? - спросил Володя. Слова выходили из горла нехотя, сухой язык едва ворочался во рту. Армянин догадался, кивнул Лидии Николаевне, та все так же молча подала воды. Володя хлебнул.

- Скоро сами увидите. Он с вами и будет беседовать. О чем, какие вопросы станет задавать – знать не знаю. Но догадываюсь, что они непременно как-то связаны с телесюжетом, где вы героически изобличаете областную мафию и утверждаете, что с вами что-то может случиться, - армянин улыбнулся особенно очаровательно. – Нельзя так, Владимир Николаевич! Напророчили. Сказали – "может случиться", вот оно и случилось. Вот вы и здесь.

Володя осторожно взялся за голову. Она уже почти не болела, но все еще оставалась ватной. Хотя сознание возвращалось, и осознание остроты происходящего постепенно обретало черты реальности.

- Кто вы? – держась за голову, спросил он. Армянин удивился.

- Помилуйте, Владимир Николаевич, да ведь мы с вами знакомы! Впрочем, действительно, я вам никогда не представлялся, в отличие от моей дражайшей Лидии Николаевны. Зовут меня Сурен, отчество необязательно.

- Кто вы? – повторил Володя. – Вы киллеры? Вас наняли, чтобы меня убить?

- Ну, если бы так, убили бы! – снова очаровательно улыбнулся Сурен. – Хотя мы и не киллеры. Так, заработок подвернулся не очень пыльный. Попросил хороший человек – почему не помочь? Я в прежней жизни, в первой своей профессии – фармацевт. Поверьте: если бы я хотел вас отравить – никто никогда не догадался бы, чем именно. Я хороший специалист. К некоторым... назовем их так: ухищрениям в отношении вас пришлось прибегнуть просто для того, чтобы, во-первых, миновать стадию уговоров – вы ведь добровольно не поехали бы никуда, да еще, чего доброго, наделали бы ненужного шума. Во-вторых, это нужно было, чтобы вы не знали, кто и куда вас везет.

- Чем это вы меня шарахнули? – показал на голову Володя.

- Вам правда интересно? – оживился Сурен. – Извольте. Все очень просто. Если большое количество спиртного смешать с небольшим количеством фенобарбитала, случится то, что случилось с вами. Вы ведь ничего не помните, что с вами было после того, как отключились в кафе? Ну, вот видите, какой эффект. А к водочке вы – так уж удачно вышло – равнодушны. Вот все и сложилось. Хотя, - поднял он палец, - все могло кончиться раньше и намного печальнее. Вот Лидия Николаевна – она в прошлом пиротехник, работала в цирке, готовила разные уличные массовые представления в праздники. Вот у нее с вами не очень получилось.

Свистунов вопросительно уставился на жену Сурена. Та по-прежнему молчала и, казалось, не проявляла никакого интереса к разговору.

- Ну, помните взрыв в вашей комнате? Взрывное устройство сработало прекрасно, но вышла ошибка: никто не мог предположить, что друг у вас случится, и вы окажетесь в это время у него. Взрывчатка должна была взорваться в назначенное время, когда вы, по нашим расчетам, точно должны были находиться дома. Вышло, что вы нас обыграли, хотя и не зная того. Вот в то время у нас действительно было задание ликвидировать вас.

Володя невольно поежился. И этот бандит в смокинге и бабочке так непринужденно, почти по-дружески рассказывает ему, что его стерва-жена не сумела убить его вовремя! Хорошенькое дело.

- А звукорежиссера того в гостинице тоже вы зарезали?

- Ну что вы! Не наши методы. На это есть другие специалисты. Я с ними, к счастью, не знаком.

До журналиста стало доходить, что такая откровенность означает только одно: его отсюда не выпустят. Его убьют непременно. Внутри сделалось тоскливо, пусто. Опять же понятно, что убьют не прежде, чем придет заказчик. Когда это случится? Сколько времени у него в запасе? И что, интересно, сейчас делает Магомед? Ведь он должен был приехать в кафе, вспомнил Володя. Скорее всего, не успел. Если бы успел, сумел бы как-то отбить друга. Но хозяин не знает, что Магомед должен был приехать, Володя звонил, когда тот ходил на кухню. Больше в кафе никого не было – значит, после того как его увезли, кафе закрыли. Магомед, увидев закрытую дверь, должен был удивиться. И встревожиться: Он вспомнил, каким взволнованным голосом говорил с ним по телефону чеченец. Похоже, он узнал что-то, чем спешил поделиться с другом. И что само по себе представляет какую-то опасность.

- Какое сейчас время суток? – спросил Володя. Окна были тщательно занавешены чем-то плотным, и было непонятно, день на улице или ночь.

- Ночь, Владимир Николаевич, глубокая ночь.

- А почему вы меня не связали? Чтобы уж совсем, как в боевиках: похищение, связанные руки, еще лучше – похищенного привязывают к водопроводным трубам или, на худой конец, к спинке кровати.

- О, вы уже способны на иронию! Замечательно. Только зачем вас связывать или привязывать к чему-то? Сил у вас не так много сейчас, после дурмана. А против этого, - Сурен достал из кармана брюк изящный маленький пистолет неизвестной журналисту системы, - против этого что вы сможете? Такой же есть у жены, так что если вдруг вы надумаете захватить ее, прежде взвесьте все хорошенько. Нам дано указание побережь вас до приезда... хорошего человека, но нет указания – беречь как зеницу ока. В случае сопротивления или опасности здоровью одного из нас мы можем защищаться, - Сурен снова улыбнулся.

- Когда же приедет ваш хороший человек?

- Думаю, скоро.

- Раз я все равно его увижу, может, скажете, кто он такой?

- Вообще-то я хотел оставить его для вас сюрпризом. Но, может, вы и правы: многовато сюрпризов для одного дня. Да вы его знаете! Могли бы сами догадаться.

В это время у Сурена в кармане зазвонил мобильник.

- Да. Конечно. Мы на месте. Все получилось. Он здесь. Деньги?.. При вас. Хорошо. Как договаривались? Хорошо. Ждем, товарищ майор! Да шучу я, кто тут услышит, кроме него? Ладно, не буду больше звать майором – буду полковником, - Сурен сунул телефон в карман.

И Володя догадался.

- Господи, ну конечно же! Майор этот самый... гражданский.

- Совершенно верно! Майор Мичурин, собственной персоной. Только он не гражданский, конечно. Гражданских майоров, как вы догадываетесь, не бывает. Он – из ФСБ. Он уже едет. Кстати, надо бы печь раскочегарить – думаю, разговор у вас с нашим майором будет долгий и, надеюсь, продуктивный. Дальше, - Сурен развел руками, - как судьба распорядится, - он обошел стол; небрежно положив рядом с собой пистолет, присел около печки, открыл дверцу. Стало видно, что огонь уже разгорелся как следует. – Вот и славно, сейчас у нас будет тепло...

Володя окончательно понял, что жить ему осталось немного. Во рту снова противно пересохло. Он сделал движение к столу – там стоял стакан с водой, - но его сильно качнуло в сторону печки. Рука непроизвольно ухватила толстое полено, лежавшее на краю. На принятие решения ушло мгновение. Сурен, подняв голову, успел понять, что задумал журналист, успел протянуть руку к пистолету... Больше он ничего не успел. Володя ухватил полено и что было сил ударил армянина по голове. Тот хрюкнул и сел на зад, скребя по деревянному полу и пытаясь дотянуться до пистолета. Володя ударил еще раз с той же силой. Сурен как-то по-детски жалобно посмотрел на него, что-то попытался сказать, потом из виска, сперва чуть помедлив, затем как-то сразу широкой лентой хлынула кровь – и он, закатывая глаза, завалился набок. Кровь, вытекающая из свежей раны, дымилась. В доме было по-прежнему довольно холодно.

Свистунов схватил пистолет, резко обернулся – и упал раньше, чем осознал, что надо упасть. В ту же секунду раздался выстрел. Точнее, самого выстрела Володя почти не услышал, он щелкнул сухо, как выстрел из пневматической винтовки в тире. Похоже, пистолет был с глушителем.

Возможно, она была неплохим пиротехником. Но стрелком никудышним. Пуля, отколов от края стола щепку и порвав скатерть, попала в кирпич. Некогда было смотреть, куда именно. Его осыпало кирпичной пылью и штукатуркой. Он взвел курок маленького пистолета Сурена. С этим оружием он сумел бы справиться даже в таком состоянии, в каком находился сейчас: пистолет – штатное оружие механика-водителя танка. В армии на стрельбище Свистунов неизменно бывал первым. Он неплохо стрелял из армейского ПМ. Теперь оружие было другое, но вряд ли сложнее.

Второй выстрел прозвучал так же сухо. Лидия Николаевна вела себя, как испуганная женщина: она боялась подойти ближе, потому стреляла наугад. Вторая пуля, отрикошетив от кровати, вошла в деревянный пол рядом с Володей. Внизу через стол были видны ноги Лидии Николаевны. Она медленно приближалась. Подойдет ближе – хана. С расстояния полтора метра попадет даже слепой. Володя колебался: женщина все же. Третий выстрел развеял сомнения. Ноге стало горячо. Свистунов выстрелил чуть выше видневшихся ног. Пистолет Сурена стрелял так же бесшумно. Сочный "чмок", слабый не то стон, не то хрип – и Лидия Николаевна улеглась. С мужем их разделял стол.

Володя встал, опираясь на стол, и огляделся. Его по-прежнему покачивало, одна штанина была мокрой от крови. Он посмотрел внимательно на пистолет – никакого глушителя на нем не было, оба пистолета были одной модели: ПСС с патроном СП-4 особой конструкции, ему не требовался глушитель, он и без него стрелял бесшумно. Раньше Володя такого изящного оружия в руках не держал, но читал о нем. Как многие мужики, питал инстинктивную слабость к оружию, оттого держал дома энциклопедию.

Отбросив пистолет, бегло осмотрел ногу – пуля лишь слегка задела ее, оцарапав, порвав кожу. Кровь сочилась, но времени проводить медосмотр и оказывать себе первую

помощь не было. Вот-вот сюда должен был пожаловать майор. Он церемониться с журналистом не станет.

Володя еще раз осмотрел жертвы – точнее, тех, чьей жертвой он сам почти стал. Сомнений не было: у Сурена проломлен череп, он мертв, а Лидию Николаевну пуля поразила, видимо, в живот. Женщина, кажется, еще дышала, но теперь, после того как она снова пыталась его убить, ему это было безразлично. Он взял свою куртку, пошел к двери – и вернулся. Как ни противно было шарить в кармане у мертвеца, забрал у Сурена мобильник, заодно вынул из его нетонкого бумажника деньги: у самого Володи карманы были пусты. Видимо, похитители-убийцы были слишком жадны до бумажек. Что ж, это их и погубило.

Володя еще раз глянул на издававшую тяжелые хриплые звуки Лидию Николаевну. Ничего, сейчас приедет ваш майор, пусть он и спасает. А нет – так и ладно. Жалости не было. Он толкнул дверь – она оказалась заперта. Ключа, как ни старался, он найти не смог. Выругавшись, он единственной табуреткой выбил узкое окно и с трудом вылез.

Стояла и правда глубокая ночь. Судя по всему, дача находилась довольно далеко от города. Зарево на небе от городских огней виднелось, но вдалеке. Небо же над поселком (дом, где журналиста чуть не убили, стоял на самом краю дачного поселка) было звездным, щедрым. Перед дачей на дороге виднелась припорошенная снегом серая "девятка" – та самая, на которой его привезли сюда. Мелькнула мысль – воспользоваться – и сразу же пропала. Первый же гаишник, пожелавший тормознуть Свистунова, арестует его непременно. Просто за странный диковатый вид, сочащуюся кровью ногу. Выяснит, что машина чужая – и привет. Потом объясняй, откуда ты и куда, и как к тебе попала чужая машина. Меньше всего сейчас ему нужна была встреча с милицией в любом ее обличье. Да и, откровенно говоря, сев за руль "короллы" с автоматической коробкой передач, он очень скоро забыл, как управляться с коробкой механической. Словом, придется звонить Магомеду.

Он уже взялся за мобильник – вдруг из дома раздался выстрел, затем еще один, еще... Больше выстрелов не было. Значит, пистолет у Лидии Николаевны был шестизарядным. Стреляя, она, очевидно, пыталась звать на помощь. Он чертыхнулся – женщину все же стало жаль. Снова пошел к окошку – в это время внутри рвануло. Посыпались стекла, а через мгновение в доме полыхнуло как следует. Володя вспомнил: рядом с кроватью со стороны печки стояла какая-то канистра. Очевидно, в ней был бензин или что-то подобное.

Лидия Николаевна достигла цели. Теперь ее обязательно найдут – только вот в каком виде? Пол, наверное, занялся не сразу, но он хорошо представил себе, как пламя мгновенно охватило высохший старый стол, скатерть, накинулось на одежду Сурена и его жены. Спасать было некого.

Володя в смятении еще раз глянул в сторону Краснохолмска – и вдруг увидел быстро приближающиеся фары автомобиля. "Черт, теперь не хватало еще этому майору Мичурину в лапы попасть!" Он кинулся было в огород – вовремя спохватился. По свежим следам на снегу его мгновенно найдут. Он выскочил на дорогу, где все было изрядно изъезжено, обежал дачу вокруг – и зашел со стороны огорода. Там стоял крохотный фанерный туалет. За него и спрятался.

Опасения оказались не напрасными. Черная новенькая "хонда" подъехала к дому через пару минут. Водитель заглушил мотор, потушил фары.

...Майор Мичурин никак не ожидал увидеть то, что увидел. Как опытному чекисту, ему хватило нескольких секунд, чтобы почти точно воспроизвести картину происшедшего. Он знал, что в доме находится большая канистра с бензином, он сам ее здесь оставил. Предположил, что журналисту каким-то чудом удалось завладеть оружием, возникла перестрелка, пуля угодила в канистру, дальше понятно. Ошибся он только в одном. Сквозь дым и огонь он не смог разглядеть, сколько тел лежит на полу.

Майор не испытывал к журналисту жалости: он-то знал точно, что никаких бумаг и кассеты у журналиста нет. Ему все равно пришлось бы его убить. Так пусть это будет похоже на несчастный случай.

Прежде чем уехать, предстояло сделать еще кое-что. Мичурин подошел к "девятке", открыл салон – дверь оказалась не заперта. Он поставил рычаг переключения передач в положение "нейтраль", вывернул руль и подкатил машину прямо к крыльцу горячей дачи. Потом поставил на ручник, сел в свою "хонду" и не спеша покатил в город.

Когда машина отъехала, Володя осторожно выбрался из своего укрытия. Для верности проводил глазами удаляющиеся огни.

Мороз давал себя знать, хотя и кончался март. Сибирь, что делать. Огонь, выстрелив дачными окнами, уже выбрался наружу, и какое-то время можно было не опасаться гибели от холода. "Девятка" ждала своего смертного часа, уткнувшись в самое крыльцо. Скоро и до нее доберется огонь. Вот будет фейерверк!

Свистунов, поживаясь, набрал на мобильном номер Магомеда. Несмотря на позднюю ночь, тот не спал и откликнулся после первого же сигнала.

- Ты где?! – заорал в трубку друг, едва услышав его голос.

- На даче. Греюсь тут у костерка, - устало ответил Володя.

- Где?!

- Если бы я знал, где эта проклятая дача находится. Могу сказать только, что город... погоди-ка... ну да, город на востоке или северо-востоке.

- У любой дачи есть адрес! Там наверняка есть табличка где-нибудь на углу.

Посмотри, что на ней написано.

- Сейчас попробую. Если не поджарюсь. У меня тут жарко, понимаешь, а скоро вообще фейерверк будет – закачаешься.

- Какой фейерверк, что ты мелешь?

- Ну такой, как в новый год бывает, только раз в сто сильнее.

В трубке возникла пауза. Потом Магомед осторожно спросил:

- Вова, ты не пьян? У тебя с головой как – нормально все? Может, тебя ударили сильно?

Но Володя уже нашел табличку – она вот-вот должна была обгореть.

- Насчет головы потом. Адрес – ул. Лесная, 2. Тут целый дачный поселок, а этот дом в стороне, на самом краю. Кстати, я не пьян, но очень хочу выпить. Захвати с собой чего-нибудь, ладно? Только скорее, а то у меня и правда жарко, а будет еще жарче. К тому же стреляют.

...Они приехали на джипе вдвоем – Магомед и Юрьич. Судя по тому, как скоро, на этот раз друг не обращал внимания на знаки и гаишников. Он выжал из своего "крузера" все возможное.

Найти Володю оказалось легко. Пожар был виден издалека, а едва только машина въехала в дачный поселок, раздался взрыв, и пламя взметнулось еще выше. Свистунов заблаговременно отошел подальше по дороге в сторону города. "Девятка" горела весело и скоро. Володя вскочил в машину Магомеда почти на ходу, крикнув:

- Давай ходу, а то сейчас пожарные могут приехать. Кто-нибудь да сообщит.

Магомед поехал в город кружной дорогой, чтобы не встретить пожарных и милицию. Теперь он не торопился. Юрьич сунул ему стакан с водкой.

- Кто там в тебя стрелял-то, что ты нес по телефону?

- Да понимаешь, там внутри остался пистолет заряженный. И еще, видимо, запасы патронов были. Огонь добрался – они как давай стрелять! Я в сугробе лежал, пока пальба не кончилась. Продрог, как собака, несмотря на костер.

Он залпом выпил полстакана водки, закусил салом. Юрьич налил еще. Володя протянул руку.

- Погоди, - отвел стакан Юрьич. – О друзьях не думаешь? – и так же, как Свистунов, залпом осушил стакан.

- Я – ладно, заново родился. Ты-то с какой радости? – проворчал Володя.
- Мы за тебя знаешь, как переживали! Магомед, тебе удобно будет на ходу или надо остановиться?
- Я же за рулем, Сергей!
- И что? – искренне удивился Юрьич.

Глава 20

Вернувшись в Краснохолмск, майор Борис Мичурин первым делом принял горячий душ. Ему это помогало думать. Ночь перевалила за середину, вот-вот начнется рассвет.

Мичурин был доволен последней операцией, причем особенно доволен тем, что она прошла не совсем по его сценарию. Будто кто-то, зная о его намерениях, о том, что ему предстояло сделать с журналистом и армянином с его женой, специально пощадил майора и вывел его из игры. Сделав все за него. Понятно, что с дачи никто не уехал бы живым, тем более – живым и с деньгами. Никаких денег он платить киллерам не собирался, а собирался оставить их там, рядом с журналистом. Так все и вышло. Жаль только, что вместе с ними сгорел и задаток, выплаченный Сурену и Лидии Николаевне – не такой уж большой, но все-таки... С другой стороны, трое убитых "зайцев" стоили пары десятков тысяч отечественных рублей. Зато теперь не страшен никто – ни слишком любопытный журналист, ни знавшая лишку семейная пара.

Приняв душ, глотнув коньяку и закусив его неспешно приготовленным обычным холостяцким утренним омлетом, Мичурин глянул на часы. Время для звонка "боссу", как он иронично звал про себя Лесюка, было вполне подходящее: половина шестого утра. Может, он и не встает в такое время обычно, но маленький экстрим перед генеральной развязкой ему не помешает. Пусть поволнуется, это полезно для дела.

Лесюк, впрочем, почти сразу отозвался на звонок.

- Хорошие новости?

- Как сказать...

- Тогда не по телефону. У меня в обычное время.

В восемь с минутами черная "хонда" Мичурина остановилась напротив областной администрации. Еще не до конца рассвело, и майор, подъезжая, разглядел горящее окно кабинета Лесюка. Небрежно махнув удостоверением милиционеру-охраннику, Мичурин поднялся в лифте на четвертый этаж. Повернув от лифта направо, пройдя длинный коридор, затем свернув в переход, связывающий основное здание с пристройкой, опустившись на несколько ступенек, он добрался до приемной губернаторского зама. Секретарша, поздоровавшись, указала на дверь:

- Ждет.

Мичурин молча прошел в кабинет.

Лесюк ходил из угла в угол, неслышно ступая по мягкому ковру своими как всегда начищенными сапогами. В пепельнице лежали две недокуренные и смятые папиросы.

- Чего опаздываешь? – недовольно спросил он у майора.

- Тесно на дорогах. Люди на работу спешат, - ответил тот, чуть усмехнувшись.

- Для тебя встреча со мной – не работа? Ладно, рассказывай, - он так и остался стоять посреди кабинета, не предложив сесть и майору.

Мичурин описал Лесюку, как было дело – разумеется, в своей интерпретации. Она выглядела так. Он лично допросил журналиста, пришлось даже силу применить и использовать некоторые болевые приемы, но никакой кассеты и бумаг у него не оказалось. Точнее, Мичурин уверен, что они у него, но...

- Я уверен, что звонил вам именно он...

- Ну? – нетерпеливо притопнул мягким сапогом Лесюк.

- Накладка все же вышла. Подручные немного перестарались. Я их оставил с ним ненадолго, а когда вернулся, он ни соображать, ни говорить уже не мог.

- Да ты что?! – почти заорал Лесюк, и заорал бы, если бы не боялся, что секретарша услышит. – Вы как работаете, профессионалы хреновы? Вам что было сказано – сначала узнать, а потом...

- Вообще-то сказано было – убрать, - улыбнулся губами майор, и глаза его на миг стали холодными. Хозяин кабинета, впрочем, этого не заметил. – Но даже если вы правы и мы поторопились, все равно главное – он теперь не сможет никого шантажировать. Я сам, лично об этом позаботился. Заодно позаботился и... - не договорив, он махнул рукой. – Свидетели теперь любые ни к чему, - закончил майор. – Думаю, телевидение сегодня предоставит документальное подтверждение моим... показаниям.

- Опять телевидение?! – взревел Лесюк.

- Ну, дача одна сгорела неподалеку от города. Сильно полыхала. Погибшие есть. Лесюк, поняв, расслабился.

- Ну что ж, будем думать – все в порядке... - и вдруг нахмурился. - А если документы все-таки не у журналиста?

Майор молча пожал плечами, дав понять, что ему добавить к сказанному нечего.

- Ладно, черт с ним, - зам губернатора сел в кресло, стал мять в пальцах папиросу. – Будем надеяться на лучшее. Ты сейчас можешь идти, а я распорядюсь, чтобы на твоём банковском счету сегодня же кое-что появилось. Но если какой косяк... - снова нахмурился он.

- С моей стороны исключено. Если только каким-то чудом кассета попала в третьи руки – что скажу? Будем решать проблемы по мере их поступления. Думаю, и из такой ситуации выкрутимся.

- Твои бы слова... - вздохнул хозяин кабинета. – Ладно, до связи.

- До связи. Новости посмотрите обязательно, - уже в дверях сказал Мичурин и вышел. Лесюк молча махнул рукой – до новостей мне.

Примерно в то же время горел свет и в кабинете редактора "Вечернего Краснохолмска" Сергея Юрьевича Комарова. Хозяин кабинета, Свистунов и Магомед допивали вторую бутылку водки. Разумеется, не считая той, что была прикончена в машине, пока ехали в город. Володя в десятый, наверное, раз выспрашивал у Магомеда подробности того, о чем ему рассказал Шамиль Акиев. Он до сих пор не мог поверить, что корни всей истории так глубоки, а ниточки, за которые дергают всеми фигурантами, включая Лесюка, тянутся так высоко.

- Что тебя удивляет? – говорил Юрьич. – Что один генеральский зам мочит другого, а на службе у него состоит майор ФСБ? Ну, допустим, последнее и правда встречается нечасто. Хотя и майоры ФСБ хотят кушать хлеб с икрой. А что касается борьбы в Сером доме – не новость, и не наше ноу-хау. В Кремле вон еще и не случается. И не в Кремле опять же дело, а в диалектике.

- В чем?! – обалдело уставился на него Володя.

- В ней самой, в диалектике. Это я тебе как политолог говорю. Дипломированный.

- Я чувствую, нам с вами, если такие слова станем произносить, и третьей бутылки не хватит, - сказал Магомед, наливая по последней. Чокнулись. Выпили. Закусили остатками бутербродов, купленных в павильоне по пути. – Хрен с ней, с диалектикой, Юрьич. Ты мне, Владимир Николаевич, лучше вот что скажи: какого черта они тебя выкрали и чуть не убили, если компромат все равно, как легко понять, в руках у этого придурка майора?

Володя внимательно посмотрел на друга.

- Ну ты, я вижу, выпил... Зачем майору запись, не просто компрометирующая заместителя губернатора, а прямо-таки равная в тротиловом эквиваленте бомбе? Ясно же козе: чтобы продать ее! Тому же Лесюку. Если верить Акиеву – а ему есть резон верить, потому что у него корысть, - то даже в нашей гнилой стране утечка такой информации в прессу означает чье-то убийство. Как минимум политическое. И денег она стоит очень больших. Как считаешь, Серега?

- Считаю я неважно. Но запись и правда стоит, думаю, не один десяток тысяч баксов. А то и больше, - добавил редактор, подумав. – Самое сволочное состоит в том, что пока запись у майора, еще можно на что-то рассчитывать, а вот как только он ее продаст – все, гуляй, Вася.

- Что ты имеешь в виду? На что можно рассчитывать? – повернулся к нему Свистунов. Водка после пережитого оказалась кстати, но голова все-таки соображала неважно.

- Ну смотри. Лесюк наверняка думает, что тебя больше нет, что ты сгорел, так? Так. Мичурин, если мы не ошибаемся и кассета с расшифровкой действительно у него, шантажировать Лесюка не прекратит. С другой стороны, ему тоже очень на руку, что ты теперь – черненький такой, обгореленький и не вполне дееспособный. Лишняя заноза из задницы. Это, кстати, ответ на твой вопрос, - повернулся он к Магомеду. – Для того и похищали, чтобы убить. Мешал он сильно, под ногами путался. Если бы он там не "сгорел", майор бы все равно его как-нибудь на кладбище отправил. То есть не на кладбище как раз, а просто в холодную землю без деревянного костюма, червям на съедение.

- Слушай, ты в детстве жутиками не увлекался? Ты, конечно, редактор и все такое, но давай без натурализма, а? – Володя как-то живо представил себя черненьким... обгореленьким... Или обглоданным червями. Юрьич только отмахнулся:

- Ты по существу слушай. Ты ему больше не мешаешь, как он думает, и отвлекаться он на тебя не станет. Он теперь вообще внаглую поперет. Его-то Лесюк даже если заподозрит, что вряд ли, - все равно вычислить наверняка не сможет: и тот, и другой профессионалы, но Мичурин похитрее. Да и всегда выигрывает тот, кто заказывает правила игры, а не тот, кто водит. Известная истина. По-другому только в боевиках. И вот представь: допустим, опередив майора, мы показываем тебя Лесюку.

- Как это – показываем? Я что – кино или картинка? – Володя внезапно отяжелел.

- Тебе кофейку надо, - Юрьич пошел в приемную ставить чайник. Магомед пояснил:

- Ну, то есть Лесюк вдруг обнаруживает, что журналист, который должен был сгореть и у которого, как он думает, находится компромат, жив. Понял?

Володя кивнул, но все равно не понял.

- И что?

- Ну ты, братан, тупой, - терпеливо сказал, вернувшись из приемной, Юрьич. – Видя тебя целым и почти невредимым (Володя покосился на свою правую ногу – ее забинтовали, и она теперь была заметно толще левой), он начинает догадываться, что майор его обманывает. А мы – ну, то есть ты – предлагаем ему сыграть в открытую. Объясняем – ты объясняешь, - что его помощник Мичурин его шантажирует, что компромат у него, и предлагаем помочь разработать встречный план. По, так сказать, изъятию майора из здорового российского общества. Или вообще из жизни.

- Помощники! – фыркнул Магомед. – Ты что, не понимаешь, какие у него ресурсы в распоряжении? Он хоть силовиками и не командует, но, как мне Акиев объяснил, курировал Васина. А у того, как ты знаешь, силовики как раз в ведении находились. Нужны мы ему!..

- А мы условие предварительно поставим: чтобы мы участвовали в реализации плана.

- Да он и нас – то есть его, - Магомед кивнул в сторону Володи, - размажет и не заметит!

- До сих пор что-то у него это не очень получалось, - ухмыльнулся Свистунов.

- Погоди, Володя, - поднял руку Юрьич. – То, что не получалось раньше, вполне может получиться теперь, тут Магомед прав. Но есть у меня подозрение, что Лесюк нам поверит и захочет включить если не нас, то тебя в планы своей дальнейшей жизни. Он, конечно, мог бы тебя убить. Человек, обладающий информацией, пусть даже документально не подтвержденной, все равно представляет определенную опасность.

Мало ли как жизнь сложится, вдруг ты с губернатором на "ты" перейдешь... Шутка. То есть лучше всего, если бы тебя не было, конечно.

- Я тебе уже говорил сегодня спасибо? Я тебя тоже очень люблю, - с чувством сказал Володя.

- Да ладно. Зри в корень. А он вот где. Раньше такую почетную миссию Лесюк поручал Мичурину, а тот действовал через подручных. Теперь, когда Мичурин вцепился в руку дающего, Михаилу Петровичу придется искать еще кого-то. Причем ставить перед ним двойную задачу: убрать тебя и Мичурину.хлопотно это. Он лучше нас с тобой понимает, насколько хлопотно. Ты – не единственный теперь, кто владеет информацией, и кто еще кроме тебя – он этого не знает. Ты нас до поры до времени светить не должен, но туману напустить – святое дело. Ему проще организовать с помощью подконтрольных ему ментов, спецназа, кого угодно охоту на Мичурину, а нас – то есть тебя, конечно – взять в долю как... ну, скажем, пиарщика. Предложив тебе приличную сумму и предложив денежную работу на будущее. Все равно ты ему наверняка обойдешься в десятки раз дешевле, чем кассета с записью.

Володя попытался было снова возразить – почему это шеф оценивает его дешевле? – но возразить уже не смог. Язык не ворочался, голова погрузилась в туман. Видимо, сказывалось еще действие фенобарбитала. Он почувствовал, как Юрьич с Магомедом взяли его под руки, переложили на диван в приемной. Больше он не чувствовал ничего.

...Выйдя из областной администрации, майор Мичурин сел за руль, завел "хонду" и направился из центра по объездной дороге, через мост с пугающим названием "Три шестерки" (по каким-то строительным документам он действительно проходил под кодом "666" – так и прикипело) на правый берег могучей сибирской реки. Почти проехав поселок Водников – печальный, запущенный и проспиртованный район города, - он остановился у торгового павильона. В павильоне купил бутылку минеральной воды, неспеша рассчитался, встав так, чтобы сквозь стеклянную витрину хорошо была видна улица. Садясь в машину, быстро огляделся еще раз. Никто за ним, конечно, не следил. Лесюк доверял своему подручному.

Проехав еще несколько кварталов и выехав на оживленный проспект, тянущийся через все правобережье, он остановился у ближайшего телефона-автомата. Здесь, в этой части правобережья, в грязноватом рабочем районе, старые автоматы еще не везде успели заменить новыми. По новым можно было звонить только с помощью телефонной карты, по старым – с помощью металлического жетона. Жетон безымянный, а карта содержит на магнитной полосе специальную информацию, по которой при известных ухищрениях можно вычислить звонившего. Лесюк – профессионал, и ресурсов – людских и технических – у него достаточно, чтобы сделать это. Может быть, не в самый короткий срок, но майор не хотел рисковать.

Он вошел в телефонную будку, прикрыл рот носовым платком – так, чтобы это не бросалось в глаза, если смотреть снаружи. Бросил жетон, набрал номер.

В кабинете Лесюка зазвонил телефон – тот самый, чей номер знали немногие. Хозяин вздрогнул. После разговора с Мичуриным он успел расслабиться. Прямых доказательств того, что его шантажировал сгоревший журналист, у него, конечно, не было. Но рассказ Мичурина звучал убедительно, и Лесюк почти перестал думать о возможном наличии третьего лица. Телефон, однако, звенел настойчиво. Трубку пришлось взять.

- Вы готовы понести расходы или мне искать другого покупателя? – спросил его гнусавый голос.

- Мне нужно время, - помедлив самую малость, ответил Лесюк.

- Вы собираетесь думать? – голос звучал насмешливо.

- Нет. Мне нужно время, чтобы собрать требуемую сумму. Это очень большие деньги.

- Сколько времени нужно?

- Двое суток.

Мичурин пожалел, что запросил мало. Если за двое суток можно найти две сотни тысяч баксов – значит, в закромах их значительно больше. Он был готов к тому, что Лесюк попросит неделю. Но сегодня майор был добр. Все складывалось лучше, чем он предполагал, готовя шантаж. Поэтому он решил проявить милость к павшему.

- Хорошо. Послезавтра в это же время, - он глянул на часы – было двадцать три минуты десятого утра, - вы должны оказаться на... - Мичурин чуть помедлил – и внезапно решил сыграть на бис, - на двенадцатом километре автодороги Краснохолмск-аэропорт. – На двенадцатом километре он застрелил Леонида Васина. – Поедете без водителя, на собственной машине.

- Дальше.

- У левой обочины увидите припаркованную "Оку" с транзитными номерами. Водительская дверка будет открыта. Деньги надо положить на сиденье водителя, дверь захлопнуть. Центральный замок закроется автоматически. Деньги должны быть в обычном пластиковом пакете...

- Мелкими купюрами? – не удержался от иронии Лесюк. Гнусавый иронии не принял.

- Плевать, мы не в Америке. Если не поместятся в один – значит, в двух пакетах. Не пытайтесь ничего разглядеть в салоне – бессмысленно, там ничего не будет. Положите деньги – сразу ежайте в сторону аэропорта до кольца, там развернетесь, вернетесь в город по старой дороге, через пост ГАИ. Не пытайтесь следить за "Окой". Это, опять же, бессмысленно. Не советую брать с собой оружие и устанавливать на нашей машине или маскировать в пакетах "маячки". И последнее. Если выяснится, что вы в машине не один – а я сумею это установить, - контакт не состоится, никакой "Оки" на месте не окажется. И звонить я вам тогда больше не буду. Вы прекрасно понимаете, что это означает.

Лесюк понимал.

- Где и когда я получу то, что у вас?

- Об этом я вам сообщу дополнительно.

- Какие гарантии? И какие гарантии, что вы не снимете с записи копию?

- Гарантии – в морге, - в трубке послышались гудки.

Лесюк швырнул трубку и прорычал:

- У-у-у, козлы!

Майор вышел из телефонной будки, скорее по привычке незаметно огляделся и сел за руль. Тотчас же затрезвонил мобильный. Он усмехнулся и вынул из кармана трубку.

- Третье лицо, - сказал знакомый голос. – Через полчаса у меня, - и отключился.

А через полчаса Лесюк ломал в пепельнице окурки и уже почти не сдерживаясь хрипел:

- Ну и какого хера вы этого газетчика замочили тогда, если все равно не у него кассета?! Специалисты сраные! Одни трупы за вами, и все – не те! Толку от вас – как от гондонов штопаных!

- Я... - пытался вставить слово Мичурин.

- Головка!.. Я тебе бабки за что плачу? Скажи спасибо – сегодня еще не успел перечислить, я бы тебя сейчас вообще с говном съел!

Майор пожалел про себя, что поторопился со звонком "боссу". Надо было его до конца выпотрошить.

- Расскажите лучше подробно, как и что, - вставил он наконец. Лесюк посопел, зажег очередную папиросу. Разговор между тем передал до мельчайших подробностей – сказывалась профессиональная память. "Молодец, лысый!", - одобрил про себя Мичурин.

- Ну, и как предполагаешь выкручиваться, майор? Ты ведь говорил – выкрутимся и из этого дерьма.

- Выкрутимся, - спокойно сказал Мичурин. – Поставим на всех дорогах дополнительные посты ГИБДД – у вас ведь достаточно для этого полномочий? Объявите какую-нибудь операцию "Перехват" с туманной легендой. Предположим, по вашим

оперативным данным в город невесть откуда проникла банда угонщиков, готовятся массовые угоны самых разных автомобилей. Вот и заставьте их проверять каждый.

Легенда была слабой, как сказали бы сами менты – фуфловой. Не могло так быть, чтобы оперативники из облУВД прохлопали ушами целую банду. Но майор понимал, что другого выхода у Лесюка все равно нет, а намек на широкие полномочия как бы заведомо делал губернаторского зама сильнее, чем он сам себе казался.

- Думаешь, поможет? Думаешь, сумеем поймать?

Мичурин пожал плечами:

- Дороги прилежащие известны, их не так много. Я сам лично готов принять участие в операции.

- Ты лично много в чем участие принимал, а толку? – усмехнулся зло Лесюк. – Вот Васина удачно мочканул, да и то кассету просрал. – Замгубернатора вдруг замолчал и ошеломленно уставился на майора. – Слушай, на каком километре ты Васина... того?

Внутри у Мичурина екнуло. "Вот и сыграл на бис..."

- Я не считал километры, но телевидение передавало и в газетах было - на двенадцатом, вроде...

- Сука! – заорал Лесюк. – Это же он издевается над нами так, сука! Это он специально то место выбрал! Ну, блядь, поймаю – своими руками яйца вырву!

У майора отлегло. Он подыграл:

- Надо же, а я и не обратил внимания.

- Вот потому у тебя все и срывается, что внимания ни на что не обращаешь, - не преминул кольнуть его Лесюк. "Интересно, - весело подумал майор, - как бы ты запел, если бы я тебе правду рассказал?"

- Ладно, - подвел итог хозяин кабинета. Он как будто совсем успокоился, в голосе вместо тревоги читалась деловая озабоченность. – Последний вопрос: деньги-то и правда везти?

"Дурацкий вопрос", - хотелось крикнуть Мичурину. Вслух же он сказал твердо:

- Деньги надо везти обязательно. Ловить щуку лучше на живца. Это вам любой рыбак скажет. Иначе или не клюнет, или сорвется.

Рыбалка, однако, не удалась. Вмешались непредвиденные обстоятельства, против которых и Лесюк, и Мичурин оказались бессильны.

Глава 21

Майор вышел. Лесюк некоторое время посидел молча, раздумывая, потом взглянул на часы. Они показывали без четверти двенадцать. Он вздохнул, снял трубку "вертушки", набрал три цифры.

- Евгений Юрьевич? Лесюк. Срочно нужно двести. Зеленью. Сегодня. Нет, с Москвой советоваться не надо. Времени нет. Ну, я тебя как друга прошу: не надо. Скорее всего, я тебе все двести верну в целости. Нет – сумею отчитаться. Разумеется, на представительские. Много? Ну и случай особый... Да чего ты о моей жопе беспокоишься, - вдруг заорал Лесюк, - ты свою побереги!.. Ладно, извини. Ну, прошу: дай двое суток, если не верну – связывайся с Москвой и сдавай меня. Про тебя скажу, что паяльник в задницу сунул, ты и сломался... Ладно, шучу. Ну, не подводил ведь я тебя ни разу, будь другом, выручи еще! Да знаю, что сумма... Давай так: если что – ты в доле. Я тебе ее верну, а ты часть того... спишешь. Лады? Договорились. В каких купюрах? Плевать. Мы не в Америке.

Через час примерно в кабинет Лесюка без стука вошел молодой порученец с чемоданчиком. О нем можно было сказать: человек без лица. Увидел раз, отвернулся – и забыл. Лесюк молча встал навстречу, взял из рук порученца чемодан, положил на стол, открыл. Пачки с сотенными купюрами были плотно уложены. Порученец ждал. Лесюк закрыл чемодан, кивнул: все в порядке. Тот все так же молча развернулся, неслышно

закрыв за собой дверь. Лесюк открыл большой металлический сейф, поставил туда чемодан, закрыл на три оборота, ключ сунул в карман. Потом, подумав, вынул его из кармана и прицепил на общую связку, где висели ключи от дома и рабочего кабинета.

Сейф был без шифра, старый, еще тех времен, когда в этом кабинете сидел кто-то из средних партийных начальников. Ничего особенного в нем не хранили, кроме служебных бумаг. Пожалуй, это был первый случай, когда в сейф поместили такую крупную сумму денег, да еще в иностранной валюте. Но Лесюк практически ничем не рисковал: в кабинет к нему не приходили своей волей – приходили, когда приглашал. К тому же деньгам здесь храниться недолго, только до завтрашнего утра. А там – желанная развязка.

Все сомнительные, теневые проекты новой администрации Краснохолмской области финансировались, конечно, не из областного бюджета. У каждого направления были свои спонсоры – финансово-промышленные группы, либо имеющие в области свой интерес, либо попросту рекрутированные на эту миссию администрацией президента. Иногда – за какие-то провинности перед властью, порой – просто из-за недостаточной самостоятельности. В Краснохолмске сидели несколько казначеев и смотрящих от Москвы – они выделяли "черный нал" и следили за его расходом. Чиновники отчитывались перед смотрящими, а те – перед Москвой. Лесюку львиная доля денег выделялась на проект по захвату контроля над золотым заводом. Этот проект очень интересовал некоторых людей в администрации президента. Двести тысяч "зеленых", о которых он просил таинственного Евгения Юрьевича (это и был один из смотрящих), – вообще-то сумма слишком большая, съедающая значительную часть общей сметы. По регламенту, такие расходы должны предварительно согласовываться с Москвой. Михаилу Петровичу, однако, удалось заинтересовать столичного представителя, и тот дал отмашку финансистам из ФПГ. Личный интерес – инструмент почти безупречный, никогда не ломается. Конечно, если весь механизм отстроен соответствующим образом. Этот механизм был отстроен как надо.

Михаил Петрович еще раз глянул на часы. Перевалило за час дня. Он почувствовал голод и спустился в столовую.

...Володя проснулся около обеда. Голова трещала. Он медленно обвел взглядом редакторскую приемную. Компьютер на столе секретарши Ларисы был включен, но самой ее на месте не было. Кто-то заботливо накрыл его пледом. Наверное, Лариса. Она была хорошая секретарша, к тому же с первого дня питала к Свистунову некоторые чувства. У утj затекла шея, и он с трудом повернул голову в сторону двери в коридор. Лариса стояла в проеме, в ее взгляде была смесь жалости и раздражения. Володя виновато улыбнулся.

- Кофе хочешь? – спросила секретарша.

Он отрицательно качнул головой.

- Чаю?

Он кивнул. Лариса пошла наполнять чайник..

Из-за закрытой двери кабинета Юрьича доносились громкие голоса. Володя встал, подошел к двери, осторожно открыл ее. Магомед и Юрьич сидели, кажется, в прежних позах, горячо о чем-то спорили. Перед ними стояла наполовину опорожненная поллитра. Володя точно помнил, что они допили все. Значит, сбегали еще. Могучи. Над столом витал сизый дым. Пепельницы были полны. Обычно Юрьич выгружал заполненную пепельницу в газету, газету выбрасывал. Раз теперь он даже этого не делал – здорово же они набрались.

Юрьич первым увидел его.

- О, проснулся уже! – изумился редактор, и только это пьяное изумление и кривая улыбка выдавали его состояние. – Водки хочешь?

Свистунов неопределенно махнул рукой и пошел умываться. Пара девиц – сотрудников газеты, которых он встретил в коридоре, - шарахнулась от него. Не удивительно. В умывальнике он глянул на себя в зеркало. Хорош. Морда мятая,

ощетинившаяся, одежда жеваная. Амбре, должно быть... Он с отвращением умылся тепловатой водой, кое-как расчесался. Вернувшись в приемную, выпил чашку чаю.

- Ожил? – теперь уже участливо спросила Лариса.

- Частично. Который час?

Оказалось – около двух. Что-то они вроде утром нарешали, а вот что конкретно? Володя встал и – хочешь не хочешь – пошел в кабинет редактора. Тот сразу же наполнил рюмку и, хотя тот сопротивлялся, почти насильно впихнул ее в руку.

- Башка трещит, небось? Вот, - удовлетворенно отметил Юрьич согласный кивок Володи. – В нашем возрасте похмеляться должны все.

Подумал и добавил:

- Даже те, кто накануне не пил.

Магомед засмеялся, Володя тоже оценил шутку. Зажмурился, выпил. Сначала замутило, но через минуту стало действительно легче.

- А я что говорил? Слушай меня, алкоголика со стажем! – редактор самодовольно ухмыльнулся. Володя прожевал маринованный огурец, выуженный из банки. Жестом попросил Юрьича наполнить рюмку еще.

- Вот, во вкус вошел! – Юрьич налил всем. Выпили. Пока Володя закусывал, редактор закурил и обратился к Магомеду. Свистунов понял, что он продолжал какой-то затянувшийся спор.

- Вот ты, Магомед, утверждаешь, что ислам – религия совсем не воинственная, исключительно мирная...

- Не я утверждаю – Коран говорит: "Нет принуждения в религии".

- Да я не спорю, я тоже историю религий изучал и Коран читал. Но есть идеал – и есть практика. Жизнь. Чем ты объяснишь, что самые долгие и кровопролитные войны, самые длительные вооруженные конфликты на планете случаются, как правило, в регионах господства ислама?

- Тем объясню, например, что слишком много на планете любителей наводить порядок. Ну, не слишком много, но есть определенные государства, всем известные, которые постоянно примеряют на себя мундир мирового жандарма. Одно – пуще прочих. Или, может, ты станешь с этим спорить?

- А как же 11 сентября? Бен Ладен как же? В этом тоже Штаты виноваты? Или все-таки... И вообще – священный джихад как способ решения религиозных противоречий?

- Ты Коран невнимательно читал, - вздохнул терпеливо Магомед. – Джихад – это совсем не то, за что его сегодня выдают. Само это слово по-арабски означает "стремиться, прилагать усилие". Есть ли в таком корне что-то порочное? А если шире, так вот: джихад прежде всего предполагает истинную, глубокую веру, перед которой все мирское, все частное отступает. В христианстве разве не так?

Юрьич кивнул.

- Ну, так. И все же – как в сказанное вписывается терроризм? Они ведь, террористы, на щит ту же идеологию тащат – мол, ради истинной, глубокой веры не грех и весь мир замочить.

- Погоди, не торопись. Объясню, как сумею.

Итак, глубокая вера – первое. Дальше. Джихад предполагает бескорыстное служение Аллаху, если надо – до пожертвования имуществом, здоровьем, жизнью. Ради идеи, но не абстрактной, а самой что ни на есть гуманистической. Грубая борьба вообще противоположна духу ислама и джихада в частности. Слово, написанное или сказанное проповедником, личный пример самопожертвования – куда более убедительные аргументы, чем принуждение. А теперь скажи: разве в христианской религии, будь то православие, католицизм или протестантизм, это не так?

Юрьич опять кивнул и спросил с ехидной улыбкой:

- Но все-таки, чем ты объяснишь в таком случае действия арабских и прочих террористов, которые под лозунгом борьбы с неверными, то есть священного джихада, убивают не только настоящих врагов-военных, но и мирных людей?

- Я отвечу, - усы Магомеда хищно зашевелились, - но сначала ты мне ответь: чем ты объяснишь, что во времена крестовых походов католики – то есть представители христианства, можно сказать – господствующей мировой религии, сжигали в огне ни в чем не повинных младенцев? Да я сам за тебя отвечу: это объясняется тем же, чем объясняется жестокость и безрассудство в отношении мнимых или истинных врагов ислама! Что ты мне тычешь бен Ладеном в глаза, террористами? Придурков и уродов моральных на свете мало, что ли?! В любой вере их полно! В любой вере полно тех, кто охотно извращает основные постулаты в угоду своей корысти. Для тебя это открытие?

- Да успокойся ты, чего ты, Магомед? Я же не нападаю на тебя, не обвиняю ни в чем, просто рассуждаю, отталкиваясь от очевидного.

- Не всегда очевидное – то, что мы наблюдаем, - успокаиваясь, сказал Магомед. – Да, одна из форм джихада – война, но только тогда, когда избежать ее не удастся. Понятно, что под такую приблизительную формулу можно что угодно подвести, этим и пользуются экстремисты. Пророк Мухаммед говорил: "Величайший джихад, в котором сражается человек, - джихад с самим собой". Опять же, не находишь, это тоже перекликается с некоторыми основными принципами христианства? Кстати, когда пророк Мухаммед вернулся с очередного сражения, он сказал: "Мы вернулись с малого джихада, чтобы приступить к джихаду великому". После этого, - Магомед поднял вверх палец, - после этого он не участвовал ни в одном сражении больше. Значит, под джихадом он понимал в данном случае вовсе не войну, понятно?

Юрьич в очередной раз кивнул и потянулся за бутылкой.

- Вообще, Сергей, задел ты больное, - Магомед от волнения, видимо, и от выпитого вдруг начал говорить с чуть заметным акцентом. – Я потому и уехал из Чечни, от брата, от родни, что все, о чем говоришь, не в газетах читал – видел. Как брат мой рабов русских в яме держал, как мои земляки-чеченцы головы резали мирным людям – не солдатам. Как женщин русских насиловали, и потом им тоже головы резали или что еще похуже делали. Но я и другое видел – как ваши генералы оружие нашим боевикам продавали, как ваши солдаты наших женщин насиловали. Это – по-христиански, по-божески?!

Юрьич налил. Магомед помолчал, повертел в руках рюмку.

- Джихад вовсе не предполагает беспочвенную агрессию, убийство мирных жителей, да еще чтобы удовольствие от этого убийства получать. Те, кто так думает, идут на поводу у отморожков. А те – такие как бен Ладен, Басаев и прочие уроды, - делают все, чтобы дискредитировать учение, вызвать к нему ненависть и свести с ума его сторонников. Народ, как ты знаешь, в большинстве своем религиозно непросвещенный, можно сказать – девственный. Они этим и пользуются. Ты, как умный человек, должен о нашей вере по таким, как я хотя бы, судить. Вот сидим мы с тобой – я, не самый правоправный мусульманин, который и в мечети неизвестно когда последний раз бывал, и праздников не соблюдает, и к Аллаху не каждый день обращается...

- ...И я, - подхватил Юрьич, - стихийный буддист, и пьем водку, хотя этого не приветствует ни твоя, ни моя вера! – с примирительным смешком подытожил Юрьич. – За терпимость и взаимное уважение!

Магомед выпил с самым серьезным видом.

Володя почувствовал, что снова пьянеет. Понял: пора уходить, иначе все обернется другим боком. Магомед почувствовал его движение, повернулся:

- Сейчас поедем.

- На чем поедем? – не понял Володя.

- Так я же на машине!

- Мага, ты в уме? Ты ж пьян в хлам!

- Я?! – стал было подниматься Магомед – и, оказавшись не в состоянии, снова рухнул на стул. – За рулем же сидеть надо, не стоять... - Магомед беспомощно улыбнулся. Володя засмеялся, они с Юрьичем взяли Магомеда под руки, отвели на тот самый диван в приемной, который только что освободил Свистунов. Лариса обреченно и осуждающе вздохнула. Редактор виновато развел руками.

Володя отыскал в шкафу для верхней одежды свою куртку, стал прощаться. Юрьич предложил посошок – он отказался.

- Слаб. Тренироваться надо, - сказал шеф и налил рюмку.

- От твоих тренировок... уже в ушах плещется.

- И что? – искренне удивился Юрьич.

Пить Володя больше все же не стал. Хотел было перехватить у шефа на такси – вспомнил о деньгах, вынутых из бумажника покойного Сурена. О них он не стал говорить Магомеду и Юрьичу: почему-то было стыдно. Спустившись на лифте с одиннадцатого этажа, он поймал на улице тачку и направился напрямиком в общежитие.

...На стене около вахты висели два больших портрета в траурных рамках. Под ними подпись: "Трагически оборвались жизни наших товарищей Сурена Хачиковича Айвазяна и его жены Лидии Николаевны Айвазян. Пусть будет земля им пухом. Светлая им память". Свистунова невольно передернуло, когда он вспомнил, как именно "трагически оборвались жизни" этих "товарищей". Ну, за что боролись.

Здесь же, у вахты он неожиданно встретил Свету. В груди сладко заныло. Та ночь оказалась жгучей и запоминающейся.

- Привет.

- Привет, - Света смотрела на него чуть-чуть напряжено. Вероятно, она испытывала то же, что и он. – Видел? – кивнула на портреты.

- Видел. А что случилось? – спросил Володя с деланным интересом.

- Никто толком не знает. Якобы нашли их где-то на какой-то даче, обгоревших. Там пожар был, дача сгорела.

- А чья дача-то?

- Бог ее знает. В том-то и дело, что своей у них отродясь не было. У них вообще тут ничего своего не было, жили, как будто уезжать собирались вот-вот.

- У них же вроде машина была? – Володя тянул дурацкий разговор. Ему не хотелось, чтобы Света ушла.

- И машина сгорела вместе с дачей. Странная какая-то история. Как будто специально их кто сжег. Говорят, там милиция сейчас работает. Вроде дело завели, - Света замолчала. Ей, похоже, тоже не хотелось уходить, но она не могла найти подходящей темы для продолжения разговора. – Ну ладно, пойду работать. У меня обед был.

- Может, встретимся вечером, поужинаем? – без особой надежды спросил Володя. Света усмехнулась, покачала головой.

- Не надо. Пока, - "пока" невольно прозвучало двусмысленно.

Он проводил ее глазами, вздохнул. Предъявил вахтеру пропуск, поднялся в лифте на восьмой этаж. Открыл дверь квартиры Магомеда – тот выдал ему персональный ключ, - вошел и с порога начал раздеваться. Нестерпимо хотелось в душ, хотелось сменить одежду, побриться... Мелодично зазвонил домофон. Володя нажал кнопку:

- Слушаю.

- Это вахта. Вас срочно просят к телефону.

Свистунов молча выругался, снова натянул штаны и водолазку, спустился на лифте вниз. Вахтер протянул трубку.

- Володя, это Комаров. Бросай все и срочно дуй в редакцию, - голос был на удивление трезвый.

- Слушай, ну могу я хоть душ принять?! – взорвался Володя. – Я два дня не мылся, не брился, извини за интимную подробность – белье не менял!..

- Я тебя не рюмку выпить зову, - жестко оборвал его Юрьич. – Обстоятельства разворачиваются к нам передом. Помнишь, о чем утром говорили – что тебя засветить надо? Случай подворачивается сам. Упустим его – много потеряем. Подробности по телефону не могу – времени жалко.

- Хорошо, лечу. Но хоть зубы-то почистить, сполоснуться могу?

- Пятнадцать минут тебе на все про все. Я за тобой машину вышлю, - Юрьич положил трубку.

Володя еще раз про себя выругался, вернулся в квартиру Магомеда. Быстро скинул с себя все, залез в душ. Побриться не успел, успел только почистить зубы, сполоснуться и переодеться. Едва вышел из душа – снова зазвонил домофон:

- За вами машина.

...В редакции Юрьич нарезал по кабинету круги, то и дело кому-то звонил по "вертушке" и мобильному. Магомед с круглыми от короткого сна глазами дул на чашку с крепким кофе. Дым уже не висел над столом, кабинет проветрили. По редактору было незаметно, что он еще недавно опрокинул очередную рюмку.

- Что за срочность? – спросил Володя, входя.

Юрьич оторвался от телефона, жестом показал: садись, сейчас расскажу. Магомед пожал плечами – сам не знаю пока, разбудили вот... Наконец редактор положил трубку, сел напротив Свистунова.

- Значит, такая ситуация. Через полтора часа из аэропорта вылетает губернаторский вертолет, в нем – сам и свита. Они летят в Корягинский район, открывать новую лыжную трассу. Ты знаешь, наш губер мастер по разрезанию ленточек. Естественно, приглашена пресса. Нас позвали в последний момент, только что. Вообще странно, что позвали: оппозиция вроде. Но генерал иногда любит неожиданные либеральные жесты. Полетишь ты. Прямо сейчас садись в машину и дуй в аэропорт. Все данные на тебя для аккредитации я передал в пресс-службу, там в курсе. Удостоверение при себе? Вот и хорошо.

- Подожди, я что-то ничего не пойму. Я что, спортивный журналист? Открытие трассы – и я, какая связь?

- Да при чем здесь открытие трассы! В свите – Лесюк.

Володя начал понимать.

- Лучшего времени и места для беседы с ним и придумать нельзя, согласен? Только момент. Я должен тебя кое-чем снабдить. Во-первых, вот тебе редакционный мобильник, запиши его номер. Во-вторых, возьми с собой вот эту штуку, - редактор сунул Володе крошечный цифровой диктофон. – Чувствительность у него обалденная, будешь держать в кармане, он запишет любой разговор. Для страховки можно еще присоединить выносной микрофончик, спрятать его куда-нибудь за отворот куртки – в вертолете шумно, так будет вернее.

- Я ни разу не пользовался ни тем, ни другим, - смущенно признался Володя.

- Не проблема. Смотри, - через пять минут он уже знал, как и что нужно делать с диктофоном и мобильным телефоном. – Все, отчаливай. Вы должны вернуться завтра утром. В Корягино, кажется, уже есть мобильная связь, так что держи нас в курсе.

- Да, - спохватился Володя, - а как к Лесюку-то подлезть? И говорить с ним о чем?

- Ну ты, братан, даешь! – изумился редактор. – Тебе разжевать и в рот положить? Как подлезть – это по обстановке. А говорить надо о том, что Мичурин – предатель, что это он Лесюка шантажирует, что мы готовы помочь в его разоблачении, но хотели бы, чтобы и он нам немного помог – рассказал бы, как было на самом деле. А мы за это не станем марать его честное имя. Понял? Тогда вперед! Машина ждет.

Свистунов ощущал себя разведчиком, засылаемым в стан врага (в каком-то смысле так и было), а потому особенно чувствительно пожал руки Юрьичу и Магомеду. Через сорок минут он уже выходил из редакционной "Волги" в аэропорту. Его тут же подхватила сотрудник пресс-службы губернатора, провела в небольшой зал для прессы, где уже собрались все приглашенные журналисты. С большинством Володя еще не был знаком, но

среди прочих увидел тех самых телевизионщиков, которые записывали с ним сюжет. Обменялись короткими приветствиями. До вылета оставалось минут сорок. Ждали генерала и чиновников.

...Михаил Петрович Лесюк выслушал звонок губернатора с неудовольствием. Генерал со свойственной ему безапелляционностью лично приказал своему заму лететь вместе с ним на открытие лыжной трассы. Лесюк попробовал было возразить – какое он имеет отношение к спорту?

- Рассуждать будешь, когда я тебя об этом попрошу, - отрезал генерал. – Сказано – полетишь, значит, полетишь. Вопросы?

Лесюк вздохнул и положил трубку. Ладно, черт с ним. В конце концов, развеяться, отвлечься от мыслей о завтрашнем дне. Они должны вернуться рано утром, так что он вполне успеет к назначенному часу оказаться в назначенном месте. Он еще раз вздохнул, нажал кнопку селектора:

- Машину.

Через пять минут персональная машина губернаторского зама везла его в аэропорт. Водитель – тот самый, что состоял на неофициальной службе у Шамиля Акиева – где надо, включал мигалку. Городские дороги в это время рабочего дня всегда были забиты машинами.

А еще через полчаса губернаторский вертолет поднялся в воздух, неся на борту генерал-губернатора Ивана Александровича Гусева, его заместителя Михаила Петровича Лесюка, личного пресс-секретаря губернатора Ивана Геннадьевича Кулика, а также главу Корягинского района, председателя областного спорткомитета и группу журналистов в количестве девяти человек. Еще на борту были три члена экипажа: командир корабля Рахим Булатов, второй пилот Николай Курилов и бортинженер Евгений Буимович. Никто из них не знал, что для большинства это – последний в жизни полет.

Глава 22

Корягинский район – юг Краснохолмской области. Хотя и юг, снега здесь зимой немногим меньше, чем на самом крайнем севере. Тайга, чистый воздух, ничем не замутненная экология. Из промышленности – только зачахший золотой рудник с обогатительной фабрикой. Они не нанесли существенного урона местной природе, не нарушили экологического равновесия. Тем более что рудник, как повелось в постперестроечные времена, планомерно разорили, а шахты, в которых еще недавно добывали золото, затопили грунтовые воды. Собственно, это было предсказуемо. Шахтное золото – продукт дорогостоящий, если иметь в виду затраты на его добычу, да и запасы его в Корягинском районе были не так уж велики. В советские времена цифры по объему добычи считались секретными, их прятали от прессы, они были доступны только специалистам, партийному начальству да еще КГБ. После, когда информацию открыли, когда можно было сравнивать объемы с другими регионами, когда научились понемногу считать, стало ясно: при чрезвычайно низкой рентабельности и невеликих запасах Корягинский (точнее, назывался он Андреевским – по имени поселка) рудник проще закрыть, чем искусственно поддерживать его существование. Ну а дальше поступили уже традиционно: вместо того чтобы закрыть официально, выплатив рабочим выходное пособие и обеспечив как-то их дальнейшее существование, предприятие распродали по частям, шахты затопили, а людей бросили на произвол судьбы. Они и до того жили, мягко говоря, не очень богато: зарплату на шахтах несколько лет выдавали буханками плохо пропеченного хлеба, и если этот хлеб перевести в деньги, составляла зарплата копейки. Слезы. Спасало натуральное хозяйство. Едва ли не у каждого в немаленьком, в сущности, рудничном поселке Андреевск было свое хозяйство – огород, живность. Здесь много работало пришлых из других краев России, приехали за большими деньгами, поскольку известно было в советские времена: где золото – там деньги. Не всегда, правда, выходило

так на самом деле, но миф, как все советские мифы, существовал устойчиво. Оказалось, в Андреевске как раз не совсем так. Снабжение, правда, было хорошее, в магазинах можно было купить часто то, чего не купишь не только в районном центре Корягино, но и в самом Краснохолмске. А вот платили не так чтобы очень. Во всяком случае, всегда приходилось выбирать: либо закупить с полочки деликатесов в магазине ОРСа, либо приберечь денежки и припасти на зиму лишнюю машину дров. Поселок целиком состоял из одноэтажных – двухэтажных домов, которые отапливались в большинстве по-старому: печками. За редким исключением. Топили в основном дровами – зря, что ли, вокруг тайга? Реже привозили уголь с одного из местных, неподалеку расположенных разрезов. Но был он неважным и горел плохо.

Вот и пришлось большинству приезжих семей обзаводиться хозяйством, чтобы жизнь казалась полноценной, чтобы можно было хоть мясо-молоко, картошку-морковку свою иметь.

Ну а как пришли новые хозяева, которых правильнее назвать мародерами, платить на руднике перестали вовсе, людей увольняли скопом. Кого по сокращению, кого – "по собственному желанию". "Собственное желание" либо покупали хорошим выходным пособием ("хорошим" оно было, конечно, только на фоне общей нищеты), либо добивались его давлением, пугая людей разными нехорошими статьями в трудовой книжке. Народ в отгороженном от мира горами Андреевске был изрядно затуркан суровыми условиями труда и жестокой дисциплиной еще с советских времен – режимное предприятие, как же, - потому сопротивлялся слабо. Поселок в короткое время фактически перестал существовать. Кто смог, кому было куда бежать – разъехались. Остальные большей частью аккуратно пропивали плоды натурального хозяйства, меняя их на невесть откуда берущийся технический спирт. Технарем торговали практически официально, в местном магазине, в единственном на весь поселок покосившемся коммерческом павильоне и просто на дому. Приходишь, говоришь – сколько, и продавец наливает. Цена сходная. Поселковая власть, которую в лице председателя поссовета и секретаря видели здесь раз в неделю – оба жили в Корягино – не закрывала на это дело глаза, а обеспечивала поставки. А участковый, опухший от беспробудного пьянства, лично распределял, кому сегодня торговать отравой, кому – завтра. И неусыпно следил за соблюдением "графика". Мзду за услуги "крыши" брал натурой – тем же технарем. Им ежевечерне и упивался, а после начинал гонять по поселку жену, называя ее шлюхой и пустой кошелкой. Детей у участкового не было.

Так вот и доживал поселок, синевя и опухая от спирта и умирая на глазах. В буквальном смысле. Недели не проходило, чтобы где-нибудь кто-то не загнулся от технаря. Приходили участковый с местным фельдшером, регистрировали смерть по причине остановки сердца, родственники, если они были, свозили покойного на кладбище, потом вместе с блюстителем порядка надирались технарем, приближая очередные похороны. Пустеющие дома зарастали травой и кустарником, постепенно разрушались.

Районную власть все это волновало мало, до областной было далеко.

Но после очередных выборов в Корягино главой района стал бывший партийный руководитель того же района Андрей Рафаилович Кердык. Отчество и обнадеживающая фамилия объяснялись тем, что в жилах его текла толика крови Учума, ну а имя Андрей дано было во времена, когда русская нация неофициально считалась в СССР титульной. В эпоху КПСС сидел он в кресле первого секретаря райкома партии девять с лишком лет. Район при нем считался не то чтобы сильно процветающим, но за счет золотодобычи, за счет лесных разработок стабильно показывал нормальный результат. Который, естественно, шел в зачет руководителям. Плановые показатели по строительству жилья и прочей социалки тоже держались на постоянной высоте, и причин беспокоиться первому секретарю со всем его окружением о том, что придется раньше желаемого срока расстаться с нагретыми креслами, не было.

Лишнего Андрей Рафаилович не пил, по бабам не ходил, жил здесь, на виду, был местным, а народ в Сибири местных начальников уважает больше, чем пришлых. Мог свободно прийти в избу к любому жителю района, посидеть за рюмочкой (хотя лишнего, как сказано, не пил), внимательно расспросить о нуждах. Нужды на селе понятно, какие: избу подлатать, машину выделить дровишек привезти, канаву для отвода весенней воды вырыть или, наоборот, зарыть. Организовать это первому лицу района не составляло труда, а популярности добавляло.

Перестройка и последовавшая за ней смена старого строя непонятно каким до сибирской глубинки докатились не враз. Но уж когда докатились, демократы или те, кто таковым себе казался, завелись и здесь. Ничего не помогли Андрею Рафаиловичу бывшие заслуги, популярность в массах. Не успел оглянуться – из кресла его аккуратно вынули, а освободившееся место главы района занял бывший учитель истории районной школы, бездельник и пустозвон. Зато краснобай.

Пока жителям района усердно развешивали по ушам лапшу, сдобренную демократическим соусом, хозяйство помаленьку приходило в упадок. Были причины, от главы не зависящие. Золото прежний блеск утратило, а лес стало возить дорого, разработка его в районе зачахла. Но и другое было. Нормальный руководитель стал бы искать пути. Район таежный, а в тайге многое водится. Не только дичь, добыча которой требует специального умения, а еще грибы, ягоды, травы разные. Сибирский папоротник-орляк японцы скупают чуть ли не на корню, перерабатывают и везут потом в ту же Сибирь в виде консервов. По другой, конечно, цене. Во многих сибирских краях, у соседей, да и в самой Краснохолмской области поняли это быстро, скоро научились извлекать из нового положения, из экономической свободы хоть малую, но выгоду. Позже, правда, выяснилось, что свобода – относительна, ну так это позже...

Учителю истории, ставшему главой Корягинского района, было не до того. Не до поиска способов выживания района и людей. Он защищал демократические завоевания, еженедельно выступая с обширными интервью по местному, а то и областному телевидению, ежемесячно – в районной газете. Его круглое лицо с толстыми очками скоро стало известно не только в районе, но и в области. Его называли даже наиболее вероятным преемником тогдашнего губернатора.

Все, однако, вышло иначе. Через некоторое время народ отрезвел. А отрезвев, стряхнув с ушей лапшу, запил снова, на этот раз по-настоящему. Этому сильно способствовали начавшиеся повальные задержки зарплаты на бывших благополучных предприятиях, банкротства и увольнения. Деваться в таежном районе некуда. Мутное море недовольства новыми порядками, приведшими к хаосу, вначале разливалось бессистемно, но очень скоро море определило русло и превратилось в поток – бурный, смывающий все с пути. Направлен поток был вполне определенно. А оттенок имел красноватый: цвета флага СССР.

Наступили очередные выборы, и учитель истории, несмотря на тотальную предварительную промывку мозгов своим избирателям, в которую вложил немалые деньги спонсоров, несмотря на поддержку Краснохолмска, все же провалился с треском. Ему удалось набрать всего тринадцать процентов – чертову дюжину. Остальные собрал Андрей Рафаилович Кердык. Участвовали в выборах, конечно, еще несколько подставных придурков, но они не в счет. Андрей Рафаилович никакой особенной программы не предлагал, публично агитировал за себя мало, но где надо – все время подчеркивал свою принадлежность к коммунистической партии. И напоминал о прошлых заслугах, о безбедной жизни. И прошел.

Почти сразу после победы Кердыка в области состоялись выборы губернатора. Проходили они бурно, штабы кандидатов соревновались в количестве грязи, выплескиваемой на соперника, в числе липовых плакатов-подстав. Кроме политических драк, случались и самые натуральные – в среде электората. Странники бывшего губернатора, профессора-экономиста, били лица сторонникам его главного соперника –

генерала, и наоборот. Представители спонсоров генерала возили в область мешки денег, активно покупали местные газеты и отдельных журналистов, покупали и политическую элиту. В результате профессор проиграл с треском. Правда, сам Краснохолмск проголосовал все-таки за него, но все решили Крайний Север, где прежним губернатором были недовольны, и запущенное нетрезвое село.

Коммунисты на выборах активно поддержали генерала. Профессор, которого они считали наймитом Запада или по крайней мере Москвы, был им ненавистен до отрыжки. Андрей Рафаилович, хорошо умея ориентироваться в политической обстановке, не задумываясь примкнул к активным сторонникам вновь избранного губернатора. Не потому что был уж таким убежденным противником прежнего, а просто из соображений безопасности. И выгоды, если под выгодой понимать возможности для развития района. Мужик он был хоть и хитрый, но честный и за район болел по-настоящему. Пару раз в областной прессе сделал несколько резких замечаний в адрес прежней власти – надо сказать, не совсем уж пустых замечаний. Андрей Рафаилович был и оставался человеком умным. Тонко намекнул на вновь открывшиеся перспективы перед всей областью, связав их с солидным политическим весом нового губернатора. Был замечен. Иван Александрович Гусев принял его одним из первых среди глав районов области, еще до церемонии официального вступления в должность, именуемой с некоторыми пор каркающим иностранным словом "инаугурация". Встреча носила характер неофициальный, но беседа вышла странная.

Сразу после победы генерала милицейские посты были выставлены в администрации области на входе и на втором этаже, где помещался кабинет губернатора. У проходящих через первый пост поголовно проверяли не только выписанный разовый пропуск и документы, подтверждающие личность, но и сумки. А то и вовсе вежливо, но настойчиво предлагали оставить сумки в гардеробе. На втором этаже дежурный милиционер сначала неспеша заносил посетителя, направлявшегося в сторону приемной губернатора, в специальную толстую тетрадь, которую в конце смены сдавал под роспись, а затем так же неспеша обшаривал его металлоискателем. Разумеется, все это сопровождалось еще и дополнительной проверкой документов.

Но и этим соображения безопасности не ограничивались. В большом холле перед входом в приемную генерала на кожаном диване сидел монументального вида телохранитель без выражения лица. Он делал стойку на каждого, кто проходил мимо милицейского поста, и если посетитель направлялся в приемную, а не проходил дальше по коридору (в этой части здания администрации находились еще кабинеты некоторых замов и начальников помельче), телохранитель считал своим долгом еще раз проверить документы или хотя бы пропуск и лично сопровождал его в приемную. Там посетитель попадал в лапы другого такого же мордоворота. Секретарша губернатора связывалась с шефом по внутреннему телефону, и если тот давал добро, посетитель мог пойти в кабинет генерала. В сопровождении телохранителя, разумеется. Эта процедура распространялась на всех, за исключением разве что высоких московских гостей. Последние, впрочем, после победы генерала в область почти перестали ездить. Что же касается местных кадров, генералу задолго до победы внушили: в Краснохолмске ему придется работать, как на завоеванной в честном бою вражеской территории, поэтому надо проявлять бдительность. И правда, новые чиновники повели себя с первого дня как оккупанты, так что само по себе сравнение территории с вражеской для них было по сути верным.

Андрея Рафаиловича провели через все этапы и, наконец, открыли перед ним одну за другой массивные двойные двери кабинета. Телохранитель вошел следом и тут же удалился по молчаливому приказу шефа. Иван Александрович ждал гостя, стоя посреди кабинета, по обыкновению сдвинув брови и изображая улыбку. В уголках глаз, однако, внимательный наблюдатель без труда разглядел бы искорки недоверия. Оно всегда присутствовало во взгляде генерала, он всегда всех подозревал в измене или желании ее совершить. Как на войне. Улыбка потому выходила недоверчивая, как будто ее обладатель

с нетерпением ждал, когда же собеседник наконец "расколется" и выдаст свои истинные намерения.

Губернатор крепко пожал руку Кердыка, предложил садиться. Тот поздравил генерала с победой на выборах – теперь, мол, лично имею возможность. Генерал сказал:

- По-другому быть не могло. Я сражений не проигрываю. Кстати, вас тоже – с победой: я знаю, вы ведь тоже недавно выиграли... сражение?

- Выиграл, да, - ответил Андрей Рафаилович, - но у нас масштабы поменьше. Поле боя не такое обширное. Заросшее к тому же сильно. Да и генералов нет. Одни полковники в лучшем случае.

Тирада вышла рискованная. Так получалось, что и соперника Ивана Александровича – экономиста-профессора – Андрей Рафаилович как бы производил в генералы. А уж фраза о заросшем поле боя вовсе казалась намеком на то, что область, в отличие от Корягинского района, и до пришествия генерала жила неплохо (что было правдой). Гусеву это не понравилось. Он нахмурился. Маленькие глазки под низким лбом заблестели недобро. Губернатор закурил сигарету, не спросив согласия гостя. Потом, помедлив, толкнул пачку по столу:

- Курите!

Прозвучало, как приказ.

- Не курю, - коротко ответил Кердык.

Его первая тирада не была политическим промахом. Он решил играть по-честному, не скрывая от генерала своей истинной оценки ситуации. Разведку проводил не только генерал, но и "полковник", а точнее – капитан запаса, и провести он ее решил, как бывает на войне: боем. Он понимал так: если генерал не глуп – а по всему выходило, не глуп, - он сумеет правильно оценить искренность главы района. А вот если начать ему поддакивать, говорить то, что он желает слышать, рано или поздно это может обернуться катастрофой.

- Бережете здоровье, - криво улыбнулся губернатор. – И не пьете, небось?

- Как когда. Понемногу.

- Ну-ну... - генерал вдруг нахмурился, улыбка исчезла. Резко погасил в пепельнице недокуренную сигарету, поднялся. Андрей Рафаилович тоже стал приподниматься из-за стола, подумав: ну вот и все. Кердык.

Губернатор, однако, жестом показал: сидите, разговор только начинается. Он обогнул длинный стол для заседаний, подошел к телефону, нажал кнопку селектора:

- Коньяк, лимон. Кофе.

Не прошло и минуты, как в дверях появилась фигура телохранителя без выражения на холемом лице. Фигура несла в руках поднос с графинчиком, рюмками, нарезанным лимоном и кофейником с двумя чашками. Поставив поднос на стол, телохранитель взглянул на шефа. Тот отпустил его кивком. Потом повернулся к Андрею Рафаиловичу:

- Вы мне нравитесь. Люблю людей независимых, не прогибающихся. Стендаль говорил: "Опирается можно только на то, что оказывает сопротивление". Я того же мнения. Хотя дураков и всякой сволочи вокруг меня!.. – он вдруг засмеялся своим низким голосом. – Я им не доверяю. А хочу, чтобы кто-то был, кому можно доверять.

Он подошел к столу для заседаний, перед которым сидел Кердык, и, нависнув над ним, как туча, спросил:

- Поговорим?

Кердык мысленно выдохнул. Встреча началась так, как он боялся, а дальше пошла так, как он не мог помыслить даже в самых смелых своих представлениях о генерале.

Гусев налил по рюмке, поднял. Андрей Рафаилович поднял свою.

- За знакомство, - сказал губернатор и выпил в один прием. Кердык помедлил – и тоже выпил до дна. – Ну а теперь, - сказал губернатор, заедая лимоном, - рассказывай, какие у тебя в районе проблемы и как ты намерен их решать с моей помощью.

Андрей Рафаилович был не моложе генерала. Скорее, наоборот. Но генеральское "ты" его не обидело, а обрадовало. Ну, обнадежило. Он служил срочную, потом, учась в

вузе, регулярно бывал на сборах. Наконец, он был капитаном запаса. Он хорошо знал, что если старший офицер переходит с младшим на "ты", это чаще всего свидетельствует о его расположении. Ну а уж если генерал говорит капитану запаса "ты" – значит, расположение особое.

Не торопясь, обстоятельно рассказал он новому губернатору о том, в каком сложном положении находится район после короткого, но "эффективного" правления прежнего главы, как спиваются люди, придя в отчаяние от безысходности, как разрушаются семьи и устои. Вместе с тем рассказал и о том, что отчаяние и вынужденное безделье породили разврат и ждивенчества. Район ждал доброго барина, и теперь, когда люди сделали выбор в пользу старого руководителя, у него, Андрея Рафаиловича, просто нет альтернативы: если он не выведет район из кризиса, не сделает жизнь людей хотя бы относительно приличной, не избавит их от синдрома вечного ожидания, чтобы кто-то пришел и что-то принес, его сметут так же, как предшественника.

- И правильно сделают, - хмыкнул генерал, наливая вторую рюмку. Кердык молча согласился.

- Дело не в том, Иван Александрович, что жаль мне места. Хотя – чего там: жаль, конечно. Но если объективно – главное, что район тогда совсем погибнет. Некому будет им заниматься. Я хоть местный, я район знаю, как свои пять пальцев, вырос там. И опыт есть, и понимание специфики. А придет кто со стороны или, хуже того, вылезет опять какой-нибудь... историк – и что?

- Я, между прочим, тоже – со стороны, - нахмурился генерал.

- В области это не так важно, - поспешил исправиться Кердык. – Здесь свежая кровь как раз полезна. А в районе по-другому. Там каждая собака друг друга знает, там чувство местного патриотизма гипертрофировано. Там запах свежей крови ничего, кроме раздражения, не вызывает. Ну и потом, пока есть кредит доверия – как его не использовать? А без помощи области мне не потянуть.

- Ну, хорошо. Какие предложения? – спросил Гусев, жуя лимон. – Денег дать?

Андрей Рафаилович мысленно поморщился. Как-то неожиданно вульгарно это прозвучало из уст генерала.

- Не совсем. То есть кое-какие кредиты мы, конечно, просить будем. Или хотя бы будем просить администрацию области выступить гарантом перед банками. Я намерен возродить заготовку и переработку таежных даров – то, чем наши предки испокон занимались и немалые деньги на этом имели. Есть еще некоторые задумки. В общем, целая программа у меня есть. Я ею особенно на выборах не размахивал, народ сейчас программам не очень верит. Но она есть, сверенная со специалистами и экономически просчитанная. Не такие уж большие вливания требуются, чтобы ее запустить. Дальше все зависит уже от нас.

- Допустим, программу мы посмотрим, кредит выделим и гарантии дадим. Это все, что тебе нужно? – как-то уж очень легко, очень уж запросто решал губернатор.

- Нет, Иван Александрович, - для Андрея Рафаиловича настал главный момент. – Есть еще один проект, реализация которого, похоже, целиком будет зависеть от вашего к нему отношения. Но если мы его осилим, польза будет не только району, но и области. И даже, пожалуй, округу.

Генерал поднял брови:

- Ну-ка...

Иван Александрович Гусев, как многие brave отставные военные, любил блеск парадов. Скоро в этом должна была убедиться вся область. Не было любимее занятия для генерала, чем резать ленточки и бить бутылки с шампанским. А еще, конечно, принимать праздничные парады. В такие дни он сбрасывал не слишком любимый гражданский костюм, облачался в увешанный медалями парадный мундир, надевал генеральскую фуражку с высокой тульей, преображался. На короткое время становился прежним, окунался в привычное, родное. И ныло сердце генерала, и в короткие моменты откровения

перед самим собой жалел он, что дернул его черт податься в политику, вляпаться во власть. Но, как человек упрямый и честолюбивый, не умеющий и не желающий сдаваться, понимал он: пути к отступлению нет. И чувствовал себя обреченным. До такой степени, что, вообще-то не большой любитель выпить, иногда все же напивался. И, напившись, жаловался в кругу самых близких: "Вы думаете, нужна мне эта власть? Да на хрена она мне нужна! У меня вот в столе пистолетик лежит дареный, так иногда хочется вынуть его из ящика..."

Андрей Рафаилович предложил губернатору проект масштабный и амбициозный. В Корягинском районе, в районе поселка Андреевск – там, где расположен разоренный золотой рудник – есть великолепные природные горнолыжные трассы. О них мало кто знает, катаются там только местные лыжники, да еще спортсмены изредка приезжают туда на тренировки и сборы. Изредка – потому что добираться неудобно, регулярного транспорта от районного центра нет. Зато места изумительные. Отгороженные горами, они имеют собственный микроклимат, здесь всегда чуть теплее, чем в районе, почти никогда нет ветра. Приложить руки, вложить деньги, оборудовать все это современными гостиницами, досуговыми центрами, проложить настоящую трассу, да не одну, сделать бугельный подъемник, рядом пустить еще и фуникулер, организовать регулярный транспорт – цены такому горнолыжному курорту не будет. А тамошнюю обогатительную фабрику, на которой из всего персонала осталась одна охрана, переоборудовать в завод сувениров: оборудование-то не все растащили, кое-что тоже осталось. Если все это сопроводить приличной рекламой, люди потянутся на новый курорт, в район и область потекут деньги.

Мысль генералу понравилась. Настолько, что он тут же дал поручение главе района сделать бизнес-план. И не скрыл своего удивления и удовольствия, узнав, что бизнес-план у Андрея Рафаиловича с собой, в портфеле. По расчетам, строительство курорта должно было занять четыре года. Конечно, при условии, что область регулярно будет выделять деньги. Губернатор согласился. План его сильно воодушевил.

- Ты молодец! – сказал он, хлопая Андрея Рафаиловича по плечу. – Вот такие руководители мне нужны! Сегодня же дам поручение своим замам, чтобы готовили соответствующие проекты постановлений. Как только документы подготовят, дадим ход твоему плану. Правда, сперва придется протолкнуть это через Заксобрание, а там меня, кажется, уже не очень... Разберемся. Ну, давай на посошок, - Гусев налил по третьей рюмочке. Выпили. Кердык стал прощаться. Пожимая руку, генерал вдруг наклонился к нему и спросил:

- Можно тебе вопрос, так сказать, интимный? Твоя фамилия – Кердык – откуда? Она ж вроде ничего хорошего не означает, а?

Андрей Рафаилович смутился. Покраснел даже, кажется. Хотя на его смуглом, отчасти татарском лице это было незаметно.

- Ну... вообще-то "кердык", или "кирдык", или совсем точно "кырдык" означает по-татарски "убить, уничтожить". Предки мои с Ермаком воевали. Татарин я по крови – не стопроцентный, но все же. В Сибири таких много. Фамилия – не судьба. У нас в области, между прочим, есть глава района по фамилии Карачун. Это вообще означает смерть. Ничего, живет...

Генерал засмеялся. Андрея Рафаиловича заусило.

- А могу я тоже задать вам откровенный вопрос, товарищ генерал?

Гусев кивнул, продолжая смеяться.

- Вот вы говорите, что вокруг вас много... дураков и сволочи. Почему вы их терпите, раз понимаете, что они – дураки и сволочь?

Генерал перестал смеяться, нахмурился. Во взгляде снова мелькнуло недоверие. Однако ненадолго. Коньяк ли губернатора размягчил или районный чиновник ему и впрямь понравился, но он сегодня настроен был говорить откровенно.

- Я когда на выборы шел, сначала хотел умными себя окружить. Но с ними трудно. Ум-то есть, а чести все равно нет. Умные – они деньги по-умному воруют. Много и технично. С дураками проще. Ими проще управлять: пнул его под зад – и он идет, куда пнул. А сволочи всякие – они на мне, как ракушки на океанском корабле, еще с Приднестровья. Но я их вот где держу, - он сжал внушительный кулак. – Они у меня все на крючке. Придет время – ото всех избавлюсь, и от дураков, и от сволочи.

Генерал отчасти лукавил, отчасти искренне заблуждался. Пройдет немного времени, и всякому в области станет ясно: не он всякую сволочь на крючке держит, а она его. А дураки, что вокруг, только прикидывались дураками, пока шли выборы. На деле они обернулись умными хищниками, готовыми при случае и самого генерала загрызть, как только станет не нужен.

Но это – позже. А в тот момент Андрей Рафаилович в искренность Гусева поверил. Расстались они еще большими соратниками и почти друзьями.

Это, впрочем, не помогло предложенному проекту строительства горнолыжного курорта в Корягинском районе двигаться так быстро, как хотелось бы. В области вскоре закипели политические страсти, парламент блокировал любые инициативы администрации и губернатора, денег выделять сверх отмерянного не желал. В конце концов проект удалось протолкнуть – изрядно измененный и подешевевший. Но и то было победой. В Андреевск прислали технику, рабочих, началось строительство. Темпы, однако, были далеки от необходимых. Деньги из казны поступали нерегулярно. Это рождало недовольство среди рабочих, внушало пессимизм населению и главе района.

...Когда глава района рассказывал губернатору о планах строительства горнолыжного курорта, они оба еще не представляли, насколько опередили время. Тогда президентом страны был еще престарелый полутрезвый гарант, который уже и в теннис не играл. Когда пришел сменщик и народ узнал о его пристрастиях, Андрей Рафаилович ходил по кабинету гоголем: это ж надо было так угадать! Всей стране была известна страсть нового президента кататься на горных лыжах. Лучше, чем в Сибири, снега нет нигде. Разве что в Швейцарии. Но Швейцарии глава государства предпочитал, как говорили, все же Сибирь. Однако Краснохолмскую область, расположенную географически удобнее других регионов, он своим вниманием не баловал. Бывал, правда, в соседней Хакасии, на популярной горнолыжной трассе, сделал там много шума, поднял много снежной пыли. Покатался. А улетаю, посетовал: все хорошо, но не дотягивает это до международного уровня. Сильно не дотягивает. Того и сего нет. Улетел – и больше сюда не возвращался. Тогда-то в области встрепенулись – и с новой силой начали проталкивать финансирование проекта. На сей раз и депутаты областного парламента не стали особо сопротивляться. Как глубоко ни сидели они в окопах, как ни забрасывали генерала со свитой бутылками с горючей смесью, но и в окопах понимали: возможные частые визиты президента пойдут только на благо области. Проект рассмотрели еще раз, вернули ему прежний красивый и полный вид, перекроили бюджет, отняв часть денег у учителей и врачей, и запустили строительство трассы и курорта по ускоренной схеме. К концу марта четвертого года правления генерал-губернатора Гусева все было готово. Иван Александрович со свитой полетел резать очередную красную ленточку и бить шампанское об опору бугельного подъемника. Церемонию специально наметили на вечер, чтобы высокие гости смогли в полной мере оценить праздничную иллюминацию. Фейерверк предполагался тоже.

Глава 23

Перед тем как погрузиться в губернаторский МИ-8, журналисты через пресс-секретаря уговорили губернатора на небольшой брифинг. Тот неохотно согласился. Стандартные вопросы, стандартные ответы. "Какое значение для области имеет открытие этой трассы?" – "Большое значение для области это имеет!" – "Ожидаете ли вы дополнительных поступлений в бюджет после начала эксплуатации курорта?" – "Да, мы

ожидаем больших дополнительных поступлений в бюджет района и области после начала эксплуатации..." – "Во сколько обошлась трасса с инфраструктурой областной казне?" – "Читайте собственную газету, там все написано!" И так далее.

Вован дежурные мероприятия не любил и в брифинге не участвовал. Так, стоял рядом со всеми, даже диктофон доставать не стал. Сам озирался по сторонам: где же Лесюк? Наконец, увидел. Михаил Петрович был, как всегда, в мягких сапогах, галифе и френче военного покроя, только поверх френча теперь еще был надет бушлат, скроенный тоже на манер военного, но, как и все остальное снаряжение, сшитый по специальному заказу, а бритую голову прикрывала шапка из хорошего меха. Володя не разбирался в мехах, потому не знал, из какого. Но понял: из хорошего. Лесюк стоял у барной стойки, потягивал кофе и курил, рассеянно поглядывая на группу журналистов. Взгляд его коснулся Свистунова и заскользил было мимо... Но через мгновение что-то заставило его вернуться обратно. На этот раз он вцепился в журналиста надолго и, когда обладатель взгляда понял, кто перед ним, рука с чашкой кофе чуть дрогнула. Напиток, однако, не пролился. Растерянность, выразившаяся в произвольном движении, прошла мгновенно. Лесюк умел держать себя в руках.

С журналистом Свистуновым они лично не встречались ни разу. Но Михаил Петрович – опять же, как и положено профессионалу – хорошо запомнил его внешность по телевизионному сюжету об убийстве заместителя губернатора Васина. Ошибиться он не мог.

Володя вдруг поддался мгновенному импульсу и хулигански подмигнул губернаторскому заму.

В голове Лесюка закружился смерч. "Вот сука! – адресовал он привет майору Мичурину. – Надо же быть такой сукой! Сколько попыток – и опять промах! Еще и врал, сука!.. Значит, все-таки это журналисты меня шантажируют, и компромат – у них... Что делать-то теперь, черт? Как он себя поведет, этот сопляк? Что ему вообще тут надо?" На лице его все это, однако, никак не отразилось. Лесюк допил кофе, поставил на стойку чашку. Решил: по обстановке. Самому выдавать себя не стоит ничем. Хотя ясно, что журналист теперь знает откуда-то о его, Лесюка, роли во всей истории. Ну, может, не все знает, но что-то – наверняка. Иначе бы не подмигивал.

Брифинг окончился. Сделав вид, что не заметил или по крайней мере не воспринял заговорщического подмигивания, Михаил Петрович прошел мимо Вована следом за губернатором к вертолету. Сердце Володи вдруг заколотилось. Он сделал дурацкий ход, и теперь в любом случае, при любом раскладе не было пути для отступления. Теперь он должен был за время короткой командировки сломать Лесюка во что бы то ни стало. Иначе жить ему, Свистунову, вполне возможно, останется недолго. А если и долго, то всей их затее – грош цена.

Однако надо идти.

Группа важных и сопровождающих лиц гуськом двинулась через летное поле к вертолету. Володя заметил, что погода к вечеру начала портиться. Небо закрыли тучи, поднявшийся ветер изредка бросался снежком. Перед вертолетом возникла какая-то заминка. Навстречу губернатору Гусеву спустился командир МИ-8 Рахим Булатов, что-то стал быстро вполголоса ему говорить, показывая на небо. Губернатор молча слушал. Потом повернулся к охраннику, показал глазами на свиту. Охранник, все тот же мордovorot без выражения лица, понял и обратился к сопровождающим:

- Просьба подождать, к машине пока не подходить.

- Что, у вертолета мотор сперли? – плоско пошутил кто-то из журналистов.

Охранник, не удостоив его взглядом, повернулся к свите широкой спиной.

- Организационные накладки, - нехотя пояснил Лесюк как следующий по чину в группе после генерала, хотя сам не имел ни малейшего представления о содержании диалога Булатова и Гусева.

Диалог, между тем, развивался стремительно – судя по всему, в каком-то неожиданном направлении. Губернатор властно взял командира за плечо и отвел ближе к вертолету, чтобы их не могли слышать сопровождающие. Потом, исподлобья и в упор глядя на него, заговорил. Его низкий баритон было слышно, но разобрать слов не удавалось. Командир то и дело пытался вставить слово – губернатор не давал, периодически встряхивая летчика за плечо. Он был выше командира вертолета, да и покрепче физически, и ему это не составляло труда. С расстояния в полтора десятка метров хорошо было видно, как неприятно летчику, да еще по фамилии Булатов и с именем Рахим, такое фривольное насилие власти. Так же хорошо было видно, что лишь военная привычка подчиняться (гражданские летчики тоже связаны почти военной дисциплиной, она выражается в том числе и в беспрекословном выполнении приказаний старших по должности) заставляет его сдерживаться, не отвечая открытым неповиновением.

Журналисты и прочие содержания диалога не слышали. Говорили же Гусев с Булатовым вот о чем. Только что, буквально минуты назад командир корабля получил неблагоприятный прогноз погоды на тот район, куда они собирались лететь. Синоптики обещали снег, туман и пониженную видимость. Ветра там, правда, не было, но это и исключало возможность того, что туман скоро рассеется. По всем инструкциям, учитывая присутствие на борту важных персон и отсутствие новой полетной карты (на старую по естественным причинам не были нанесены горнолыжная трасса и вертолетная площадка, куда предстояло приземлиться), учитывая плохую видимость, экипаж не имел права совершать полет. Не имел права подвергать опасности жизнь пассажиров, в первую очередь – жизнь губернатора области. Это и пытался объяснить генералу командир экипажа.

Булатов был опытным летчиком. Всю свою жизнь он летал на вертолетах разных типов и моделей. В конце концов несколько лет назад ему предложили возить, как теперь выражаются, VIP-ов, то есть особо важных пассажиров. Новое назначение хоть и таило в себе скрытые опасности – важные персоны случаются с норовом, как Гусев, например, - зато сопровождалось заметной прибавкой к жалованью. Булатов согласился, рассчитывая на представительском МИ-8 благополучно долететь до пенсии. А при новой зарплате и пенсия обещала быть достойной. Понятно, что кого попало возить губернатора не посадят. Большой опыт, ни одного нарекания, ни одной серьезной ошибки, отличное знание техники, исключительное умение принимать в любой ситуации только правильные решения – все это сыграло свою роль. Потому и волновался старый летчик, что знал: лететь при таком прогнозе опасно. Нельзя лететь. Он предлагал полет отменить.

- Что же, и трассу не открывать теперь, раз экипаж оказался жидковат? – сверлил его исподлобья губернатор и мял плечо. – Ты можешь себе представить, что завтра вся эта шушера, - он повел глазами на журналистов, - понапишет у себя в газетах, что она сегодня покажет в новостях? Да они же меня с говном съедят! И тебя заодно. А там, в Корягино, люди собрались, ждут нас, настроение у них праздничное, а ты им праздник решил испортить. Опытный летчик – и сдрейфил?

- Не сдрейфил, - тихо, но внятно говорил Булатов. – Я опытный летчик, именно потому говорю: нельзя лететь. Отмените полет, Иван Александрович, очень прошу...

- Да пошел ты знаешь, куда! – взревел генерал, и маленькие глазки его сверкнули. Булатов слегка поморщился: Гусев в сердцах сильно сдавил своей десантной ручищей плечо командира. – Не хочешь лететь – убирайся к такой-то матери! Сам полечу! Не забыл еще, как это делается!

- Не надо трогать мою мать, товарищ генерал, - Рахим сердито попытался освободить плечо. – Она уже там, где лучше, чем здесь. А убираться я не могу. Это мой вертолет, мой экипаж, я за них отвечаю. И за вас отвечаю.

Диалог грозил перейти в бессрочный. Генерал не мог уступить и не собирался этого делать. Командир был в ситуации, которой не позавидуешь. С одной стороны, он –

командир экипажа, который вверен лично губернатору, и значит, должен ему беспрекословно подчиняться. С другой – он не имеет права нарушать инструкцию и рисковать чужими жизнями.

- Иван Александрович, - сказал Булатов, - могу я предложить компромиссный вариант?

- Не люблю я компромиссов, - усмехнулся губернатор. – Ну, излагай...

Через минуту договорились. Командир предложил лететь не до самой горнолыжной трассы, а до районного центра Корягино. Это избавляло от необходимости перелетать через горы, к тому же оставалась в стороне высоковольтная линия, вдоль которой иначе пришлось бы лететь, ориентируясь исключительно визуально. То есть – глядя через стекло. В тумане, да еще под вечер – крайне опасно.

Генерал подумал чуть – и согласился.

- Ладно, шут с тобой. Сейчас скажу, чтобы позвонили в Корягино, пусть автобус готовят. Через горы – километров шестьдесят. Дорога там вроде ничего, за час должны добраться. Хотя и опоздаем, - с укоризной глядя на командира, надавил он на последнее слово. Тот молча развел руками – что я могу сделать?

Генерал подозвал к себе Андрея Рафаиловича, дал поручение. Тот стал звонить по мобильнику.

Наконец, погрузились. От Краснохолмска до Корягино вертолетом – около двух часов. Володя поднялся по короткой лестнице не сразу, сделал вид, что замешкался. Сделать это было нетрудно, даже притворяться особо не приходилось: нога болела по-настоящему. Ему непременно надо было сесть так, чтобы Михаил Петрович Лесюк оказался близко. Вышло не совсем. Правда, хорошо было уже то, что замгубернатора не сел рядом с генералом. Похоже, Лесюк не простил шефу своего вынужденного участия в этой дурацкой, как он считал, поездке. Потому демонстративно предпочел месту рядом с губернатором другое, через проход. Ближе к журналистам. Гусев демонстрации, кажется, даже не заметил.

Губернаторский вертолет всегда был машиной представительского класса. Раньше, однако, салон был рассчитан на восемь пассажиров. Плюс три члена экипажа. Справа по ходу друг напротив друга стояли два двухместных кресла со столиком посередине – для самых важных и деловых пассажиров. Напротив через проход прежде располагался просторный четырехместный диван. Были в салоне телевизор, радиосвязь. Потом, когда новая власть, пришедшая на смену советам, завела манеру вносить в летопись буден каждое свое движение и стала на любые события, мало-мальски допускающие помпезность, возить журналистов, по распоряжению еще прежнего губернатора вертолет слегка переоборудовали. Кресла со столиком для вожаков не тронули, а диван убрали. Вместо него установили в три ряда двухместные кресла, еще два втиснули с правой стороны. В салоне образовалось двенадцать мест вместо восьми. Телевизор почему-то убрали, радиосвязь оставили.

Губернатор Гусев вез в Корягино делегацию из четырнадцати человек, считая его самого. Охрана не полетела. Начальник губернаторской охраны вместе с двумя сотрудниками еще накануне отбыли в район, чтобы провести предварительные "мероприятия по безопасности". Они и должны были встретить шефа.

Журналистам в вертолете пришлось потесниться, чтобы как-то устроить двоих "лишних" коллег. Губернатор это не одобрил: коротко и зло глянул на председателя спорткомитета, который занимался организацией полета. Тот смутился. Тем и кончилось. Выгонять, конечно, никого не стали.

- Ну что, смертнички, полетели? – снова плоско пошутил кто-то из журналистов. Не найдя поддержки, замолчал.

В кабине сидели командир экипажа со вторым пилотом и – на откидном кресле – бортинженер. После коротких переговоров с "вышкой" Булатов разогнал двигатель до

необходимых оборотов. Вертолет взлетел и взял курс на юг области. Изрядно потряхивало, хотя сила ветра была в пределах допустимой.

...За столиком лицом ко всем остальным сидел губернатор. Он терпеть не мог, чтобы кто-то находился сзади, "дышал в затылок". Рядом с ним по его молчаливому кивку устроился глава Корягинского района Андрей Рафаилович Кердык. Напротив сидели председатель спорткомитета и пресс-секретарь губернатора. Заместитель главы области Лесюк устроился через проход, в кресле во втором ряду. Володя оказался позади него. Разговаривать так было невозможно и из-за шума – хотя в вертолетах представительского класса используют дополнительную шумоизоляцию, все же МИ-8 не "Боинг", - и потому, что внимание Лесюка сначала надо как-то привлечь. А как тут привлечешь, если он сидит спиной? И все же Володя решился. После дурацкого подмигивания в аэропорту все равно – пан или пропал. Он вырвал из блокнота листок, написал: "В ваших интересах поговорить", - тронул Лесюка за плечо. Судя по всему, тот, несмотря на профессиональное самообладание, чувствовал себя довольно напряженно и едва заметно вздрогнул. Полуобернувшись, спросил: "Что?" Володя сунул через спинку кресла записку. Лесюк взял ее и, едва развернув, свернул снова и сунул в карман. Свистунову показалось, что он не стал читать. Журналист уже готов был отчаяться – в это время замгубернатора наклонился и что-то сказал своему соседу, тому самому молодому корреспонденту одной из частных газет, что спрашивал губернатора, во сколько обошлась трасса. Тот, пожав плечами, встал и показал Володе – мол, давай меняться, раз надо... Сердце забилося. Пан или пропал?

Еще по пути в аэропорт, в машине, Володя провел основательную оргтехническую подготовку операции. Сначала он хотел, как и советовал Юрьич, положить диктофон в карман, а крошечный микрофон закрепить где-нибудь за отворотом куртки. Оказалось, это не так просто. Незаметно провести провод можно, только продырявив куртку. Ни времени для этого, ни желания не было. Микрофон, конечно, был необходим. Володя раз в жизни летал раньше на вертолете и представлял, как шумно в салоне. Без выносного микрофона, на один только встроенный разговор может записаться плохо. Тогда он положил диктофон во внутренний карман куртки, а микрофон вывел через рукав – благо, шнур был достаточно длинный – и закрепил "крокодильчиком" на манжете с внутренней стороны. Получилось незаметно. Правда, придется на время полета завести привычку тереть губу при разговоре, чтобы микрофон все время был на соответствующем уровне, но о его привычках реальных и мнимых все равно никто не знает, кроме него самого. Теперь, пересаживаясь на место рядом с Лесюком, Володя незаметно включил диктофон. Прибор был новый, современный, в пользовании чрезвычайно простой и удобный. В машине он сумел разобраться в нехитрых технических премудростях. Они и впрямь оказались нехитрыми: по сути, все управлялось одной кнопкой.

Володя, протиснувшись между Лесюком и передним креслом, сел рядом, со стороны иллюминатора.

- Меня зовут... - начал он, не решаясь сразу приступить к главному.

- Я знаю, кто вы, - сухо оборвал его Лесюк. – Давайте по существу.

- Хорошо. – Свистунов помолчал, собираясь с духом. – Михаил Петрович, мы догадываемся, что вас шантажируют. И точно знаем, кто именно.

Лесюк посмотрел на Володю. Усмехнулся. Потом неожиданно наклонился к нему и как бы поправил воротник куртки, профессионально и скоро пройдясь по нему с внутренней стороны пальцами. Володя аж подпрыгнул мысленно – вот было бы здорово, если бы сейчас обнаружил там микрофон! Как повернулись бы события дальше, неизвестно.

Проверив воротник, Лесюк так же цепко и скоро провел рукой по куртке слева – как раз там, где располагался внутренний карман. Володя обмер. Но плоскую коробочку диктофона не обнаружила даже цепкая рука Лесюка. Михаил Петрович и на этом не успокоился, кивнув на сумку:

- Диктофон?

Володя вовремя вспомнил, что в сумке у него и впрямь лежал диктофон – обыкновенный старенький "Панасоник" с микрокассетой. Он открыл сумку, вынул "Панасоник", показал, что тот не работает. Для пущей убедительности вытащил из него кассету и переложил в другой карман сумки. Лесюк наблюдал за всем этим молча. Результат его, кажется, удовлетворил. Откинувшись на спинку, он внимательно посмотрел на журналиста.

- Значит, вам известно, что меня шантажируют, и вы знаете, кто именно?

Володя кивнул.

- Тогда позвольте и мне узнать, кто это – "мы"?

Володя мысленно поздравил себя с первой небрежностью – точнее, со второй, если считать небрежностью и хулиганскую выходку в порту.

- Я и мои друзья, - ответил он как мог твердо.

- И много у вас друзей? – в голосе Лесюка читалась насмешка.

Володя замялся, но замгубернатора нечаянно выручил его сам.

- Не трудитесь выдумывать. Я сам вам скажу. Я думаю, друг у вас один, он же ваш начальник – редактор "Вечернего Краснохолмска" Сергей Юрьевич Комаров. Или есть еще кто-то, кто играет с вами в команде?

- Нет, - ответил Володя, - больше никого. Вы правильно вычислили. Только мы с Сергеем Юрьевичем. А у вас хорошо получилось!

- Кое-что еще умеем, - произнес Михаил Петрович – впрочем, без тени самодовольства. – Ну что ж, это хорошо, что вас только двое. Мне проще. Итак, что же вы хотите мне сообщить?

- Может, вначале договоримся об условиях? – отважно предложил Володя. – Мне от вас тоже нужна кое-какая информация. Думаю, вы догадываетесь, какая.

Лесюк фыркнул.

- Фильмов насмотрелись? Детективов начитались? Шпионские страсти... Вы не понимаете, что, если я вам сейчас расскажу что-то, что вы очень хотите от меня услышать, завтра или в крайнем случае послезавтра вас найдут в вашей общежитской комнате погибшим, допустим, от избыточной дозы алкоголя? Или вы спьяну сигарету в матрац сунете, скажем? А то и вообще не найдут. Сгинул, пропал без вести, испугался первых трудностей профессии и сбежал. Да и кто вас искать-то будет, кроме Сергея Юрьевича? А и тот, пожалуй, не станет долго на вас время тратить. Мы ему от вашего имени записку напишем – мол, извини, забоялся я что-то, убьют ненароком, вот и решил на дно лечь. Он ведь вам, как человек разумный, небось, предлагал не связываться с нехорошими дядями?

- Я не курю. Это во-первых, - такая высокая тональность разговора, которую сходу взял Лесюк, избавляла Володю от необходимости оставаться дипломатом и изображать, что чего-то не знает. – Во-вторых – что-то до сих пор у ваших орлов не получалось ни подорвать меня, ни зарезать, ни даже просто застрелить и сжечь. Наоборот, сами сгорели. Хоть и не спьяну.

"Вот сука!" – снова мысленно ругнулся Лесюк в адрес майора Мичурина.

- До сих пор вы были опасны лишь потенциально, как невольный свидетель того, чего видеть не должны были. Теперь вы идете ва-банк, не оставляя мне выбора. Ставки растут, а проигрывать я не люблю. Так же как наш генерал-губернатор. Мы все с него пример берем, - в голосе Лесюка снова зазвучала насмешка.

- Боюсь, Михаил Петрович, вы все же не очень отчетливо представляете себе, кто ваш противник-шантажист. У меня такое впечатление, что вы в лучшем случае зря потратите деньги, которые он с вас требует. В худшем – с вами может произойти то же, что... ну, скажем, что произошло с вашим коллегой Леонидом Георгиевичем Васиным. Или с супругами Айвазян. Или случится с вами, допустим, дорожная катастрофа – мало ли, и у видных начальников водители иногда ошибаются. Вон у директора Королева, говорят, водитель с управлением не справился...

- Вы на что-то намекаете? – снова внимательно посмотрел на него Лесюк.

- Только на то, что ваш противник – профессионал не хуже вас. И не намекаю, а говорю об этом прямо. Он такой же хитрый и безжалостный, как вы. Он сделает все, чтобы слупить с вас деньги, а документы вас интересующие не отдавать. Думаю, вообще он заинтересован в том, чтобы оставить вас в живых. Ну, чтобы потом еще подоить некоторое время. Однако вы, скорее всего, тоже не хотите отдавать ему деньги просто так. Да вообще не хотите отдавать! И тоже постараетесь его надуть: вычислить, перехватить и прикончить. Я, конечно, могу только догадываться об этом, но вряд ли ошибаюсь.

Лесюк смотрел на журналиста все так же внимательно и не перебивал. Володя воодушевился.

- Он же, как человек осторожный и ведущий игру, ваш план-"перехват" наверняка вычислит раньше, чем вы его. Ну а дальше – со всеми вытекающими, о чем сказано выше.

Володя замолчал. Вспомнил – стал теревить губу. Лесюк потер подбородок, вздохнул. Улыбнулся.

- Ну, хватит. Поиграли. Скажите, Владимир Николаевич – так, кажется, вас зовут? – а здесь-то вы зачем? Мы ведь вроде обо всем договорились. Завтра в назначенное время я все привезу. Чего вы заволновались-то? Бойтесь, сбегу?

Володя растерялся.

- Михаил Петрович, вы о чем?

- Ты будешь меня за нос водить, сопляк? – сорвался с дипломатического тона Лесюк. – Тогда я тоже тебе кое-что расскажу. Я тоже хорошо знаю, кто меня шантажирует, у кого находится запись одного важного для меня разговора, кто и сколько денег за нее хочет получить. Ты думаешь, платочком прикрылся – и я твой голос уже узнать не смогу? Это ведь ты мне звонил сегодня, и раньше ты звонил. Что там за фокусы с "Окой"? Нельзя было проще сделать, что ли – ну, там, через камеру хранения или еще как. Шпионские страсти какие-то... И почему именно на двенадцатом километре трассы? Подъебнуть меня захотели – мол, привет тебе от Васина? Так у меня нервы крепкие, так что ничего у вас не вышло и не выйдет. Не пойму только, зачем ты здесь-то? У меня ведь все равно выбора нет.

Володя, обалдело слушая монолог замгубернатора, начал понимать. А поняв, возликовал: теперь ему проще будет ошарашить Лесюка так, чтобы тот до пяток раскололся.

- Подождите, Михаил Петрович... Можно, я вам вопрос задам?

- Ну? – Лесюк успокоился так же скоро, как вышел из себя.

- После звонка сегодняшнего, о котором вы только что сказали, у вас был майор Мичурин?

- Предположим.

- Как я понимаю, вам предложили привезти деньги на двенадцатый километр трассы из города в аэропорт – туда, где Мичурин убил Васина? И вы думаете – нет, вы уверены, что такие условия поставили вам я и Сергей Юрьевич...

Лесюк хлестнул его взглядом.

- Вы еще про "Оку" меня спросите! – успокоившись, он снова перешел с журналистом на вежливое "вы".

- Про "Оку" я что-то ничего не понял, но это после... Можно, я предположу, о чем с вами сегодня говорил майор? Он сказал вам, что деньги везти надо непременно – ловить так на живца (Лесюк вздрогнул), а он на себя берет обязательства перекрыть все прилегающие дороги и поймать вымогателя. А где вы должны оставить деньги? Постойте... ну да, вот она – "Ока"! Там, наверное, будет стоять какая-нибудь задрипанная машинешка этой марки. Класс!

- Я что-то перестал вас понимать, - Лесюк и правда начал теряться, хоть и старался не подавать виду.

- Я сейчас объясню, - Володя понял, что наступил переломный момент. Или пан, или... - Ваш подручный и подельник майор Мичурин – предатель. Это он шантажирует

вас. Это он желает получить с вас деньги и намерен либо доить вас до бесконечности, либо убить сразу. Может, я и ошибся, когда сказал, что он намерен оставить вас в живых. Мичурин – человек рациональный, и вполне возможно, удовольствуется той суммой, что вы ему должны отдать. Велика ли, кстати, сумма? Да вы не скажете, пока не поверите мне.

- Почему я должен вам верить? – в голосе Лесюка уже не чувствовалось прежней твердости. – Чем вы докажете, что майор меня обманывает?

- Прямых доказательств – таких, чтобы взять да показать – у меня, конечно, нет. Но давайте рассуждать. Если Васин, как вы считаете и как вас наверняка убедил Мичурин, успел передать мне компрометирующую вас запись, зачем мне было светиться перед телекамерой? Зачем лишний раз привлекать внимание к теме? Проще было сразу вам позвонить, и вы бы меня пальцем не тронули просто из опасения не получить кассету. Потом, конечно, попытались бы убить и наверняка убили бы, но какое-то время я сохранял бы контроль. Кроме того, на кой черт мне брать в сообщники Юрьича или вообще кого-то, если кассета у меня? Для того, чтобы оценить в деньгах ее стоимость, достаточно было прослушать запись. А я ведь даже не знаю, что там, только догадываюсь.

Лесюк все еще не верил журналисту, хотя логика в его словах казалась очевидной. Он, конечно, сопляк, но не безмозглый. Мичурин, если вспомнить действительно вел себя в последние дни странно. Вряд ли он сознательно соврал Лесюку, что журналист сгорел вместе с дачей. Скорее, Мичурин был уверен, что так оно и есть. Никакого третьего лица не было, а звонил сам майор. Откуда-то издалека, чтобы люди Лесюка не успели вычислить, откуда. Потому и опоздал к нему в кабинет, сославшись на пробки. А потом придумал эту фуфловую операцию с перехватом мифической банды, над которой менты долго смеялись бы. В общем, все как-то и правда складывается. Да и сохранившийся еще нух бывшего контрразведчика подсказывал отчетливо: щелкопер говорит правду. В конце концов, чутье и сыграло решающую роль.

- Ладно, - отбросил сомнения Лесюк. – Допустим, я вам поверил. Но здесь-то вы зачем? Чего вы от меня хотите?

- Михаил Петрович, есть деловое предложение. Мы обмениваемся информацией, я вам рассказываю все, что знаю о предательстве майора и помогаю его разоблачить публично – я ведь как-никак свидетель и объект покушения на убийство. А вы мне – все, что касается убийства директора завода Королева...

В этот момент вертолет сильно трянуло, он стал резко заваливаться набок, но скоро выровнялся. Замгубернатора внезапно побледнел, ухватился за руку Свистунова.

- Черт, все в жизни могу переносить, а вот вертолетов терпеть не могу! В Приднестровье чуть было не разбился однажды, с той поры – только с таблетками... - Такая откровенность была вовсе не в характере Михаила Петровича. Видно, и впрямь ему стало нехорошо.

Вертолет трянуло еще раз. Лесюк полез в карман бушлата за таблетками. Руки его чуть подрагивали. Когда он вытаскивал жестяной патрончик с валидолом, на полу что-то звякнуло. Ни он, ни Володя не обратили на это внимания, а может, и вовсе не услышали.

Сунув под язык таблетку, Лесюк несколько успокоился. И только теперь заметил, что за ним все это время пристально наблюдал губернатор. Они встретились взглядами. Гусев подмигнул: не дрейфь! Губернатор хорошо знал о слабости своего зама. Зная, все же настоял на его участии в полете. Знак. Либо пора в отставку, либо надо срочно возвращать доверие. Вот: "разоблачить" Мичурину и свалить на него все, что случилось в последнее время.

Лесюк снова повернулся к соседу.

- Неравная сделка. Что мне с того? Я расскажу – вы напечатаете. Допустим, меня вы не назовете, доказательств моего участия никаких. Ну и что? Зачем мне вообще какой-то шум? Мне ведь ваши аргументы, подтверждающие предательство майора, не нужны. Я вижу, я знаю, что вы не врете. Как бывший разведчик (он так и сказал: "разведчик", а не "контрразведчик", хотя это далеко не одно и то же), я могу это определить и без всяких

аргументов. Ну, и что для меня, по-вашему, выгоднее – играть с вами в боевик или просто шлепнуть майора без всяких игр и не поднимать шума? Я вам даже могу заплатить за молчание, если хотите. А могу вас на работу взять – будете неофициально всякие статейки изредка писать под мою диктовку. А? – он окончательно справился с собой, в голосе снова зазвучала ирония.

- Разумно. Только, Михаил Петрович, вы одного не учли. Мы, газетчики, - народ циничный. Информация – это наше все. Из какого источника ее получать – вопрос чистоплотности. Или чистоплюйства. В данном случае есть два вероятных источника: вы и майор Мичурин. Вот сейчас, - Володя вынул из кармана мобильник, врученный ему Юрьичем, - я позвоню своему другу...

- Не сможете, - усмехнулся Лесюк, - здесь сигнала нет.

- Ну, позвоню, когда приземлимся. Скажу: клиент не согласен, работаем вариант "М". Есть надежда, что ваш враг окажется сговорчивее. Мы ведь можем ему рассказать, что вы вообще не хотите отдавать деньги, а намерены его убрать раньше, чем он дотянется до выкупа. Он хоть и не разведчик, но тоже из органов, профессионал, как я уже говорил, не хуже вашего. Имея преимущество во времени и полную свободу маневра, он вас просто щелкнет, как белку.

Все это он придумал сейчас только, на ходу. Никакого "варианта "М" не было. Ни о чем таком они не успели с Юрьичем и Магомедом не только договориться, но и подумать. Импровиз, однако, удался. Лесюк задумчиво потеребил подбородок – и махнул рукой.

- Ладно. В конце концов, чем я рискую? Меня вы тронуть не сможете, мы говорим неофициально, без записи, диктофон ваш я проверил. Только, как вы сказали раньше, давайте окончательно договоримся об условиях. Мы ведь сделку совершаем, не так ли? Скажу откровенно: у меня с генералом в последнее время отношения напряженные. Что-то он подозревает. Или кто-то ему на меня какает. Я догадываюсь, кто – скорее всего, тот же человек, что организовал запись нашего тайного разговора. Так или иначе, влияние мое убывает с каждым днем. Чтобы поддержать репутацию и вернуть влияние, необходимо что-то громкое. Помогите мне – и я вам расскажу все, что знаю.

- Чем мы можем вам помочь?

- Сделайте меня главным разоблачителем. Не ваше расследование, а мое, но с вашей помощью. Я плачу за это... редакции ведь нужны деньги? – плачу за это, скажем, пятьдесят тысяч.

- Рублей? – уточнил Володя. Лесюк засмеялся.

- Баксов, юноша!

Терять Свистунову было нечего, думать некогда. Он согласился. Сделка состоялась. Лесюк, прежде чем начать свой рассказ, спросил еще об одном:

- Скажите, Владимир Николаевич, как вам удалось все же избежать участи четы Айвазян?

Володя рассказал подробно, что произошло на даче Мичурина.

- Ну что ж, вы с каждой минутой вызываете у меня все большее уважение, - сказал Лесюк. – Предложение насчет работы потому – не шутка... Итак, очередь за мной? Начнем, пожалуй, с главного. Как вы, очевидно, знаете, в число крупнейших российских финансово-промышленных групп входит группа "Бета". Ее предприятия разбросаны по всей стране, но центр в Москве. Создавалась она при поддержке и непосредственном участии некоторых чиновников из администрации президента – я не стану называть чиновников, фамилии слишком известны. Скажу откровенно: их боюсь даже я. Они и теперь в доле. С некоторых пор дельцы из "Беты" положили глаз на Краснохолмский завод цветных металлов или, как у вас его называют, золотой завод. Когда в области случились выборы и губернатором стал генерал Гусев, мне предложили сделку. Честно говоря, предложение было такое, от которого не удалось отказаться. Просто припомнили некоторые... эпизоды службы в Приднестровье, и пришлось согласиться. Понимаете, там мы жили по военным законам, и в некоторых случаях принимать решения приходилось

стремительно, на церемонии и мораль времени не оставалось. Ну и вот. Пришлось согласиться. В итоге обещана солидная награда и полное забвение темных дел минувших дней. Тогда я еще не знал, под чем подписываюсь. Если бы мог предположить, сколько крови прольется, может, все-таки нашел мужество и отказался бы...

Володя усиленно теребил губу. Он верил и не верил Лесюку. Не верил в искреннее раскаяние, не верил в то, что тот мог бы отказаться от назначения его главным хищником в область. Было что-то в облике замгубернатора, что делало эту роль для него органичной. Хищником был он не только снаружи – внутри. Во все остальное верил. А чего ему врать-то теперь? Да и раньше Володя знал, что интересы в деле участвуют очень высокие.

Лесюк рассказывал, Володя теребил губу. Вертолет приближался к Корягинскому району.

Впереди в салоне началось какое-то движение. Ни Свистунов, ни Лесюк, увлеченные исповедью, не обратили на него внимания. Между тем, то, что происходило впереди, неожиданно и страшно определило конец полета.

Губернатор, до сих пор дремавший, открыл глаза и встряхнулся. Посмотрев на часы, он слегка толкнул сидевшего рядом Андрея Рафаиловича, что-то сказал ему. Тот тоже посмотрел на часы и непонимающе кивнул. Губернатор встал, подошел к двери, за которой находился экипаж, постучал. Кердык удивленно смотрел на него. Гусев подмигнул ему: все в порядке, не волнуйся!

Бортинженер Евгений Буимович открыл дверь. Генерал молча вытеснил его из кабины, поднял откидное кресло. Бортинженер растерянно стоял, держась за приоткрытую дверку и глядя в кабину. На лице его читалось недоумение.

Никто из сидящих в салоне не мог видеть и тем более слышать, что происходило в кабине экипажа. Все заслоняла широкая спина губернатора, а голоса гасились шумом. А происходило там вот что.

- Ну, слушай меня, командир, - сказал генерал, обращаясь к Рахиму Булатову, лицо которого выражало не меньшее недоумение, чем лицо бортинженера. – Я тут за время полета подумал – к хренам свинячьим твои детские страхи! Летим не в Корягино, а сразу на трассу. Я приказываю.

- Иван Александрович, - растерянно начал Булатов, - вы шутите... Мы ведь договорились, Иван Александрович...

- Я генерал, и привык решения принимать по обстановке. Обстановка вполне подходящая, видимость нормальная, никакого тумана нет, синоптики дураки. Чего ты ноешь? Поворачивай, куда говорю!

- Черт возьми, кто командир экипажа – я или вы?! – взорвался Рахим. – Это здесь нет тумана, а за перевалом есть, и притом густой! А там ЛЭП, и местность незнакомая! Как хотите, не полечу.

- А я сказал – полетишь! – громыхнул генерал так, что услышали даже в салоне.

- Да идите вы к черту! – стал сдирать с себя наушники с переговорным устройством Булатов. – Надо – садитесь и управляйте сами!

Он уже приподнялся в кресле, когда второй пилот Николай Курилов взял его за руку и крепко сжал. Булатов опомнился, сел.

- Ну что же ты? – снова захохотал генерал, и салон снова прислушался. – Давай, выходи, мозгляк, сам полечу! Нашел, чем пугать десантного генерала!

- Не полетите, - твердо и как-то устало проговорил Булатов. – На вашем месте быть не желаю, но и своего вам не уступлю. В кабинете командуйте. И закройте, пожалуйста, кабину.

Гусев недолго молчал. Потом сказал медленно – так, как будто хотел, чтобы каждое его слово не просто было услышано командиром, а прочувствованно, прожито, впитано:

- Ты хороший летчик, Рахим. Мне с тобой всегда нравилось летать. Ты не боишься, всегда принимаешь верные решения. Вот и сейчас – верное решение, верное. Только ты одного не понимаешь: не всякое верное решение бывает правильным. Ты сейчас ошибку

делаешь. Ты хороший летчик, но в моих силах в один прием сделать так, чтобы ты стал самым поганим летчиком в области. Я твою репутацию размажу о стенку, как соплю. И тебя размажу. Ты у меня на пенсию уйдешь аэродромным рабочим. Я своих слов, ты знаешь, на ветер не бросаю, сражений не проигрываю – ни мелких, ни крупных. Обещаю – сделаю.

Лицо Булатова, от природы смуглое, сейчас было белым. На лбу блестел пот. "Вернемся – попрошу перевести на другой борт. Иначе я его в следующем полете убью!"

- Летим на трассу, - негромко сказал он второму пилоту. Тот вопросительно взглянул на командира, словно ожидая подтверждения. Его не последовало. И без того было ясно. Вертолет взял вправо и полетел сначала вдоль перевала, а затем, набрав высоту, стал заваливать за перевал.

Генерал вернулся на место, еще раз подмигнул Андрею Рафаиловичу.

- Договорился с экипажем, летим прямо на трассу!

- Там ведь вроде туман? – полуутвердительно спросил Кердык.

- Ничего, прорвемся! – бодро ответил губернатор. Андрею Рафаиловичу на миг стало неуютно. Но чувство долга взяло свое. Он снял трубку радиотелефона, стал звонить начальнику охраны губернатора, чтобы дать новые указания.

Дальнейшее развивалось стремительно. Сразу за перевалом вертолет угодил в густой туман. Дополнительно осложняли дело быстро наступающие сумерки. Командир вынужден был снизиться до высоты пятьдесят метров, а еще через несколько минут – до сорока. Скорость тоже пришлось сбросить с почти двухсот до восьмидесяти километров в час. Чертыхаясь и обливаясь потом, летчики вели машину, как им казалось, крайне осторожно, пытаясь хоть что-то разглядеть сквозь молоко тумана.

- Здесь должна быть ЛЭП, Рахим, - сказал Николай Курилов. – Может, подняться повыше?

- Пожалуй, - ответил Булатов и собрался потянуть штурвал на себя. Тут Курилов заорал:

- Рахим, ЛЭП!

Булатов резко дернул штурвал. Вертолет накренился назад. Пятилопастной винт с длиной лопасти более двадцати метров хлестнул по хвостовой балке и обрубил ее, как веточку. Вообще-то по инструкции резко брать штурвал на себя нельзя только на больших скоростях, но в этом случае, видно, командир взял его так резко, что даже малой скорости вертолета оказалось достаточно, чтобы движение винта назад опередило движение корпуса. Винт как бы опрокинулся и отрубил хвост. Инерция корпуса оказалась велика. Возможно, сыграл свою роль хоть маленький, но перегруз. Тело вертолета стало стремительно раскручиваться вокруг оси. Машина окончательно потеряла управление и упала на провода ЛЭП. Это немного смягчило падение, но не помогло его избежать. Пассажиры и экипаж с ужасом наблюдали в иллюминаторы, как на них стремительно надвигается белая простыня заснеженной земли. С высоты сорока метров десятитонный вертолет плашмя грохнулся на снег неподалеку от дороги Корягино-Андреевск. Возможно, если бы в том году было побольше снега на полях, последствия падения оказались бы не столь трагичными. Тяжелый редуктор весом более полутонны по инерции проломил крышу салона и рухнул на пассажиров. Губернатор и Андрей Рафаилович погибли сразу. Позже, но тоже на месте трагедии умер от ран председатель областного спорткомитета Беляк. Сидевшему рядом с ним пресс-секретарю губернатора Ивану Геннадьевичу Кулику повезло: он потерял сознание от сильного удара по голове, но удар был скользкий, оказалась только содрана кожа; передним креслом ему сломало ногу, и он потом, выйдя из больницы, долго еще ходил сначала с костылем, потом с палкой.

Михаил Петрович Лесюк тоже погиб на месте, ему раскроило череп металлическим куском крыши салона. Погибли и пятеро журналистов – кто сразу, кто после, в больницах.

Свистунов выключился сразу, как только вертолет упал. Все длилось секунды, и он успел только понять, что падает, успел глянуть в иллюминатор, ничего там не увидел и

повернулся, чтобы посмотреть – как там Лесюк, ведь он так боялся, - как что-то мягко, но очень сильно ударило его в правый висок, он успел понять, что под ним разваливается кресло, и перестал чувствовать.

Глава 24

Судя по всему, он недолго находился без сознания. И пришел в себя сразу, резко, как бывает, когда снится страшный сон. Первое движение – еще не открыв глаза, вскочить и бежать. Это оказалось не так просто. Что-то мешало, какой-то грузный и большой предмет мягко давил сверху. Володя, наконец, открыл глаза, хотя до конца раздвинуть веки мешало липкое. Ранен, понял Володя. Он лежал на развалившемся кресле вертолета, сверху на него давило тело Михаила Петровича Лесюка. Володя напряг все свои силы, сумел столкнуть грузного замгубернатора с себя. Бритый череп Лесюка был развален пополам, из него торчал рваный кусок металлической обшивки. Свистунова охватил ужас. Он закричал – и понял, что крика не слышит. В ушах стоял ровный металлический гул, как будто он сидел в железной бочке, по которой крепко саданули куском рельса. Потом он не мог вспомнить, как выбрался сквозь кривой проем иллюминатора, как и почему бросился бежать по снежному полю. Он помнил только, как крепкие руки подхватили его, встряхнули, уложили на снег (Володя отчаянно сопротивлялся), придавили... Тогда он пришел в себя и перестал сопротивляться. В ушах по-прежнему гудело, но голоса стали постепенно доходить – глухо, как сквозь вату.

- Он ранен, у него вся голова в крови и в чем-то белом! – кричал державший его человек кому-то. Через некоторое время у человека в руке появился кусок ваты, чем-то смоченный, он стал осторожно обтирать лицо Володи. – Да нет, оказывается, это чужая кровь. И мозги чужие...

Разобрав последние слова, поняв их смысл, Володя вдруг заплакал. Те же сильные руки осторожно подняли его, поставили на ноги, подтолкнули: иди. Он послушно пошел. Через некоторое время на "уазике" районной администрации его увезли в Корягино, а оттуда переправили в Краснохолмск, в больницу.

Так вышло, что начальник губернаторской охраны, получивший по радиотелефону команду встречать шефа не в Корягино, а в Андреевске, проезжал по дороге под линией ЛЭП как раз тогда, когда вертолет с Гусевым и сопровождающими лицами стал падать. Охранники ехали на "Волге", за ними едва поспевал "уазик" с чиновниками районной администрации. Первым вертолет заметил водитель "уазика". Как он потом рассказывал на следствие, вертолет вынырнул из тумана, зацепился за провода и стал падать. Все заняло секунды. Водитель от неожиданности вильнул – "уазик" ткнулся в сугроб. Когда вертолет упал, это увидели и из "Волги". Машина остановилась, охрана – три человека вместе с начальником – выскочила и, секунду помедлив, бросилась к месту аварии. Оно находилось метрах в ста от дороги. Начальник охраны не забыл дать поручение водителю – срочно сообщить в район и область о трагедии и вызвать на место врачей и спасателей.

Бежать по снегу нелегко – здесь, в Корягинском районе, весна еще не наступила, и снег по-прежнему сохранял свою пушистость и податливость. Благо, был он неглубоким. Не добежав до машины метров пятьдесят, охранники увидели, как из проема, что раньше был иллюминатором, с трудом выкарабкался какой-то человек и побежал им навстречу. Это был Володя. Он бежал, как потом рассказывали охранники, не видя перед собой ничего. Лицо было залито кровью – чужой, как выяснилось. Сам Володя заработал только легкое сотрясение, получив по голове кофром с видеокамерой, который держал на коленях сидевший сзади телевизионный оператор. Охранники повалили его на снег, успокоили, обтерли лицо ватой, влили в рот успокоительное, которое нашлось в аптечке, и, вытолкнув из сугроба "уазик", отправили в район.

Из семнадцати человек, находившихся на борту, сразу погибли шестеро. Еще трое журналистов умерли в больнице. Как после говорили специалисты-эксперты,

участвовавшие в работе специальной комиссии МЧС по выяснению причин трагедии, вертолет не взорвался только потому, что стояла, по сути, зима и топливо в баках было холодным. Летом, говорили бывалые летчики, пришлось бы хоронить не девять человек, а всех, кто был в вертолете. Точнее, хоронить пришлось бы символически: вряд ли после взрыва авиатоплива уцелело бы хоть что-то.

Всех оставшихся в живых госпитализировали. За чью-то жизнь пришлось бороться – и борьба эта окончилась поражением. Кто-то до конца дней остался инвалидом. Экипаж уцелел, и даже не сильно поранился. Но бортинженера Евгения Буимовича вскоре из обычной больницы пришлось перевести в специализированную клинику: у него оказалось сильнейшее нервное расстройство. Рахима Булатова и Николая Курилова, едва они успели подлечиться, взяли в оборот люди в погонах. Расследованием трагедии занялся лично министр по чрезвычайным ситуациям. Следствие тянулось больше двух лет. В конце концов суд признал пилотов виновными в аварии. Рахиму Булатову присудили четыре года с отбыванием в колонии-поселении, Николаю Курилову дали три условно. Карьера летчиков оборвалась вместе с проводами ЛЭП. В каком-то смысле покойный губернатор сдержал обещание, данное Рахиму Булатову: он действительно в один прием уничтожил память о былых заслугах командира. Булатову суждено было остаться в истории авиации как командиру экипажа, погубившего генерал-губернатора Гусева. Об аварии так и говорили: "Вертолет, в котором погиб губернатор Гусев". Об остальных вспоминали редко, и чем дальше – тем реже.

* * *

Только в машине, оклемавшись немного, Володя обнаружил, что все это время сжимает что-то в правой руке. Это оказалась связка ключей, из которых выделялся один – длинный, с двумя бородками. Володя недоуменно посмотрел на ключи – у него таких не было, – сунул в карман разорванной, как обнаружил, куртки. И вспомнил: диктофон! Плоская коробочка оказалась цела, не пострадал даже дисплей. Более того: запись шла до сих пор! Хотя шнур выносного микрофона, который был выведен наружу через рукав, оказался оборван, а сам микрофон безнадежно утрачен. Володя остановил запись, отключил диктофон. Вспомнил и о мобильном телефоне, который дал ему Юрьич в дорогу. Тот тоже оказался цел, но толку-то: связи в этом месте не было. Пришлось ждать до Корягино.

Он сидел в "уазике" не рядом с водителем, а на заднем сиденье. Водитель, пожилой человек, то и дело оглядывался: как он? Володя наконец понял, чего он оглядывается, махнул рукой: да в порядке все, не беспокойся! Хотя голова по-прежнему гудела, а звуки глушила вата.

Поняв, что пассажир относительно в норме, водитель оживился.

- Слушай, расскажи, как все случилось-то? Я еду, смотрю – вертолет зацепил провода, падает. Я от неожиданности – в сугроб!.. А что там было-то? Почему зацепились?

Володя с внезапной остротой пережил снова последние секунды перед падением. Его вдруг начала бить мелкая дрожь, какая бывает, наверное, при малярии – он читал. Водитель, не дождавшись ответа, глянул в зеркало, потом обернулся.

- Ты чего? Тебе плохо? – испугался он.

- Ничего, нормально... Только не спрашивайте ни о чем, ладно?

Водитель прибавил хода. Испугался, что пассажиру и правда может поплохеть. Внешне он вроде целый, но кто знает, что там у него внутри? Может, там все внутренности отбиты?

В Корягино Володю осмотрели в районной больнице, сделали рентген, послушали внутренности. Доктор пожал плечами:

- Как будто все цело. Но у нас тут, сами понимаете, нет современного оборудования. Да и шок у вас еще не прошел до конца. Так что мы вас сейчас ближайшей лошадьё – в

Краснохолмск. Только ссадины обрабатываем... Скажите, а вот эта рана на ноге – тоже после вертолета?

- Нет, - у Володи не хватило сил придумывать. – Бандитская пуля...

- Серьезно? – обрадовался врач. – Тот-то я смотрю, рана какая-то... странная...

Ближайшей лошадейю отправить Володю в областной центр не получилось. Спустя короткое время после аварии в Корягино понаехало спасателей, областных начальников, а спустя время побольше – и кое-кого повыше. Говорят, сам чрезвычайный министр должен быть с минуты на минуту. Аварию разобрали, людей – живых и мертвых – из вертолета вытащили. Кто-то из начальников распорядился: мертвых везти отдельно, живых – в специальный санитарный вертолет. Всех, включая почти целого Свистунова. Чиновник не хотел рисковать: если везти поврозь, вдруг кто-то потеряется, не пожелает в больницу, а осмотреть, обследовать надо всех, чтобы знать хоть примерно, сколько еще трупов будет.

Володя промаялся еще с час в районной больнице, потом его машиной "скорой помощи" доставили на местный аэродром. Вертолет – все тот же МИ-8 – с красным крестом на боку уже крутил винтом. Володя влез с содроганием, стараясь гнать от себя дурные мысли. Понимал: другого способа скоро доставить в область пострадавших нет. Поездом кое-кого можно и не довести.

В салоне, не в пример более просторном, чем в разбившемся губернаторском МИ-8, было все же тесновато. Пятерых из уцелевших пассажиров страшного рейса пришлось уложить на носилки, трое из них были плохи совсем, в сознание не приходили. Иссеченные ссадинами, чернеющие кровоподтеками лица частично скрывали маски аппаратов искусственного дыхания. Двое пребывали в сознании, но сидеть не могли: у одного, судя по всему, были раздроблены кости таза, второй с трудом дышал и криком кричал, стоило вертолету нырнуть в воздушную яму или подпрыгнуть на "ухабе". Похоже, сломанные ребра проткнули легкие.

Володя старался не смотреть в сторону тяжелых. Он сидел, откинувшись, насколько это было возможно, на низкую спинку сиденья, боролся с то и дело подступающей тошнотой, слушал ровный гул в ушах. Никто ни с кем в салоне не разговаривал. Каждый про себя переживал только что случившееся, некоторые, не стыдясь, плакали. Летчики, понимая ответственность, держали скорость почти на максимуме.

Наконец, вертолет приземлился в порту Краснохолмска. Потерпевших погрузили в несколько машин с крестами и мигалками, водители врубил сирены, машины в сопровождении автомобилей ДПС, которые тоже всю сверкали маячками, на большой скорости направились в город. Было уже темно, но Володя разглядел на приличном отдалении группу людей с видеокамерами и микрофонами. Коллеги. Ближе их не подпустили.

Спустя полчаса пострадавших разместили в палатах областной больницы скорой медицинской помощи.

Еще когда его только привезли в Корягино, он набрал на мобильнике номер Сергея Юрьевича. Тот уже знал о крушении, уже пытался накручивать телефон Володи, но компьютер монотонно отвечал: "Вызываемый вами абонент временно недоступен". Поди узнай, что это означает, насколько временно недоступен абонент? Нельзя даже понять, жив он, абонент, или разделил участь других несчастных? Оперативная информация телеканалов, сообщавших новости о трагедии по мере поступления, то и дело прерывая свои программы, была монотонна и неясна, и уж тем более не окончательна. Они могли использовать только официальные источники – в первую очередь, пресс-службу регионального центра МЧС – либо просить о помощи своих коллег из Корягинской районной газеты и местного телевидения. Скоро из областного центра до района не добраться, тем более ночью, потому использовали все, что могли. Но пресс-служба была скупа на редкость, хотя обычно спасатели охотно делились с журналистами информацией. Случай был особый, с самого верха спущены строжайшие указания – как можно более внимательно относиться к цифрам и тем более именам погибших и раненых. Известно

точно было только, что погибли губернатор, его зам и председатель облспорткомитета. Об остальных ничего определенного не говорили. Не сильно помогли и местные коллеги, хотя именно благодаря районным телевизионщикам на областных телеканалах уже к утру появились кадры, снятые на месте трагедии. Однако журналистов допустили туда не сразу, а только после того как извлекли всех убитых и уцелевших, после того как отправили их в областной центр.

Словом, не знал Юрьич толком, жив ли Володя и, если жив, в каком он состоянии. Поэтому звонок "засланца" или, исходя из поставленной задачи, - спецкора вызвал в редакции "Вечерки" бурный восторг. Магомед, конечно, сидел здесь же.

- Как ты, где?! – заорал в трубку редактор, в то же время замахал рукою всем, кто находился в кабинете: тише! А в кабинете редактора было полно народу: единственный в редакции телевизор помещался здесь, и только здесь можно было посмотреть новости. На столе, конечно, стояла початая литровая бутылка водки, лежали бутерброды с ветчиной, нарезанное сало, хлеб, зелень. По реакции шефа поняв, кто звонит, все разом притихли. – Цел? Давай, рассказывай, не тяни!

Володя рассказал, где он и как себя чувствует. Рассказал, что знал, и о погибших, раненых. Как только Юрьич пересказал его слова всем остальным – телефон в кабинете редактора был без громкой связи, - не пивший вместе со всеми водки Магомед молча встал и пошел к двери.

- Мага, ты куда? Едем вместе! – Юрьич тоже поднялся. Больше не взяли никого. Да и сами-то еще неизвестно, как прорвутся. В больницу к пострадавшим в катастрофе пускали только близких родственников, и то не ко всем.

Юрьичу с Магомедом после долгих уговоров – сначала пришлось уговаривать дежурную сестру, потом дежурного врача, - после всученной доктору почти насильно дорогой бутылки "Курвуазье" и коробки конфет местной фабрики удалось прорваться. Доктор, молодой, но порядком измученный ("надо же, чтобы именно в мое дежурство они грохнулись!"), желая подчеркнуть собственную независимость от подарка и действительно боясь, что ему нагорит, строжайше наказал: "Пятнадцать минут – и выметайтесь!" Магомед и Юрьич заверили: нет проблем!

Володя лежал в отдельной палате на шестом этаже. Палата была крошечная, зато отдельный туалет и душ. Чувствовал он себя вполне сносно, шок и послешоковые симптомы прошли еще в пути – вкатили, конечно, какую-то дрянь, от которой реакция наблюдалась слегка заторможенная. Но все остальное казалось в норме, и он искренне не понимал, на кой черт его здесь держат. Доктор – тот самый, что пустил к нему друзей – на все его вопросы отвечал коротко:

- Терпи до утра, утром придет главный – разберется.

Приходилось терпеть.

Он обрадовался Юрьичу и Магомеду, вскочил было с кровати.

- Лежи, балда! – остановил его Магомед. – Будешь прыгать – нас доктор выгонит.

Больной – значит, лежи!

Гости вывалили на тумбочку фрукты, йогурты, всякую прочую дребедень, которую положено носить больным. При виде йогуртов Володя сморщился: терпеть их не мог.

- Смотри, Сергей Юрьевич, ничего себе больной: ему передачку принесли – он морду воротит! – похоже, искренне возмущался Магомед.

- Да не ем я эту ерунду! – отбивался Володя. – Никогда не любил, и теперь не заставите! Лучше бы водки принесли...

Юрьич поднял палец и посмотрел на Магомеда. Назидательно произнес:

- Слышу речь не мальчика, но мужа, - и полез в портфель.

Магомед смотрел обалдело, как он жестом фокусника извлек оттуда бутылку "Серебра Сибири".

- Слушай, у нас всего пятнадцать минут!

- Нормально, - сказал Юрьич. – Это же не поллитра, здесь всего 375 граммов. Если принимать по 125 граммов каждые пять минут, как раз управимся.

Магомед только махнул рукой.

Пили по очереди – стакан в палате был один. Юрьич плеснул сразу полстакана, протянул Володе:

- Ты второй раз родился – пей, - сказал он серьезно.

- Вообще-то третий, - ответил Володя. – Это считая пожар на даче и не считая всего остального...

С водкой, действительно, справились быстро. Бутылку Юрьич сунул обратно в портфель. Выпил немного и Магомед – за второе или какое там по счету рождение друга как не выпить. Володя коротко рассказал о том, что видел и помнил, и в конце поведал о главном: диктофон цел, запись получилась, он проверял, теперь надо решить, что с этим добром делать. Юрьич усмехнулся, сказал, обращаясь к Магомеду:

- Ты гляди, Мага, из него и правда профессионал получится! Не успел в себя прийти – о деле беспокоится.

В это время в палату заглянул доктор.

- Господа, прошло уже двадцать три минуты. Прошу честь знать! Завтра придет главный, его, - он кивнул на больного, - направят на обследование, а там, судя по состоянию, через денек-другой, глядишь, выпишут...

- Какой денек-другой! – взвился порядком захмелевший Володя. – Пускай завтра выписывают, а то сам убегу!

Доктор молча пожал плечами и остался стоять в дверях, ожидая, когда гости проявят сознательность. Гости разом встали, начали прощаться. Понимая, что гиппократ не оставит их в покое, пока не спустятся по лестнице (ночами лифт в больнице отключали), послушно вышли.

- Доктор, подождите, - спохватился Володя. Тот вопросительно обернулся. – Скажите, доктор, вы йогурт любите?

...Спал Володя на удивление крепко. Сказалась, видимо, выпитая водка. Проснулся он, когда сестра принесла завтрак. Он удивился:

- Почему в палату? Я что – не ходячий?

- Так главный врач распорядился: всем, кто с вертолета, завтрак в палату, – сестра была совсем молодая – похоже, только что из училища. Помявшись, помаявшись около кровати – то на тумбочке что поправит, то с подоконника пыль невидимую смахнет, хотя не ее это забота вовсе, а уборщицы-санитарки, - выпалила: - Расскажите, как там было, в вертолете?

Володя посмотрел на сестру молча. Жаль обижать, молоденькая... Вздыхнул.

- Хреново там было... Не надо об этом спрашивать меня, ладно? И никого спрашивать не надо об этом.

- Почему? – сестра, похоже, была не только молоденькой, но и отменно глупенькой.

- Потому что в лоб можно заработать очень даже свободно. Вот этой вот тарелкой, - он сделал движение, как будто намеревался швырнуть тарелку в сестру. Та мышью метнулась в дверь. – Дура, - громко сказал Володя вслед и выматерился, но она, похоже, уже не услышала.

Посуду забирала другая сестра – пожилая, с выцветшими равнодушными глазами. Она же молча смирла Володе давление, поставила градусник, через положенное время забрала его. После завтрака был обход. Главный врач больницы, профессор Коган, послушал его трубкой, постучал молоточком, посмотрел записи о температуре и давлении. Позадавал дежурные вопросы. Потом сел на краешек кровати.

- Ну, вы сам-то как думаете, Владимир Николаевич, есть смысл вам занимать у нас место, тем более в отдельной палате? Давление у вас в норме, температура тоже, реакции нормальные... Голова, говорите, болит? Думаю, это последствия шока и пережитого

напряжения. Это пройдет. Таблеточки попринимае – и пройдет. Ну? – вопросительно уставился он на Володю.

- Доктор... - Володя посмотрел на бэджик, приколотый к ослепительно белому крахмальному халату, - Яков Михайлович, да нечего мне тут делать! Меня работа ждет! А у вас наверняка найдется, кого положить на это место!

- Уж найдем, вы правы, - успокоил его доктор Яков Михайлович. – Давайте так. Для очистки совести мы вас сегодня еще проверим с помощью рентгена, сделаем томограмму, возьмем кровушку и, если после этого станет окончательно ясно, что вы здоровы, к вечеру вас выпишем. Только просьба: из палаты выходить как можно реже – у вас здесь есть все необходимое, - он кивнул на туалет с умывальником и душем, - и как можно меньше общаться с другими больными. Обед и ужин вам принесут сюда.

- Ничего не понял, - потряс головой Володя, - если я здоров, почему не могу сам пойти в столовую?

Доктор решительно повторил:

- Не выходить. Только на процедуры, когда позовут персонально, - и, видя на лице Свистунова прежнее недоумение, наклонился и едва слышно произнес: - Это уже не мое распоряжение. С вами сегодня еще беседу проводить будут.

После этого профессора встал, кивнул свите. Все вышли. Сестра аккуратно закрыла за ними высокую дверь палаты. До Володи сказанное главврачом дошло не сразу. А когда дошло, на душе вдруг стало тревожно и тоскливо.

Визитер, на которого намекал Коган, не заставил себя долго ждать. Ну и хорошо, что сразу, не томил. Примерно через час после того как главврач со свитой покинули палату, в дверь вежливо постучали. Дождавшись ответа, в палату вошел человек средних лет с круглым, до блеска выбритым лицом, сером костюме, к которому как-то не вязались легкие летние штiblеты. Володя догадался: несмотря на принадлежность человека к известной конторе, его заставили переобуться в сменку.

Человек вошел, поздоровался, представился Виталием Сергеевичем – фамилию, сказал, знать необязательно, встреча первая и последняя. Придвинул единственный стул поближе к кровати, сел. Не стал выдерживать театральных пауз, как порой принято у других особо важных службистов. Сразу взялся за главное. Спросил, кто управлял вертолетом в момент его падения? Володя ответил: как кто – летчики, конечно! Не было ли там третьих лиц, уточнил Виталий Сергеевич (а может, и не Виталий Сергеевич никакой, а, скажем, Петр Иванович, или Геннадий Юрьевич, или еще как – почему-то Володя не поверил в его имя-отчество). Не было, сказал Володя и тут же спохватился: ну да, генерал же губернатор стоял в дверях кабины и о чем-то беседовал с летчиками. Так кто управлял вертолетом, снова спросил человек с чужим именем-отчеством. Летчики, снова ответил Володя. Вы сами видели, спросил человек. Сам видеть не мог, ответил Володя, спина у генерал-губернатора широкая... была. Но и сидеть за штурвалом он тоже не мог, если вы на это намекаете, начал заводиться Володя. А вы не заводитесь, не заводитесь, улыбнулся без улыбки человек, я ни на что не намекаю, моя задача – установить истину. Значит, третье лицо в кабину, за штурвал конкретно проникнуть не могло, уточнил он снова. Не могло, подтвердил Володя. А о чем говорил губернатор с экипажем, вы не слышали, спросил человек. Не слышал, ответил Володя. Хорошо, сказал человек и вынул из папки какую-то бумагу. Я надеюсь, Владимир Николаевич, вы понимаете, насколько важно соблюсти конфиденциальность нашей с вами беседы. Понимаю, сказал Володя, хотя мало что понимал на самом деле. Значит, надеюсь, вы не откажетесь подписать эту бумагу, сказал человек и протянул бумагу Володе. Тот внимательно ее прочел. "Я, такой-то – в этом месте стояли фамилия, имя и отчество журналиста, - обязуюсь ни при каких обстоятельствах не разглашать содержание и смысл беседы, которую со мной такого-то числа, месяца, года провел сотрудник ФСБ капитан Фролов Виталий Сергеевич (имя-отчество человека оказались подлинными), а также обязуюсь ни при каких обстоятельствах, ни под чьим давлением, даже вопреки профессиональному долгу

журналиста не разглашать сведения, связанные с крушением вертолета МИ-8П, случившегося такого-то числа, месяца, года там-то. Дата, подпись". Виталий Сергеевич молча ждал, пока Володя изучал бумагу.

- Что за бред? – не выдержал Володя. – Как это все понимать? Что за игра в шпионов? – не невольно процитировал покойного Лесюка.

- Не игра, Владимир Николаевич, отнюдь не игра, - визитер побарабанил пальцами по папке. – Вы, конечно, можете отказаться это подписывать. Боюсь, тем самым только наживете себе дополнительные неприятности. Мы будем вынуждены пресекать любые ваши контакты с коллегами, будем фильтровать ваши готовящиеся публикации, в конце концов нам придется ограничить возможность реализовать ваши творческие способности.хлопотно все это – и для вас, и для нас... Ну, а что делать? Не убивать же вас, - Виталий Сергеевич вдруг глянул на Володю в упор. Карие теплые глаза внезапно полыхнули сталью. Володя pokrылся испариной. Пришлось дать подписку. Срок ее был определен в пять лет – не так долго, но все равно досадно.

На какой-то миг наступило состояние, когда Володя буквально приготовил фразу: "Прежде чем брать подписку с невинных людей, навели бы порядок у себя в органах!" Дальше должно следовать: "Какой порядок? А такой! Вот есть у вас, допустим, майор Мичурин..." – ну и рассказать капитану Фролову Виталию Сергеевичу, что за гусь этот майор Мичурин, какими делами он занимается. Движение естественное, но нелогичное. Наплевать капитану на майора с высокой колокольни. У него задача своя, у майора – непонятно, чья. Из корпоративной, цеховой ли солидарности, из соображений собственного спокойствия (все воруют вокруг – никого не ловят), безопасности и черт знает еще чего капитан может не среагировать так, как хочется. (И неизвестно, не работает ли он тоже на НИХ? Может, он просто Свистунова прощупывает?) А если и среагирует – не только по кино, по практике известно, как в подобных случаях действуют наши органы, будь то милиция или ФСБ в лице их службы внутренней безопасности. И те, и другие норовят наделать побольше шума, чтобы процесс, особенно если он завершен удачно, сделался публичным. Но майор Мичурин не такой дурак, у него концов, кроме "показаний" покойного Лесюка, никаких нет. Показаниям этим цена пока неизвестна. Скорее всего, не так уж она велика. Выходит, чистый майор формально. И что тогда со всем этим? Измордуют морально, заберут диктофон с записью, и вся их затея – псу под хвост. И майор над ними в очередной раз посмеется. Теперь, после смерти Лесюка, ему даже Володю ликвидировать никакого интереса. Даже наоборот, интересно, чтобы тот жил и мучался сознанием неотмщенности. Все это мелькнуло в голове скорым поездом, как бы просто подтверждая уже совершенно естественным образом существовавший вывод, фактически принятое решение, как бы просто подводя под них теоретическую подкладку.

Глаза визитера снова стали теплыми. Он взял у Володи подписанную бумагу, зачем-то внимательно ее перечитал, будто тот мог дописать туда что-то свое, и откланялся, пожелав больному скорейшего выздоровления. Когда дверь за ним закрылась, Володя второй раз за утро выругался грязно, как только умел. Вот сучий потрох! Теперь хрен напишешь о том, чему не просто свидетелем был – в чем сам участвовал. Такой материал в один прием сделал бы его знаменитым журналистом если не в стране, то в области. А теперь сиди, переживай это в себе, в крайнем случае – складывай мемуары, которые когда еще удастся опубликовать.

Поматерившись всласть, он откинулся на подушку, взялся читать книгу, которую принес ему Магомед. Книга была – детектив. Штатовский. Со всеми вытекающими. Герой, бесстрашный одиночка, боролся с преступностью на свой страх и риск, на свой лад. Как бывший спецназовец или как там они называются у американцев, он умел все. Например, долго сидеть с головой в ледяной воде, дыша через соломинку. Или стрелять с колена из двух пулеметов сразу, не говоря уж стрелять из двух пистолетов – по-македонски. Умел водить тяжелый танк (легкий тоже умел), катер, ледокол, подводную лодку. Свободно владел искусством вождения в сложных погодных условиях самолета класса "Боинг",

других классов тоже. На военном истребителе (бомбардировщике, самолете-разведчике, планере) летал с завязанными глазами. Руки тоже были завязаны. Потом, когда экипаж – бандиты, конечно – почему-то засыпал или отвлекался на любовные, скажем, утехы, развязывал руки и глаза и одного за другим бросал бандитов-беспредельщиков в открытый почему-то люк, или фонарь, или просто выскакивал на большой скорости на крыло – драться. Надо ли говорить, что водить винтокрылую машину он тоже умел. На вертолете он и летел в том месте, с которого Володя начал читать. Вертолет, конечно, американский, не МИ-8П, но все равно... Книжку пришлось отбросить. Другой не было. Телевизора не было тоже. Осталось радио, но оно молчало. "Есть все необходимое!" – передразнил он Когана. Как же, все... И спать не хотелось. Он уже хотел вопреки запретам и рекомендациям выйти все же в холл, где стоял старенький, но исправно показывающий "ящик", как в палату третий раз за утро постучали. "Да!" – ответил он и вопросительно уставился на дверь. Может, капитан Фролов чего забыл или еще кто из органов?

А через секунду в груди вдруг стало горячо, в голове – мутно. В дверях палаты стояла его бывшая жена Вера. С авоськой, конечно.

- Привет! – сказала она, аккуратно закрыла дверь, прошла в палату. – Удивлен? Я вчера вечером еще обо всем узнала по телевизору, сегодня приехала... Автобусом.

Володя все стоял, коротко потряхивая головой – как он встал с кровати, не помнил, - и не мог ничего сказать.

- Так и будешь стоять? Или мне уйти?

Он, наконец, опомнился, обнял неловко, чмокнул, засуетился. Вера вынула из авоськи всякие приношения, сложила их на тумбочку, села на стул, стала глядеть на мужа. Бывшего. Или не бывшего. Они не были расписаны, прожили четыре года без регистрации. И не чувствовали себя ущемленными. Если бы не его любвеобильность или, как она это проще называла, кобелизм, жили бы и дальше. Во всем они друг другу подходили, сходились и характерами, и вкусами. Одно любили и не любили, одни книжки читали, а если и спорили, так о тех же книжках, но не потому, что тот любил, другой нет, а потому что случались разные трактовки. К быту оба относились не то чтобы совсем равнодушно – кому неохота жить хорошо, достаточно и красиво? – но не делали из него особого смысла. Хватает доходов, чтобы устроить быт – хорошо, не хватает – переживем.

И только характер Свистунова – точнее, одна только его черта, его неумный интерес к другим представительницам слабого пола – помешал ячейке существовать дальше.

И вот Вера – здесь, как раз тогда, когда он в ней больше всего, может быть, нуждается. Значит, и правда любит. Значит, не впустую прожиты те четыре года, не сожгли они до конца лучшее в мире чувство.

Володя молча уткнулся в плечо жене, обнял, сидел, раскачиваясь. Она глядела в пространство зелеными глазами, гладила его по голове.

- Ну, расскажи хоть, что тут с тобой было-то, как из Городка уехал? Я ведь ничего не знаю – как ты, где устроился, живешь где? Я и телевизор почти не смотрю, а вчера – как торкнул кто. Включила – и вот тебе...

Володя стал рассказывать. Подробно, ничего почти не скрывая – ну, разве про Свету утаил. Рассказывал, как пытались его убить, как он чудом всякий раз спасался. Не так, конечно, рассказывал, как было на самом деле, - смягчал, где и что мог, сдабривал юмором, щадил Веру. Она это понимала, и выходило только хуже: ей представлялось все еще страшнее, чем было в натуре. Не плакала. Только сильнее сжимала руку мужа, тревожнее на него глядела.

- И что теперь? – спросила, когда он рассказал все.

- Теперь? – задумчиво протянул он. – Пока неизвестно. Пока главное – отсюда поскорее вырваться. Сегодня не выпишут – сбегу! Тем более ты приехала...

- На меня не кивай, я уеду сегодня. Билет у меня на вечерний автобус, - и, видя, как он по-настоящему огорчился, смягчилась: - Не могу я остаться: работа, понимаешь? Я и

так на день отпросилась. Не отпустят меня на дольше. Да и где я останусь-то, если у тебя тут даже угла своего нет?

- У Магомеда – вместе...

- Брось. Уволят – что делать стану?

- Сюда приедешь, ко мне... Совсем...

- Давай, Володя, не будем на эту тему, ладно? – вздохнула жена. – Все уже сказано, все выяснено. Не сможешь ты перемениться, а я терпеть тебя прежнего тоже не смогу.

- Да я переменялся уже! – искренне стал уверять ее Володя. Вера только вздохнула, снова погладила его по голове. В это время пришла сестра и пригласила через пять минут на процедуры. Вера стала прощаться. Поцеловались. Напоследок пообещала все-таки приехать – в гости, как только Володя окончательно устроится с жильем и работой.

- Ну а что, правда, делать-то дальше будете с этим мерзавцем-майором? – спохватилась она.

- Пока не решили. Но мысль есть. Запись-то разговора с Лесюком у меня осталась, а у него – та самая кассета. Сторгуемся, может...

- Шантаж?

- Не то чтобы шантаж, но вроде. Надо же как-то точку ставить. Рассказать людям, что и как.

- Ладно. Смотри только, осторожней все-таки...

Он проводил жену до двери, взялся за ручку – открыть... Дверь открылась сама. За ней, держась за ручку со стороны холла, стояла Света. От неожиданности она отступила.

- Здравствуйте... - непонятно, к кому обратила приветствие, переводя взгляд с Володи на Веру.

Вера скорее пришла в себя, справилась с ситуацией. Обернулась к мужу, насмешливо бросила:

- Изменился, говоришь? Пожалуй. Эта покрасивее всех твоих прошлых будет. – И, в ответ на его движение: - Не надо, не провожай меня. И приехать больше – не зови...

Дежурная медсестра на шестом этаже разглядела слезы на лице почти пробежавшей мимо молодой женщины. Взяла трубку телефона, начала звонить на вахту первого этажа. Вера не стала вызывать лифт, спустилась по лестнице. Когда проходила мимо вахты на первом этаже, успела разобрать часть телефонного разговора, который с кем-то вела дежурная. Не замечая Веры, та говорила в трубку:

- Да я объяснила ей, что там уже есть жена, уже одна прошла, не может же быть у человека двух жен! Ну хоть подождите, говорю, пока та, первая, выйдет! А она говорит – ждать не могу, работа, а той жене, которая там уже есть, я все объясню, она и поймет!

Дежурная была непроходимо тупа. Вера не выдержала и, разрыдавшись окончательно, выскочила из больницы. Удивленная дежурная смотрела ей вслед, забыв положить трубку.

Глава 25

Майор Борис Мичурин не сразу до конца понял, что случилось. Когда в программе новостей одного из телеканалов – оппозиционных, майор предпочитал смотреть оппозиционные каналы, отчасти справедливо полагая, что на них новости объективнее, - так вот, когда один из таких каналов начал экстренный выпуск новостей словами: "Сегодня, в такой-то час столько-то минут по местному времени, в Корягинском районе Краснохолмской области в результате столкновения с линией электропередач разбился вертолет МИ-8, на борту которого находились..." – в этот момент майор как раз ужинал. Майор был большим любителем готовить, и даже для себя одного порой сподобливался приготавливать довольно изысканные блюда. Так было и теперь. В предвкушении завтрашней заслуженной награды в размере двухсот тысяч "зеленых" он сделал на ужин говяжьих бифштексы с помидорами и решил побаловать себя хорошим армянским

коньяком. Вообще настоящий, действительно хороший армянский коньяк был для областного центра не то чтобы редкостью, но подделки встречались так же часто, как и во всей России. Однако майор точно знал, где армянский коньяк бывает только настоящим. Там он и купил поллитровую бутылочку "Ани", которую и намеревался пригубить, насколько получится. Телевизор включил по привычке.

Майор уже наложил себе в плоскую, но широкую тарелку мяса с гарниром – он обожал отварной картофель, – щедро сдобрил его соусом, уже занес над рюмкой возжеленную бутылку... В это время прервалась программа того самого, по-своему любимого канала, на экране возник известный ведущий новостей, тревожно сказал в эфир: "Мы вынуждены прервать нашу программу из-за экстренных событий..." Майор погодил наливать, уставился в экран. "Сегодня, в такой-то час столько-то минут по местному времени, в Корягинском районе Краснохолмской области в результате столкновения с линией электропередач разбился вертолет МИ-8, на борту которого находились..." Он поставил бутылку. Когда ведущий назвал в числе погибших фамилию Лесюка, Мичурин не поверил. "Не может быть! Не мог лысый меня так просто наебать!" Не любил майор материться, терпеть не мог, даже сам с собою. А тут вырвалось. Случай особый.

На экране возникли три фотографии – губернатора, председателя спорткомитета и... ну, точно, он, Лесюк Михаил Петрович, года рождения такого-то и – теперь уж без сомнений – такого-то года смерти. "Мать твою! Как же так? Деньги-то, деньги?! Блядский ты Лесюк, сука ты, гад ты, чтоб тебя!.." Чего там "чтоб", Мичурин даже додумать не успел: куда уж хуже-то? Нет человека... Ему нисколько не было жаль бывшего замгубернатора, жаль было себя и своих упущенных денег. Лесюк как человек предусмотрительный спрятал их, конечно, так, что извлечь мог только он сам. Пропали двести тысяч баксов. Сука.

Мичурин взял бутылку коньяка, занес ее над рюмкой. Рука, как ни странно, не дрожала. Он подержал бутылку над рюмкой – передумал. Убрал рюмку, пошарился в кухонном шкафчике, отыскал граненый стакан из тех, что остались еще от родителей, и налил сразу половину. Выпил одним глотком, закусывать не стал. Посмотрел внимательно на грани стакана, каждую рассмотрел, отполировал взглядом. Потом, не размахиваясь, все той же твердой рукой изо всех сил швырнул стакан в стенку, покрытую кафелем. Стакан разлетелся вдребезги. На кафеле осталось мокрое пятно и расплзлись две темные трещины. Посидев немного, он поднялся, стер мокрое пятно с кафеля, покрутил головой: нервы!.. Собрал крупные осколки, на мелкие махнул рукой. Вынул другой стакан, налил щедрее – почти по пояс. Выпил, закусил остывающим мясом. Почувствовал, как стремительно хмелеет.

"К сожалению, мы пока не располагаем точными данными о том, сколько человек из числа пассажиров потерпевшего катастрофу вертолета осталось в живых и в каком состоянии находится каждый," – продолжал вещать телевизор. Майор не слушал. Он думал о том, что вся игра, выходит, была затеяна зря. Не получит он никакой – заслуженной, как ему казалось – награды, не сумеет покинуть эту дурацкую страну с населяющими ее идиотами и уродами, никогда не начнет жить по-человечески. Он готовился к такой перспективе долго, можно сказать, всю свою сознательную жизнь, которая, как он считал, началась после перестройки. Даже жениться потому не торопился, что полагал, лучше найти жену там – раз и навсегда, не испорченную совком, от которого все-таки не далеко мы ушли, от которого и новая Россия отличается не очень, если внимательно взглядеться. Он сразу почувствовал возможный фарт, который удастся поймать с приходом главой края отставного генерала Гусева. Когда присмотрелся к окружению генерала, окончательно уверился в своей близкой удаче. Используя природный ум и способность к интриге, подобрался как мог ближе к Лесюку. И скоро возблагодарил себя за то, что сделал верную ставку. И вот теперь, когда пройдены все этапы, когда все его комбинации оказались успешными, когда вот он, близкий конец и свобода от постылой службы, общества, людей, – теперь вдруг все рушится. Из-за какого-то случая, из-за... А из-за чего рушится-то,

правда? Что там за причина катастрофы? Может, есть конкуренты? Может, это они все придумали – катастрофу, гибель Лесюка? Ну не может же быть такой случайности, ну фантастика – такая случайность! Кто мог узнать о готовящейся сделке по передаче денег в обмен на кассету? Если бы был жив проевший плешь журналист – какие сомнения? Однако Мичурин точно знал: журналист сгорел, и хотя он сам, майор Мичурин, такого исхода газетчику не готовил, сожалеть о нем он не собирался. Правда, был момент, который майора немного смутил. Пресс-служба ментов сообщала, что на месте нашли останки только двух человек – мужчины и женщины. О третьем ничего не говорилось. Но сообщала пресс-служба как-то неуверенно, каждое сообщение, каждый пресс-релиз, на который ссылались потом газетчики и телевизионщики, заканчивался словами: "Информация предварительная, ведется расследование..." Мичурин допускал, что милиционеры просто никак не могут понять, что за странная перестрелка, когда погибли все трое. Потому и темнят. В общем, он-то знал точно, что журналист по фамилии... забыл майор фамилию, - в общем, погиб он страшной смертью. Сомнений у Мичурина не было. И непонятно, кто и зачем в таком случае мог организовать катастрофу губернаторского вертолета. Да и как это можно – организовать катастрофу и при этом уцелеть?

Майор усмехнулся и в третий раз потянулся к бутылке. Приготовился налить, глянул на экран телевизора – рука дрогнула, коньяк пролился. Прямо на него смотрел с фотографии тот самый журналист, которого он считал в убитых. "Меньше всего пострадал, по нашим данным, - цедил ведущий, - журналист газеты "Вечерний Краснохолмск" Владимир Свистунов..." "Ну точно, Свистунов же", - зачем-то подумал майор – и начал трезветь. "Так ты, значит, не сгорел? Тебя, значит, пламя не берет? И падающий вертолет тебе не страшен? Как же ты все это подстроил, сволочь? И главное – зачем?! Я ведь тебя все равно удавлю!" Дикая злоба душила майора Бориса Мичурина. Такая дикая, что он не отдавал себе отчета, что, и правда, устроить катастрофу и в ней уцелеть практически невозможно. Что никак журналист Свистунов не мог знать о том, когда, как и сколько денег передаст ему, Мичурину, бывший замгубернатора Лесюк. И уж тем более не мог знать газетчик, где эти деньги хранятся. Но злоба душит, затемняет не только душу, но в первую очередь разум. Мичуриным овладело одно желание: журналиста на этот раз все-таки достать и прикончить. То, что не случилось в авиакатастрофе, должно произойти в больнице. Это, как чувствовал майор, его последний оставшийся шанс. Уберет журналиста – по крайней мере никто не будет знать о нем, сотруднике ФСБ, больше, чем ему хотелось бы. Деньги все равно потеряны, так хоть моральное возмездие...

"Все пострадавшие в катастрофе вертолета, кого удалось доставить в областной центр, находятся в областной больнице скорой медицинской помощи", - сказал телевизор. Ну, вот и хорошо. Вот и решение.

Майор Мичурин твердо решил убить журналиста Свистунова. Но, как ни сдобрено было его решение злобой и коньячными парами, исполнение его требовало трезвости и некоторого времени на подготовку. Надо было узнать, сколько еще продержат в больнице самого уцелевшего пассажира несчастного МИ-8, узнать график обходов и процедур, подумать, под видом кого, под какой "легендой" попасть в палату. Понятно, представиться тем, кто он есть, майор не мог. Его коллеги там наверняка побывают раньше, после его посещения в палате останется труп, поднимется шум, станут искать сотрудника ФСБ... Даже если не найдут, к чему дразнить гусей? Есть другие способы.

Мичурин набрал номер телефона больницы и, закрывшись платком и изменив голос, стал пьяненько ныть в трубку:

- Девушка, я тут из района звоню... Издалека... Извините, что поздно... У нас переговорный не работает, а мне из магазина сторож дал позвонить под честное слово, что не выдам... Ага... Понимаю, что вас не интересует... Зачем звоню? У меня, как слышал, брательник на вертолете разбился. Говорят, у вас он. Как узнать? Фамилия? Свистунов фамилия... Владимир, да. Николаевич?.. Конечно, Николаевич, он это! Как он? Жив-

здоров? Как здоров? А разбился?.. Не разбился? Цел? А почему в больнице-то, не пойму я? Ага... ага... А еще сколько будет? Ну, чтоб приехать... Нельзя? И брательнику нельзя? Ну, брательнику-то, из района... С дежурным врачом? Ладно. А сколько будет-то он еще, не сказали. Завтра будет? Ну ладно. Спасибо вам, девушка! Только вы ему не говорите, будьте другом, что я звонил, что приеду. Мы с ним в контрах... Приеду – сам увидит, тогда, может, потеплеет...

Поваляв еще немного дурака, майор узнал, в какое примерно время Свистунова должны отправить на разное обследование, когда в больнице делают обход. Узнал и о том, что всем пострадавшим в авиакатастрофе, способным самостоятельно передвигаться, настоятельно рекомендовано свои палаты не покидать. "Это же хорошо! – чуть не сказал вслух майор. – Это очень хорошо!" По всему получалось, что Свистунова продержат в больнице еще никак не меньше суток. До послезавтра. Значит, идти к нему в гости надо завтрашней ночью, когда весь основной персонал уже разойдется и останутся только дежурные сестры и врачи.

Мичурин принял еще немного коньяку – и окончательно успокоился. Повеселел даже, стал насвистывать какую-то мелодию. Потом посмотрел еще один, совсем уже ночной выпуск новостей, ничего для себя нового не узнал и завалился спать. Сон его был спокоен.

Следующим вечером, часов уже в десять, когда в многоэтажном корпусе больницы остались на ночь только дежурные врачи и медсестры, когда больные были разогнаны по палатам, к главному входу подошел человек в изрядно потрепанном "семисезонном" пальтице, такой же потрепанной шапке, мятых брюках и стоптанных ботинках. Весь вид его говорил, что живет он небогато, приехал он издалека, был в дороге долго. В руках человек держал большую холщовую сумку, самошитую и тоже видавшую виды. На весь этот маскарад майор Мичурин потратил изрядную сумму. На рынке или в магазине такого "добра" не купишь, пришлось тащиться на машине в одну из ближних деревень, где население – сплошь пьянь и рвань, там подбирать необходимое. Хозяйка, у которой с третьего или четвертого захода обнаружилось то, что еще можно надеть, оказалась строптивая: никак не хотела отдавать шмотье за деньги. Пришлось снова садиться за руль, ехать в ближайший магазин (в деревне он почему-то оказался закрыт – сказали, продавщица запила) и покупать дешевой водяры. Хозяйка такому маневру несказанно удивилась: оказывается, через двор можно было спокойно за те же деньги взять в три раза больше спирта-технаря. "Потравитесь же, идиоты!" – не выдержал майор. Хозяйка на "идиотов" не обиделась. Равнодушно махнула рукой – и что ж, мол, жизнь не вечна... Поломавшись маленько, согласилась отдать отобранные шмотки. Теперь майор стоял на крыльце главного входа больницы, звонил в звонок. Лицо его украшала щетина в стиле американских киногероев. Это маскарадом не было, просто утром не стал бриться, а обрастал скоро.

Открыл охранник – дядька явно предпенсионного возраста, с изрядной сединой. Вопросительно уставился на визитера. Мичурин стал снова травить байку про брательника, разбившегося в вертолете. Охранник смягчился. К пострадавшим в катастрофе в больнице все относились с большим сочувствием, знали их поименно. "Кто?" – спросил. "Брательник" с готовностью ответил:

- Да Свистунов же! Я же вчера звонил, только просил ему не передавать. Мы с ним в контрах, еще велел бы не пускать, чего доброго. А я издалека ехал, с автобуса – и сюда сразу...

Охранник пропустил его в корпус, велел подождать. Стал звонить по внутреннему телефону на пост дежурной сестры – и не дозвонился.

- С доктором, небось, в ординаторской лялякают. Не слышит. А то и спиртик того, - дядька подмигнул "брательнику" и шелкнул себя по горлу, – с доктором же. Ладно. Ты давай, подымайся на шестой этаж. Только учти, лифт у нас не работает ночью, уж пешком придется.

- А вас-то я не подведу? – проявил сочувствие "брательник".

- А ты им не попадайся. Прокрадись тихонько, и все. Ну а увидят... разберемся. У меня с этим доктором – Суходрев его фамилия – хорошие отношения. Поди, не уволят...

Все складывалось как нельзя лучше. Если повезет и дальше, доктора с сестрой удастся миновать. Охранник вот... Его, кажется, придется все-таки убрать. Лишний он. Хоть и жалко, хороший дядька.

Майор не спеша поднялся на шестой этаж, отдышался на площадке. Сумку с дешевой жратвой, какую обычно носят в передачках больным, поставил рядом. Вынул из кармана тонкие кожаные перчатки, натянул, из другого кармана – маленький пистолетик. Володя, увидев, узнал бы в нем такой же ПСС, какой был у Айвазяна. Штатное оружие свое Мичурин оставил дома. Пистолетик, дослав патрон в патронник и поставив на предохранитель, снова сунул в карман. Вышел в холл и огляделся. Нужная ему палата располагалась совсем недалеко от лестницы. В холле стоял полумрак, как положено после отбоя, несильный свет исходил только от лампочки над входом. Майор подошел к двери нужной палаты, автоматически глянул на часы. Они показывали без двадцати одиннадцать. Он осторожно толкнул дверь – как и ожидал, она оказалась не заперта. Слабый отсвет из холла и встречный – из окна – обозначили стоявшую прямо напротив входа кровать с железными спинками, лежащего на ней человека – майору показалось, лежащего прямо в одежде поверх покрывала. Не подходя вплотную, он неслышно опустил на пол сумку, осторожно вынул из кармана пистолет, снял его с предохранителя, направил туда, где, по ощущениям, должна быть голова, и выстрелил. Прозвучал негромкий щелчок, как в тире от пневматической винтовки.

Лежащий на кровати не отозвался ни стоном, ни каким-либо движением. Мичурин зачуял недоброе, осторожно стал приближаться к кровати. Почему-то, готовясь к ответственной операции, он не взял с собой фонарик. Сказалось, видимо, нервное напряжение, да и давненько он уже сам лично своими руками никого не лишал жизни. Держа наготове пистолет, он подошел вплотную к кровати – и едва не выматерился вслух. При свете из окна было отчетливо видно лежащую на постели поверх покрывала металлическую, наполовину складную табуретку – очевидно, санитарка мыла пол и убрала табуретку наверх, так она там и осталась. Поверх табуретки был небрежно брошен спортивный костюм – его принесли Володе в палату заботливые Магомед и Юрьич. На подушке так же небрежно комком валялось темное махровое полотенце. В него-то и палил майор.

Сзади вдруг скрипнула дверь, и почти сразу комнату залил свет. Мичурин резко обернулся. В дверях стоял человек в белом халате, с толстой тетрадкой в руке, растерянно смотрел на майора, на пистолет.

- Вы кто? – почему-то шепотом спросил человек и сделал шаг назад. Мичурин выстрелил не думая. Доктор Суходрев вздрогнул, отпустил ручку двери, как-то очень бережно взялся за грудь – и начал оседать на пол. Майор подхватил его, втащил в палату, уложил на кровать. Небрежно листнул тетрадку.

"Я тебя, как Лох-Несское чудище,

Не увижу теперь никогда.

Как юродивый в сношенном рубище,

Я в котомке несу города..."

Бред какой-то. Он отшвырнул тетрадку. Выключил свет, прислушался. В холле не слышно было никаких звуков. Он открыл дверь и неслышно выскользнул из палаты. Вспомнил про сумку – и махнул рукой. Не улика.

... Доктор Владимир Аркадьевич Суходрев вместе с дежурной сестрой Танечкой Аникиной сидели в ординаторской, говорили за жизнь, тянули не спирт – шампанское. На столе лежала коробка конфет. Суходрев был достаточно молод, чтобы рассчитывать на служебный флирт с сестрой. Она, казалось, тоже не против. Обоих ничто не связывало в смысле семейных уз, и это придавало флирту нужную легкость. Разговор становился все

более откровенным, начинал приобретать интимные черты. Или им так казалось, потому что так хотелось. Но, как часто случается, когда ситуация переходит в решающую стадию, что-то предпринимать и вообще как-то вести себя становится трудно. Фразы вдруг получаются неловкие, натужные и оттого кажутся глупыми, разговор начинает вязнуть, теряет легкость, и то, что вот-вот должно было вылиться в, скажем так, отношения полов, не выливается никуда и в конечном счете оставляет потом даже неприятный осадок. Доктор почувствовал: надо что-то такое сделать, чтобы разрядить обстановку, вернуть общению непринужденность.

- Скажите, Танечка, как вы относитесь к поэтическому творчеству душевнобольных? – спросил он у медсестры. Та понимающе хихикнула. – Нет-нет, я не о себе, Боже упаси! Когда-то, еще студентом, меня, будущего хирурга, кой-то черт занес на практику в психушку. Тамшний доктор, с которым мы за время практики много спирта выпили, подарил мне тетрадку со стихами своих пациентов. Он их собирал несколько лет – не все подряд, а те, что казались ему самыми интересными. Хотите, я вам покажу кое-что из этой тетрадки?

Танечка кивнула. Суходрев вышел, позвенел ключами, открыл кабинет заведующего отделением, чьи обязанности он временно исполнял. Когда он копался в столе, отыскивая тетрадку, в это время и прошел через холл "брательник" – майор Мичурин. Потому и не наткнулись они друг на друга. А когда доктор возвращался назад, проходя мимо палаты 613, вдруг услышал какой-то странный звук, будто выстрелили из пневматической винтовки. Он иногда ходил в тир, звук был знаком. Доктор вернулся, постоял у палаты. Решил: послышалось. И вспомнил: больного в этой палате нет, его на ночь отпустил главный врач домой. Кто тогда там? Доктор открыл дверь. Увидев против окна силуэт мужчины, он включил свет – и получил пулю.

... Уже на лестничной площадке майор остановился. Охранник говорил о дежурной сестре, что она вместе с доктором может сидеть в ординаторской. Он вернулся, отыскал кабинет с нужной надписью. Рывком распахнул дверь. Медсестра от неожиданности расплескала шампанское. Улыбаясь навстречу ее испуганным глазам, Мичурин сказал негромко:

- А больного-то вашего из 613 палаты нет!

- Как нет? – спросила автоматически Танечка и стала подниматься со стула.

- Так – нет, - продолжая улыбаться, Мичурин подходил все ближе.

- Ах, ну да, его же главный отпустил на ночь, - медсестра пришла в себя и неуверенно улыбнулась в ответ. – Вы меня напугали... Кто вы? И почему здесь в такое время?

- Я-то? – майор подошел совсем близко. – Зачем вам это знать теперь, милая, - одной рукой он крепко и быстро взял девушку за шею, второй за подбородок и резко, с поворотом дернул. Позвонки хрустнули, Танечка загребла руками, тело осело. Майор осторожно, без стука опустил ее на стул, голову положил на стол. Из-под головы медленно выползла черная струйка.

Зачем он ее убил? Он и сам не отдавал себе в этом отчета. Пока она начала бы беспокоиться долгим отсутствием доктора, пока нашла его – да и не стала бы она искать доктора в палатах, - Мичурин без проблем спустился бы на первый этаж, вышел из здания и был таков. Но даже легкого сожаления майор не испытывал. Хищник вошел во вкус. Кровь мутила разум.

Охранник внизу спросил участливо:

- Что, повидался с братом? Скоро ты что-то. Не принял, что ли?

- Что ж ты, дед, не сказал мне, что его отпустили на ночь?

- Отпустили?! – изумился дед. – Ну, давай посмотреть. Все, кого отпускают, вот здесь должны быть отмечены, в этой книге, - книга была толстой, вроде амбарной. – Ничего не отпустили, не записан у меня больной из 613 палаты!

- Отпустили, - махнул рукой майор. – Мне сестра сказала.

- Я сейчас ей позвоню, спрошу, почему мне не сказали? – охранник искренне возмущался, потянулся за трубкой.

- Не надо ей звонить, - устало сказал Мичурин и пояснил: - Бессмысленно.

Он выстрелил охраннику прямо в рот. Тот кулем свалился за стойку, так и не успев ничего понять. Мичурин открыл дверь, вышел на улицу. Спohватившись, вернулся, бросил рядом с охранником пистолет. Снова вышел, снял перчатки, сунул их в карман. От них тоже лучше избавиться, но не здесь. Не очень торопясь, он направился дворами к дальней, оживленной улице, где можно было поймать такси, не заботясь о том, что потом таксист свяжет позднего пассажира, пусть и причудливо одетого, с тройным убийством в больнице.

* * *

- Что ж ты наделала-то, Света, если бы ты знала, что наделала! – Володя сидел на кровати, подперев руками подбородок, с досадой смотрел на незваную гостью. Сейчас он не испытывал к ней никаких других чувств, кроме досады. – Не раньше, не позже...

Света, однако, огорчена была не меньше Володи.

- Прости, я ничего плохого не хотела. Отпросилась на пару часов с работы, думаю – повидаю, как ты... Магомед посоветовал – мол, назовись женой, а то не пустят. Ну я и... Откуда я знала, что у тебя тут... ренессанс?

- Магомед тоже... советчик... - Володя покачал головой. – Ладно, чего теперь...

- Я ж без всякой корысти, - продолжала виновато оправдываться Света, - я просто... по-дружески...

- Ага, ты теперь ей это объясни! Она у меня знаешь, какая?

- Да я уж поняла...

Помолчали. Заглянувшая в дверь медсестра напомнила: пациенту надо было идти на обследование.

- Сиди здесь, жди меня, - сказал он Свете. – Я, надеюсь, скоро. Поговорим хоть, - он теперь тоже почувствовал угрызения совести – девушка-то при чем? Она и правда не виновата.

Света послушно уселась на раскладную табуретку. На кровать почему-то не решилась. Володя пошел к эскулапам. Выйдя, он вдруг сообразил, что до сих пор не знает, в какой палате лежит. Посмотрел – и вздрогнул: 613 – номер той самой комнаты в общежитии, где его пытались взорвать Айвазяны. Нехорошее совпадение.

Пройдя все предписанное, он вернулся на свой этаж, постучал в дверь ординаторской. Там никого не оказалось. Тогда он постучал в кабинет заведующего отделением. Доктор Суходрев, временно исполнявший обязанности заведующего, вопросительно уставился на него. Володя объяснил: чувствует себя хорошо, все предписанные процедуры и анализы прошел, результаты обещают завтра, нельзя ли на сегодня, на одну только ночь, покинуть больницу? Доктор отрицательно покачал головой:

- Вы у нас – больные особые, даже если не больные. Разрешить что-то подобное не в моей компетенции. Потерпели бы до завтра. Ну а уж если так приспичило – идите к главному, - и он рассказал, как найти главного врача.

Яков Михайлович Коган оказался на месте, выслушал Свистунова внимательно, хотя тот выдумывал причину на ходу, нес какую-то чепуху, - и с удивительной легкостью согласился отпустить его на ночь. Правда, взяв с пациента честное слово, что завтра утром тот будет на месте.

- Формально вообще-то я не имею права так поступать. Поэтому, чтобы не возбуждать ничье внимание, я не стану сообщать охране, что отпустил вас. Дежурные в отделении будут знать. Но уж и вы, будьте добры, не подведите меня. И дежурных.

Володя твердо обещал доктору, что не подведет. Вернувшись в палату, он сменил спортивный костюм на обычную свою одежду – по больничным правилам, верхнюю

одежду больные должны были сдавать в гардероб, но так уж случилось, что на пассажиров погибшего МИ-8 это правило не распространялось. Вышли из больницы они вместе со Светой. Володя поймал такси, отправились – он в общежитие, Света на работу. Толком по дороге так и не поговорили. Света еще раз попросила прощения – ну, не хотела она, чтобы так все вышло! Спросила, как можно исправить положение.

- Да как исправишь? Она сегодня уезжает. Билет у нее на последний автобус. Даже если я ее на вокзале поймаю, только хуже будет. Ну, потому что я всегда, когда действительно ей... изменял, - всегда потом клялся, что ничего не было. Ну, в общем, знаешь, как мужики это делают...

- Не знаю, слава Аллаху, - почти насмешливо сказала Света. – Но поняла, о чем ты. На этом они расстались.

У Володи был ключ от комнаты Магомеда. На общежитской вахте его не просто пустили беспрепятственно – едва не поклонились в ноги и не спросили автограф. Похоже, преждевременно он запечалился, что взяли с него подписку о молчании. Его имя теперь само по себе стало знаковым.

В комнате Магомеда Володя первым делом вымылся и переоделся. В больнице он как-то не успел воспользоваться главным преимуществом отдельной палаты – душем. То, что было на нем, вот-вот заскорузнет от грязи. Он пошарился в шкафу друга, нашел подходящие шмотки. Но прежде тщательно проверил все свои карманы. Вынул цифровой диктофон с записью разговора с Лесюком, мобильный телефон, связку ключей... Черт! Что за ключи? Он вспомнил, что ключи оказались в его руке после падения вертолета. Один, длинный, обратил на себя внимание. Он явно был не от помещения. Или от очень большого, складского какого-нибудь, помещения. Володя махнул рукой: потом! Сейчас пока главное – привести себя в порядок внешне и внутренне.

Приняв душ и переодевшись, он позвонил сначала Сергею Юрьевичу, потом на сотовый Магомеду. Договорились встретиться через полчаса в кабинете редактора. Надо было думать, как поступать дальше. Надо было внимательно прослушать запись признания Лесюка (Володя демонстрировал ее, когда друзья навещали его в больнице, но тогда все были возбуждены, и важен оказался только факт самого существования записи). И главное – решить, как вести себя с Мичуриным. Решать надо срочно, майор хитер и профессионален. Узнав, что журналист жив, а выкуп от Лесюка он теперь никогда не получит, он может залечь на дно навсегда. Наверняка покойный замгубернатора щедро оплачивал услуги крысы-майора, наверняка у того достаточно денег, чтобы быстро куда-то убраться из Краснохолмска.

Приведя себя в порядок окончательно, перекусив тем, что нашлось в холодильнике Магомеда, Володя отправился на автостоянку. Похмельный охранник не хотел отдавать машину, пока клиент не погасит долг. Володя вспомнил, что действительно должен стоянке за несколько суток. Охранник явно не смотрел телевизор, если и знал о гибели вертолета с губернатором, то ничего не знал о тех, кто был на борту кроме генерала. Знал бы – не стал требовать платы.

Погасив долг, Володя забрал свою "короллу", по пути заправил ее, почти вовремя подкатил к редакции "Вечернего Краснохолмска". На парковке поискал глазами "лэнд-круизер" Магомеда – не нашел. Друг опаздывал.

В редакции Володю встречали только что не строем. Секретарша Лариса вручила ему огромный букет, повисла на шее. В кабинете шефа собралась вся редакция. Всякому было интересно увидеть беглеца с того света. Кое-как отбиваясь от коллег, Володя умоляюще глянул на Юрьича. Тот, наконец, скомандовал:

- Так, выпиваем по рюмке – и освобождаем помещение! – сам налил, сказал слова – ну, мол, с возвращением из интереснейшей командировки, - выпили. Редактор настойчиво выпроводил сотрудников: - У нас с Владимиром Николаевичем конфиденциальный разговор.

Ларисе наказал:

- Придет Магомед – пусти!

Спустя минут десять Магомед появился. Заседание "тройки" началось.

Сначала внимательно прослушали запись беседы Володи с Лесюком. Сквозь гул отчетливо слышен был голос Михаила Петровича, подробно и даже с некоторой бравадой, со вкусом рассказывавшего о том, как по его заказу (а точнее – по заказу из Москвы) убили директора завода Королева; о том, как пытались устранить журналиста Свистунова и какую роль во всем этом сыграл майор ФСБ Борис Мичурин... Последнее было особенно важно – и записалось особенно четко. Здесь Лесюк вошел во вкус, в голосе его появилась мстительная интонация. Сыграло роль сообщение о том, что Мичурин не только предал своего босса, но и теперь пытается выкачать из него путем шантажа хорошие деньги. Лесюк назвал и сумму, рассказал о том, где, как и когда должен передать деньги шантажисту. Не сказал только, где спрятал заветный чемоданчик, хотя о том, что нужная сумма в чемоданчике, сказал. Непонятно зачем – видимо, в пылу признания – рассказал даже, откуда взялись эти деньги, и вообще – как финансируются особого рода, негласные, акции. Останься жив он сам, не погибни губернатор Гусев, одного такого признания хватило бы, чтобы губернатор стал как минимум политическим трупом. А могло случиться и "как максимум": расследование, суд и... Ну, выше меры, чем отписали сверху, уже не придумаешь. Чего уж о погибших...

- Запись ценная, конечно, - задумчиво вертел диктофон в руках редактор. – Уже с помощью одной этой записи можно запросто брать Мичурину тепленьким. Вот деньги бы еще найти...

- Какие деньги? – не поняли Магомед с Володей.

- Те, что для выкупа предназначались.

- Что, ты хочешь отдать их майору? – изумился Магомед. Юрьич посмотрел на него с сожалением.

- По-твоему, я похож на ненормального? Часть суммы мы пустили бы на наградные – зря, что ли, Володя страдал, да и мы тут вроде чего-то путное придумывали – зря, что ли? А остальные – ну, то есть, основную сумму – я бы, с вашего позволения, потратил на развитие редакции. Двести тыщ "зеленых" – хорошие деньги...

- Стой, Сергей, - заволновался Володя, - а что, сдать эти деньги государству не правильнее?

- Дурак ты, журналист Свистунов, - с сожалением поглядел на него Юрьич. – Государству в лице кого? И вообще, как ты себе представляешь: мы, значит, каким-то совершенно непонятным пока, но очевидно, что незаконным, путем отыскиваем левые деньги – они ж нигде не значатся, вообще нигде! – и несем их... куда несем-то? В налоговую инспекцию? В милицию? В казначейство? Куда несем? Куда бы ни принесли, вопросы: что за деньги, откуда они у нас и так далее. Даже если мы предъявим запись твоего разговора с Лесюком, это ровно ничего не спасет. Герой мертв, и идентифицировать его голос вряд ли удастся. Не думаю, что сохранились магнитофонные записи голоса Михаила Петровича, он не был человеком публичным. Да задолбаешься объясняться! Запись ценна, во-первых, сама по себе как материал для публикации – раз нельзя доказать, что голос однозначно принадлежит Лесюку, то и обратного доказать нельзя; - во-вторых, как рычаг воздействия на Мичурину, чтобы добыть кассету с записью заказа на убийство Королева. Вот та кассета – и правда бомба, там есть имена и фамилии, если Шамиль Акиев не соврал Магомеду, и тогда удалось бы все свести вместе, идентифицировать голос Лесюка и уже с помощью органов, а не только своими средствами, рассказать, каким было правление Гусева, кто убил директора завода и по чьему заданию. Логично? Убедительно? Ну, вот... А деньги полезнее употребить так, как я предложил. Иначе, даже если они действительно попадут в государственную казну, в чем я, откровенно говоря, сильно сомневаюсь, но допустим, - все равно государевы люди потратят их бестолково.

Помолчали. В словах редактора были серьезные резоны. Но – шкура неубитого медведя. Деньги-то где? И как их добыть?

Володя встал размяться. Присел несколько раз, помахал руками, нагнулся... Из кармана куртки что-то выпало, звякнув. Володя подобрал связку ключей с одним длинным, с двумя бородками, несколько секунд смотрел на нее задумчиво... Медленно опустился на стул. Обвел друзей сумасшедшим взглядом.

- Ребята! Я знаю, где деньги...

Глава 26

Утром Володя проснулся рано. Накануне обо всем договорились, на сегодня его главной задачей было – выписаться из больницы, и тогда можно было начинать действовать. Магомед вечером горячился в кабинете редактора:

- Ну, давай завтра все вместе пойдем к доктору, давай попросим – пусть выпишет сразу! Дадим взятку, что ли! Время-то, время идет! Смоется Мичурин – и что? Тогда и деньги ни к чему.

Как человек, активно работающий, Магомед хорошо знал цену деньгам, тем более большим деньгам. Хорошо знал и способы их заработать, и к заработанным деньгам относился куда с большим доверием, чем к шальным. Хотя и такие – шальные то есть – в жизни получать приходилось. И все же заработанные вызывали меньше сомнений, были как бы чистыми, настоящими, а вот те, что доставались легко, внезапно сваливались в руки, - их все время хотелось проверить на подлинность. Поэтому главным для него в разработанной операции было не взять деньги, приготовленные Лесюком как плата за кассету, а поймать за выступающее место убийцу-майора.

- Магомед, успокойся, - возражал Володя. – Доктор взятки не возьмет. Даже если он в принципе их берет, здесь не возьмет. Не тот случай. Я какой-никакой, знаменитостью стал. Что он, дурак рисковать? Да и вообще, кажется, мужик порядочный. Я сам договарюсь, без всяких взяток. А деньги забрать у Лесюка все же следует. И заберем. Если я, конечно, не ошибаюсь...

Все решилось само собой.

В больницу он пришел около восьми утра. Сразу, уже тренированным взглядом заметил несколько милицейских машин на территории около главного входа. Не понял, но встревожился. Вспомнил вдруг некстати: палата номер 613... На вахте его остановил охранник.

- Куда?

- Как куда, в палату. Отпускали на ночь, вернулся вот...

- Фамилия?

Володя сказал.

- А в чем дело-то?

Охранник, не отвечая, жестом показал: подожди. Стал звонить по внутреннему телефону, сказал в трубку:

- Подошел Свистунов.

Положив трубку, показал на ряд стульев для посетителей:

- Сядь, посиди...

- Да в чем дело-то?! – чуя плохие новости, Володя стал нервничать.

- Сейчас узнаешь, - с какой-то мстительной интонацией проговорил охранник.

По лестнице, спеша, спустился человек в штатском, стремительно подошел к Володе.

- Свистунов Владимир Николаевич?

- Он.

- Документы у вас есть? Пройдемте, пожалуйста, со мной...

- Кто вы и почему я должен с вами идти?

Человек молча показал удостоверение следователя прокуратуры. Володя подчинился. Поднимались почему-то по лестнице, а не на лифте. Поймав вопросительный взгляд журналиста, человек ответил на незадаанный вопрос:

- Наши милиционеры перестарались. Лифты отключили.
- Что случилось-то, черт возьми?! Что за игра в шпионов?
- Не игра. Сейчас поднимемся на шестой этаж, все увидите сами...
Володя уже догадывался.

Поднялись. Следователь провел его в палату 613. Перед дверью – распахнутой – стоял милиционер. Другие палаты были закрыты. Больных или загнали в помещения, или перевели временно на другой этаж.

- В этой палате вы лежали?
- В этой.
- Уходя вчера, оставляли что-нибудь? Ну, какие-то личные вещи?
- Костюм... Полотенце еще, кажется...
- Сумку не оставляли?

Володя отрицательно качнул головой. Следователь посторонился, пропустил его в палату. Там было много людей. Что-то записывали, один щелкал фотоаппаратом. На кровати лежал человек в белом халате. Володя без труда узнал доктора Суходреву.

- Знаком вам этот человек?
- Да, знаком... Доктор это... Суходрев, кажется, его фамилия. Впрочем, такую фамилию вряд ли забудешь. Что с ним?
- Владимир Николаевич, вы возвращались вчера в больницу после того как вас отпустил главный врач?

- Нет, не за тем отпрашивался.

- В ваше отсутствие исполняющего обязанности заведующего отделением доктора Суходреву Владимира Аркадьевича убили. Застрелили из пистолета. Судя по всему, убийство произошло здесь, в палате. Расследование ведется, тщательно исследуется место преступления, но уже сейчас можно с уверенностью сказать, что застрелили доктора, когда он входил в палату – то есть выстрел был произведен со стороны кровати, - а потом его просто перенесли и положили на кровать. Видимо, преступник сильно торопился или просто не очень заботился о том, чтобы не оставлять следов, потому что наследил он достаточно. Но единственное, что можно по этим следам сказать, - вы здесь, похоже, ни при чем.

- Спасибо, - иронически скривился Володя. – А из чего стреляли, нашли?

Следователь вздохнул, помедлил.

- Нашли. Но не здесь. Преступник бросил пистолет на первом этаже.

- А охрана как же?

- Так же... Убил он охранника. В рот выстрелил.

Володю вдруг будто что-то толкнуло.

- Простите, а какой пистолет у него был?

- Пистолет редкой модели – по крайней мере, в широком употреблении он не так часто встречается: ПСС. Удобное оружие, никакого глушителя не надо...

- Да-да, я в курсе, - Володя уже лихорадочно думал о своем.

- Вы разбираетесь в оружии?

- Постольку-поскольку. Я ведь журналист...

Следователь попросил его внимательно осмотреть палату, не пропало ли чего ценного. Да ничего ценного не было, сказал Володя. И все же, попросил следователь, осмотрите все внимательно, может, что необычное увидите. Показал большую холщовую сумку, спросил – откуда? Володя недоуменно пожал плечами: впервые вижу. Прошел в туалет, на всякий случай глянул и там – да все обычно, все, как было.

Сквозь открытую дверь палаты Володя разглядел главного врача больницы Якова Михайловича Когана. Подошел к нему.

- Яков Михайлович, вы понимаете, что я здесь ни при чем?

- Что вы, помилуй Бог! Кто на вас думает... Сыщики тоже говорят, что это был какой-то гость. Если бы вы оказались в тот момент в палате... Доктора жаль. И Танечку...

- Кого?!

- А-а, вы еще не в курсе... - Яков Михайлович махнул рукой в сторону ординаторской. Володя обернулся вопросительно на следователя прокуратуры. Тот, пожав плечами, молча повел его за собой. Ординаторская тоже была открыта, тоже охранялась милиционером. Володя увидел мертвую медсестру, его замутило. В том же кабинете сидела еще одна сестра, пришедшая сменить Танечку. Ее отпаивали лекарствами. Она и обнаружила труп. Вызвала милицию – и упала без чувств. Милиционеры сразу вызвали прокуратуру, провели тотальную проверку на этаже, нашли доктора, а уж потом внизу обнаружили тело охранника.

- И охранник еще? Трое...

Следователь смотрел на него молча.

- Могу я уйти? Вы же понимаете, что я...

- Владимир Николаевич, мы не просто понимаем – мы знаем, что вы не причастны к этому тройному убийству. Но мы догадываемся и о том, что вам, Владимир Николаевич, есть что сказать следствию по этому поводу. Да или нет?

- Нет. Пока нет...

- Что значит "пока"? Вы что-то знаете, но не уверены? Или вы что-то знаете – и намерены скрыть?

- Я ничего не намерен скрывать, - Володя уже справился с собой. – И ничего не знаю.

- Ну что ж... не вижу оснований вас больше задерживать. Если все-таки вы что-то вспомните, - следователь особо напирал на последнее слово, - я вас очень попрошу связаться со мной или моими коллегами. Вы сами понимаете, такие убийства не бывают случайными. И не так часто совершаются, - следователь протянул Володе визитку с телефонами. – Нам, как вы, очевидно, догадываетесь, еще придется вызвать вас для официального допроса.

Некоторое время ушло на оформление выписки. Яков Михайлович, когда заполнял документы, волнения скрыть не мог, руки его подрагивали.

- Как же так? – периодически повторял он. – Почему именно вас хотели убить? И зачем убили Танечку?..

Ответ у Володи был – по крайней мере, на первый вопрос. Но он не мог сказать всего главному врачу. Потому молчал.

Яков Михайлович пожал ему руку, пожелал успеха, здоровья. Растерянно замолчал, потому что чего еще желать, не знал. Если его хотели убить, не просто так ведь. И убийца – на свободе...

- Ничего, не переживайте обо мне, - сказал Володя на прощание. – Это не первый случай. Хотя надеюсь – последний...

В холле первого этажа его тронул за плечо капитан Виталий Сергеевич Фролов.

- Здравствуйте. На два слова...

Пришлось ответить и на его вопросы. Они мало чем отличались от вопросов прокурорского. Минут через пятнадцать Виталий Сергеевич отпустил Володю, тоже пожелав ему удачи. И осторожности... Капитан тоже о чем-то догадывался. Это означало, что он вполне мог устроить слежку за журналистом. Надо было учесть такую возможность.

Когда собрались в редакции, Володя первым делом спросил водки и хлопнул сразу полстакана. Опыанеть не опыанел, но волна отчаяния и бесконечной ненависти, захлестнувшая изнутри, немного опала. И все равно перед глазами все время стояли мертвые доктор и медсестра. Охранника Володя не видел, его уже увезли. Сколько же людей эта сволочь положила, охотясь за ним, журналистом Свистуновым? И сколько еще способна положить? Он вдруг изо всех сил стукнул по столу кулаками – так, что заболели костяшки.

- Мужики, не могу больше! Удавить мало гада, удавить! Дай еще водки, Магомед...

Володя, наконец, рассказал томившимся Магомеду и Юрьичу об убийстве в больнице. Известие ошеломило и подавило. Осознали еще раз: противник играть не будет. Володя сказал: у меня, ребята, с майором теперь личные счеты, он столько народа из-за меня угробил. Будет резонно, если я один им займусь. Несложно ведь – ключ у меня, деньги будут, ну и сговоримся. Запишем телефонный разговор на пленку. А когда майор передаст мне кассету с записью Лесюка, я соберу все вместе, напишу все, что знаю, и отправлю ментам. Пусть дальше они действуют. Так будет безопасно. Совершенно безопасно. А если все втроем вяжемся, мало ли что может произойти...

- Давно по морде получал? - мрачно спросил Магомед.

Юрьич отреагировал еще лаконичнее:

- Иди в жопу!

Разговор этот происходил около одиннадцати утра. А через два часа примерно Володя сдавал куртку в гардероб областной администрации. Напротив входа в здании висел большой портрет погибшего губернатора, перевитый траурной лентой, и поменьше, но тоже с лентой, – его заместителя Михаила Петровича Лесюка. Похороны должны состояться сегодня, гражданская панихида и траурный митинг уже шли на ступенях Большого концертного зала. Володя тоже должен был там находиться – по сердцу и по совести. Он придет, но чуть позже... По случаю митинга и панихиды чиновников в администрации осталось немного. К тому же наступило время обеда, и те, кто оставался на рабочих местах, все равно были в столовой.

Предъявив на входе аккредитационную карточку и удостоверение, он поднялся в лифте на четвертый этаж. Дежурный милиционер не стал интересоваться, к кому он идет. Аккредитация избавляла от таких вопросов. И все же Володя немного волновался. День особый. Не хотелось, и чтобы милиционер узнал его как пассажира погибшего МИ-8. Но дежурный попался что надо – сонный и ко всему равнодушный. Есть документ – проходи, нет документа – звони чиновнику, иди в бюро пропусков, жди, пока выпишут бумажку и пустят. Тогда придется объяснять, к кому идешь. Володя шел к тому, кого в живых уже не было. Зато у него был документ.

Повернув от лифта вправо, он быстро, чтобы никого не встретить, прошел по длинному коридору, свернул в переход, спустился по ступенькам. Вот он, кабинет Лесюка. Володя никогда здесь не был, но Юрьич очень точно описал ему маршрут. Володя остановился, на всякий случай огляделся, прислушался. Из соседних кабинетов – их было в этой части пристройки еще два – не доносилось ни звука. Понятно: их занимали другие губернаторские замы, они, скорее всего, находились сейчас на митинге, а референты обедали.

Володя вынул из кармана связку ключей, которую подобрал в вертолете. Сердце частило: только бы не ошибиться, только бы ключи оказались нужные.

Не ошибся. Один ключ подошел к внешней двери, второй оказался от самого кабинета. Володя осторожно вошел, быстро запер на ключ внешнюю дверь, вторую только прикрыл. В кабинете сразу же увидел в углу старый сейф советского образца. Конечно, длинный ключ – от него. Только бы не оказалось у сейфа никакого больше замка или секрета.

Секрета не оказалось, ключ свободно повернулся в замке, сейф открылся. Володя увидел чемоданчик – обычный кейс, только чуть больше тех, которыми чаще всего пользуются чиновники, – вытащил его из сейфа. А вдруг чемоданчик заперт? Но и эти опасения оказались напрасны. Лесюк настолько был уверен в своей недосыгаемости и неуязвимости, что не принял даже элементарных мер предосторожности.

Положив кейс на широкий замгубернаторский стол, Володя на какое-то время отвлекся – подивился забавной игрушке на столе, в которой не без труда разглядел глобус Краснохолмской области. Глобус, похоже, сделали из золота. Интересная вещица. И дорогая...

Раскрыв кейс, он убедился в том, что тот действительно набит пачками "зеленых". Никакого волнения при этом не испытал, он запер сейф, вышел в приемную, стараясь не шуметь, закрыл ключом кабинет. Подошел к двери, прислушался. Никого вроде. Повернул ключ, еще раз прислушался, осторожно приоткрыл дверь, выглянул в щелку. Пусто. Вышел, закрыл за собой как мог бесшумно, быстро пошел по коридору. Поднявшись по ступенькам, выглянул в большой коридор. Там в отдалении маячила какая-то фигура, но, похоже, удалялась от Володи. Журналист юркнул сквозь еще одну дверь – она вела на лестницу, по которой можно было пройти либо в кабинеты депутатов областного парламента, либо, спустившись на четыре этажа, через служебный вход попасть во внутренний двор администрации. Оттуда через открытые ворота для служебного транспорта можно выйти на улицу.

Служебный вход тоже охранялся, но не милицией, а ведомственной охраной, и вахта здесь была, скорее, условностью. Вход еще худо-бедно контролировали, если незнакомый – могли спросить, к кому, – а уж на выходящих внимания вовсе не обращали. Так было и сейчас. Охранник – как чаще всего бывает, пожилой мужчина с внешностью грузчика – болтал о своем с техничкой. Как принято, ругали абстрактную власть и порядки, дороговизну и нищету. Впечатления голодных не производили при этом.

Ни он, ни она не обратили внимания на Володю, когда он проходил через вертушку – так, скользнули взглядами, ничего в них не отразив. Миновав внутренний двор, он вышел на улицу, перешел проспект и стал ловить такси. Только когда сел в такси, распорядился, куда ехать – тогда только почувствовал, в каком напряжении пребывал до сих пор. Лицо лоснилось, руки подрагивали.

Забросив кейс в редакцию, наказав Юрьичу спрятать его подальше от посторонних глаз, Володя отправился отдать последний поклон тем, с кем ненадолго свела его судьба в губернаторском вертолете.

* * *

Вечером того же дня, часов примерно в восемь, в квартире майора Мичурина зазвонил телефон. Хозяин квартиры в это время сидел перед телевизором, мрачно смотрел новости и пил коньяк. Новости были о том, как сегодня прощались с губернатором области Гусевым и теми, кто погиб вместе с ним. В толпе прощающихся мелькнуло на какой-то момент до тошноты знакомое лицо журналиста. У него пытались взять интервью – он уклонялся. Майор едва не запустил почти приконченной бутылкой коньяка в ненавистную рожу.

После большого сюжета о митинге и похоронах телевизионщики рассказали о тройном убийстве в больнице скорой медицинской помощи. Показали кадры – как выносили трупы, как распорядились на месте милицейские и прокурорские чины. Назвав убийство "дикостью", "нелепостью", в конце корреспондент все же поведал зрителям о главном: что доктора Суходреву застрелили в палате, в которой в это время должен был находиться "самый уцелевший пассажир губернаторского МИ-8, журналист Свистунов". "Кому и зачем понадобилось охотиться за журналистом, ответ на этот вопрос следствие пока не дает. Однако..." – дальше телевизионщики показали архивные кадры, где Владимир Свистунов, комментируя загадочное убийство бывшего заместителя губернатора Леонида Георгиевича Васина, опасался, что с ним тоже что-то может случиться.

Майор с такой ненавистью сдвинул рюмку, что дешевый хрусталь не выдержал, ножка отвалилась с жалобным хрустом. Он встал, вышел на кухню, бросил сломанную рюмку в мусорное ведро. Достал другую такую же – посмотрел, усмехнулся, вернул ее на полку и взял вместо нее серебряную, антикварную, которую ему когда-то подарил приятель. Эта уж точно не сломается.

В это время и зазвонил телефон. Мичурин взял трубку.

- Да?

Трубка некоторое время загадочно молчала, он уже решил – ошиблись, и вдруг трубка заговорила голосом покойного Лесюка. Майора разом бросило в пот. Взяв себя, однако, в руки, он вслушался. Лесюк сквозь какой-то шум рассказывал некоему собеседнику о том, как и по чьему заданию убили директора завода Королева, как и зачем потом охотились на журналиста Свистунова (журналисту и рассказывал, понял майор, без труда догадавшись о происхождении записи, о том, где она была сделана), главное – какова во всем этом роль его, майора Мичурина. Это место в записи звучало особенно громко и четко. Спутать голос Лесюка было невозможно.

Запись звучала довольно долго. К тому моменту, когда разговор оборвался в связи с непредвиденными обстоятельствами (на том конце провода не стали демонстрировать майору все, что осталось на диктофоне), Лесюк успел рассказать все или почти все, что знал по делу об убийстве Королева. Успел поведать и о том, где и как должен был передать Мичурину выкуп. Мичурин терпеливо ждал, понимая, что за этим должно последовать. Через паузу в трубке раздался голос журналиста Свистунова.

- Борис Игнатьевич, вы меня хорошо слышите?

- Слышу. Предлагайте.

В трубке секунду помедлили.

- Мы в курсе условий вашей сделки с Михаилом Петровичем. У нас нет, к сожалению, того, что предназначалось вам. Но у нас есть то, что вы только что слышали.

- И что вы предлагаете мне?

- Думаю, вы, как человек умный и опытный, не станете сомневаться в подлинности продемонстрированной записи. Не усомнитесь и в том, что, если эту запись передать куда надо, следствие по делу об убийстве Королева примет ее как серьезную улику. Ну а я выступлю свидетелем, и это довершит дело. Следствие может пойти... верным путем. Даже если вас не посадят, если вы сумеете выкрутиться – ведь тех, кого вы нанимали, нет в живых, - у нас, журналистов, все равно появится достаточно оснований и возможностей измарать ваше честное имя (в слово "честное" Вован вложил весь сарказм, на который способен)... измарать ваше честное имя так, что вас с позором выгонят из органов.

- Я не слышу предложения, - майор задыхался от злобы.

- Обмен. Вы нам ту кассету, которую хотели продать Лесюку, мы вам – эту.

- Какие гарантии, что вы не подсунете мне копию и не используете потом все материалы против меня? Или не передадите их следствию?

- Гарантии – в морге! – плотоядно и мстительно, как показалось майору, выплюнула трубка. Он только крепче в нее вцепился. – О том, подлинная запись у вас или копия, вы вряд ли когда-то узнаете точно. Ну не станете же вы проводить экспертизу! Придется задействовать других людей, светиться, а это не для вас. Мы можем только обещать вам торжественно, что, даже если станем что-то публиковать – станем, конечно, - то сделаем ваше имя фигурой умолчания. Возможно, вам покажется, цена такому обещанию невысока, но понимаете, Борис Игнатьевич, мне надоело то и дело спасаться от вас. Мы мирные люди, и вовсе не хотим, чтобы вы нас перестреляли. Или перерезали. Или сожгли, передушили, взорвали... Что же касается следствия, тут вы попали в точку. Если используем материалы, но при этом не передадим их следователям, - нарушим закон. Нас просто посадят, особенно учитывая отношения с властями. Так что передать придется. Но в любом случае у вас будет время исчезнуть...

Майор помолчал, раздумывая.

- Не пойму что-то, я-то в каком выигрыше остаюсь? Кассета, оставшаяся у меня, теперь, после смерти Лесюка, не представляет иной ценности, кроме сенсационного материала для публикации. Пленка с записью рассказа Лесюка в вертолете может оказаться в руках следствия, коль вы ничего не гарантируете. Не проще ли мне прямо сейчас, ничем не рискуя, взять да и смыться?

- А вы не успеете, - беспечно сказал Володя. – Мы позвоним куда надо, пленочку передадим, вы и не успеете...

- Да вы что там все, охренели?! – не выдержал майор. – Ты чего меня пугаешь, сопляк, чего жилы тянешь? Чего ты добиваешься-то, говори толком!

- Нам нужна кассета, находящаяся у вас, Борис Игнатьевич. Мы – журналисты, и сенсация для нас – многое...

- Ну хорошо. Я вам передаю одну кассету, вы мне другую, но если она окажется копией, я все равно не защищен. Что я выигрываю-то?

- А если наша кассета окажется оригиналом?

- А вы отдадите оригинал?

- Возможно... Для подготовки газетного материала мы можем использовать и копию, а потом притвориться перед следствием, что ничего не знали...

Майор еще минуту раздумывал. Резон вроде в словах журналиги есть. Решился.

- Ладно. Еще одно... - хотел сказать – "условие", на ходу поправился: - Еще одна просьба. После того как обмен совершится, можете вы мне дать сутки на то, чтобы исчезнуть? А потом делайте, что считаете нужным.

Володя на том конце провода показал Юрьичу большой палец: сломали!

- Хорошо.

- Где и как мы обменяемся кассетами? – спросил майор.

- Ну, в шпионов играть не будем, как вы затеяли с Лесюком, - усмехнулся Володя. – Поступим проще. Вы ведь знаете кафе "Армения" в общежитии? Там теперь новый директор, старый сгорел на работе, - в этом месте Мичурин сжал зубы. "Все-таки я должен его убить!" – Давайте завтра в двенадцать дня помянем добрым словом его и его жену. Только, Борис Игнатьевич, без глупостей. За происходящим незаметно будут наблюдать наши люди, так что лучше не рисковать.

Про "наших людей" Володя добавил для форсу. Никаких "наших людей" в кафе быть не могло. Не предполагалось.

Все складывалось. Журналисты заранее намеревались подсунуть майору Мичурину копию записи, а не оригинал, для этого с цифрового диктофона разговор перекатали на обычную микрокассету. Ни слова не было сказано о деньгах – нет никаких денег, никто их не видел, никто, кроме них и Магомед, о деньгах ничего не знает. Володя после операции в администрации утопил ключи Лесюка в великой сибирской реке, выбросив их с моста. Никто его там, около кабинета замгубернатора, не видел, не видел никто и в здании, кроме дежурного милиционера и вахтера, но тем все равно. Вряд ли они что-то вспомнят. Деньги Юрьич спрятал в надежном месте. Разберутся с майором Мичуриным – можно будет ими грамотно распорядиться. Володю перестала грызть совесть за то, что они не намерены отдавать деньги государственным структурам. Какая разница, на какие полезные нужды употребить золото олигархов? Лишь бы нужды и правда были полезными.

Все складывалось, и можно было до завтра пить водку. А завтра ставить точку в затянувшейся истории. Потом писать и стяжать славу.

Но человек, как известно, предполагает, а располагают другие силы.

Едва только Володя положил трубку, не успел еще до конца рассказать друзьям все подробности разговора (параллельный телефон в приемной барахлил, и его не подключали), в кабинете редактора "Вечерки" раздался телефонный звонок. Володя машинально взял трубку. Лицо его вытянулось и побледнело. Он молча слушал, потом сказал: "Хорошо", - осторожно положил трубку и с уважением на нее уставился.

- Что там? – тербели его Юрьич и Магомед.

- Там-то?.. Там это... ФСБ... Требуют никуда не отлучаться. Сейчас приедут...

Пауза наступила, как в последней сцене "Ревизора". "Вот тебе, бабушка..."

Юрьич вдруг изо всех сил врезал себе кулаком по кудрявой башке.

- Идиоты! – простонал он. – Какие же мы идиоты, братаны! Давно пора догадаться, что телефон наш – на прослушке! – И добавил, снизив голос: - Наше счастье, если в

кабинете "жучков" нет, - и все подумали об одном и том же. Про изъятую у Лесюка сумму в двести тысяч баксов в кабинете говорили громко. Хорошо еще, не говорили о ней по телефону...

Гости, как и обещали, подкатили через считанные минуты. В кабинет редактора без стука вошли... капитан Виталий Сергеевич Фролов и следователь прокуратуры – тот самый, который допрашивал Володю в больнице (не допрашивал – предварительно беседовал, до официального допроса дело пока не дошло). Он представился Григорием Павловичем Добротным. Круглое лицо Фролова было все так же до блеска выбрито. На нем был тот же серый костюм, в котором он приходил к Свистунову в больницу.

- Ну что, заговорщики, - весело сказал капитан, - допрыгались? Вы знаете, ребята, что вы все – преступники? Мы сейчас можем смело цеплять на вас наручники и везти к Григорию Павловичу. Срок я вам гарантирую. Он, - Фролов кивнул на прокурорского следователя, - думаю, тоже.

- Ну а за что, можно узнать? – Сергей Юрьевич казался спокойным. Он не раз в своей практике сталкивался и с прокурорскими, и с сотрудниками ФСБ. Пуганый.

- Ну, во-первых, - медленно начал загибать пальцы Добротный, при этом смотрел он не на редактора, а на Володю, - за отказ свидетеля от дачи показаний, статья 308 УК – вы ведь фактически отказались давать ИСТИННЫЕ показания о тройном убийстве в больнице, Владимир Николаевич, скрыли от следствия, что знаете убийцу? Вот. Во-вторых, за укрывательство преступления, да не одного – нескольких сразу, статья 316 УК. Но это все – пустяки на фоне статьи 105 – убийство. Это ведь вы, Владимир Николаевич, убили супругов Айвазян на даче майора Мичурина? Остальные пойдут как соучастники.

- Да ведь я оборонялся, - вырвалось у Володи. Юрьич отчаянно покачал головой.

- Мы все знаем, Владимир Николаевич, а чего не знаем, о том догадываемся, - проникновенно произнес Добротный. – Но вы нас поймите. Нам надо преступника поймать, а вы тут заговоры устраиваете, в казаков-разбойников играете, в результате гибнут невинные люди. Я, кстати, еще одну статью забыл, по которой можно вам обвинение предъявить при большом желании. Вы ведь, как я понимаю, стали косвенной причиной того, что в больнице убийца унес жизни сразу троих людей...

- Значит, по-вашему, было бы честнее, порядочнее или как там еще, если бы я в то время лежал в палате и ждал, пока меня пристрелят? – вскипел Володя.

- Да если бы не было у нас на руках сейчас записи разговора Свистунова с покойным замгубернатора, которую он, рискуя, между прочим, жизнью, сделал в вертолете, вас бы вообще здесь не было! – подключился Юрьич. – И предмета разговора не было бы...

- Подожди, Григорий Павлович, - Фролов взял следователя за рукав. - И вы – не горячитесь. Давайте сядем и все обсудим. Что случилось, то случилось. По-своему прав следователь, есть резон и в ваших словах. Давайте поговорим...

Глава 27

На следующий день без четверти двенадцать за одним из столиков кафе "Армения" сидели Владимир Свистунов и Сергей Комаров. За столиком поодаль, лицом к входу расположился Магомед. Еще за одним, самым дальним от входа, столиком заняли места Виталий Сергеевич Фролов и один из его сотрудников. Один столик занимали двое обычных посетителей. Днем здесь не бывалолюдно. Персонал предупредили: что бы ни случилось – ничему не удивляться, ничего не замечать и ни во что не вмешиваться. Фролов при этом приоткрыл свои служебные "корочки"... Директор посмотрел на них с уважением.

У Володи сосало под ложечкой. Юрьичу, похоже, тоже было не по себе. На столе у них стояла минералка, для вида заказали салат и горячее, но есть ни тому, ни другому не хотелось.

Чекисты не собирались брать своего "коллегу" здесь, в кафе. Место людное, не дай Бог завяжется перестрелка, достанется не тому, кому надо, да и не завяжется – все равно будет много ненужного шума. Виталий Сергеевич и его подчиненный должны были просто зафиксировать с помощью скрытой камеры факт обмена кассетами. Это пригодится для дела. Фролов не боялся быть узанным – с майором Мичуриным они ни разу не пересекались по службе, подчинялись разным начальникам и служили в разных подразделениях. В управлении ФСБ давно интересовались крысой, которая появилась в одном из отделов. Однако крыса вела себя так хитро и умно, как, собственно, крысам и свойственно. И действительно, если бы не прослушка телефона редактора "Вечернего Краснохолмска" Комарова ("жучков" в кабинете редактора, конечно, не оказалось), если бы не запись рассказа Лесюка, сделанная Владимиром Свистуновым, чекисты так и не смогли бы, скорее всего, раскрыть предателя.

Журналистов в детали операции не посвятили. Задержать Мичурина должны были чуть позже, другим способом – безопасным, как считали организаторы операции. Его должны были взять при выезде из жилой зоны на главную улицу. С этой целью неподалеку, ниже расположенной около общежития парковки дежурил грузовик, а около входа в кафе среди прочих машин стояла черная "Волга" с тонированными стеклами. Внутри сидели в ожидании вооруженные, но в штатское одетые люди Фролова. Грузовик должен был блокировать выезд, а "Волга" – загородить путь в жилую зону. Один из людей Фролова должен разбить стекло со стороны водителя "хонды" – то есть Мичурина – и предотвратить возможное сопротивление, предъявив ствол; второй должен подстраховать товарища с противоположной стороны – со стороны пассажирского кресла. При таком раскладе Мичурину деваться некуда, и стрелять он не станет. Да и не успеет выстрелить. В крайнем случае приказано было ранить майора, но ни при каких обстоятельствах не убивать. Следователь прокуратуры, которого вежливо попросили не путаться под ногами, должен прибыть на место задержания по звонку.

Всего этого журналисты не знали. Но внешне вроде все располагало к тому, что "дружеская" встреча в кафе обойдется без сцены из американского боевика. Однако под ложечкой сосало все равно. Им принесли горячее – те самые рулетки в горшочках. Горшочки стояли нетронутыми. Володя пожалел, что заказал именно это блюдо: он оказался более впечатлительным, чем ожидал, рулетки вызывали нехорошие ассоциации, есть их он не мог, даже если бы сильно проголодался.

- Слушай, может, хоть пива возьмем? – не выдержал он. – Мандраж... - Его жалобный тон, однако, не подействовал на Юрьича.

- Смерть надо встречать на трезвую голову, - сурово сказал редактор.

- Да иди ты... Не каркай.

Ровно в полдень у кафе остановилась черная "хонда", из нее вышел майор Мичурин. Не торопясь вошел в кафе, у порога остановился, огляделся. Цепкий запоминающий взгляд ухватил всех, кто находился в зале. Администратор направился было к нему – тот жестом остановил его: не надо, - кивнул на столик, за которым сидели журналисты. Подошел не спеша, сел. Внимательно оглядел Володю, Юрьича. Жестом подозвал официанта, заказал стакан чаю с лимоном. Официант ушел, через минуту вернулся с небольшим чайничком, в котором булькал кипяток, пакетиками "липтона" и нарезанным лимоном. Мичурин кивнул, попросил посчитать сразу, пока официант ходил за счетом – заварил в чашке чай, отдал деньги, отхлебнул глоток – и только после этого снова обратил свое внимание на журналистов. Те ждали молча, с любопытством и скрываемым нетерпением наблюдая за его манипуляциями.

- Кассета? – вопросительно произнес майор и снова отхлебнул чай.

- В обмен на вашу, - ответил Володя.

Майор усмехнулся, вынул из внутреннего кармана пиджака – куртку он оставил в машине – пакет с кассетой и текстом расшифровки записи. Положил на стол. Володя кивнул Юрьичу. Тот вынул из портфеля диктофон, вставил в него кассету, сунул один

наушник Володе, второй вставил себе в ухо. Мичурин наблюдал за ними все с той же усмешкой. Запись прослушали выборочно – все вроде верно. Голос Лесюка Володя теперь не забудет никогда. Ну а определить, копия это или оригинал, все равно невозможно. Да и какая разница?

Володя достал из кармана свою кассету, передал ее Мичурину. Тот прослушивать не стал.

- Вы нам так доверяете? – иронически спросил его Володя.

Майор смерил его спокойным презрительным взглядом.

- Это вы в шпионов играете, а я профессионал. В отличие от тебя, сопляк, я знаю, когда меня могут надуть, а когда – нет. Жизнь не так уж длинна, но мне хватит оставшихся дней, чтобы найти вас, если вы мне подсунули сейчас копию или просто фуфлю. Я все равно скроюсь, конечно, мне все равно никто ничего не успеет сделать. Но у меня хорошая память, и я не люблю прощать, когда со мной поступают... - он помедлил, подыскивая слово, - не так, как я привык. Имейте это в виду, господа шелкоперы. Творческих вам успехов!

Володе на какой-то миг стало не по себе. И правда ведь достанет, зараза...

Мичурин так же не торопясь поднялся, направился к выходу... Вдруг вернулся, наклонился над столиком:

- Вы бы сказали вашему человеку: если еще когда-нибудь придется проводить подобную операцию, не надо так жадно есть глазами противника. Это слишком заметно, - он подмигнул журналистам, дружески кивнул Магомеду и вышел. Магомед, действительно, смотрел на майора с открытой ненавистью.

Мичурин сел в машину, запустил двигатель, начал разворачиваться. Внезапно внимание его привлек большой грузовик, перегородивший выезд из жилой зоны. Возможно, если бы это не был грузовик, да еще "КрАЗ", майор ничего не заподозрил бы, и операция в конце концов завершилась бы его задержанием... Могло быть все нормально и так, если бы Виталий Сергеевич не поторопился, отдав по телефону команду водителю грузовика раньше, чем следовало. Но он поторопился, и случилось иначе, чем планировалось.

Кошачий нюх чекиста, вдвое обострившийся, потому что чекист был предателем, точно указал ему направление опасности. Майор остановил машину, спокойно вышел из-за руля, направился обратно в кафе, хлопая себя по карманам, будто что забыл. Он заметил, как открылась дверца стоявшей на пути черной "Волги", как оттуда начал медленно, как в замедленной съемке, вылезать человек в сером костюме. Человек глядел на него. Вот он встал одной ногой на асфальт, вот развернул корпус, чтобы вытащить из машины другую ногу... Мичурин резко побежал – и изо всех сил толкнул дверцу машины. Человек закричал и схватился за сломанную ногу. Майор ворвался в кафе, на ходу выхватив из плечевой кобуры пистолет – теперь это был штатный ПМ. "Убью гада, теперь точно убью!" Володя увидел его, рубаха мгновенно стала липкой. Он начал медленно приподниматься из-за стола. Расстояние их разделяло пустяковое, и журналист был обречен. Майор поднял пистолет – в это время Магомед молнией метнулся к нему, успел ударить по руке. Выстрел все-таки прозвучал, но пуля цвиркнула где-то вверху, в потолке. Магомед ударил еще раз – "Макаров" описал дугу и улетел в угол. Майор зарычал, боднул Магомеду в подбородок, тот обрушился на ближайший столик, опрокинув его. Мичурин рванулся в сторону кухни, снес подвернувшегося на пути повара, пробежал через кухню и скорее опять же нюхом, чем умом безошибочно определив, где черный ход, выскочил на улицу. "Ну, здесь-то вы меня, суки, не возьмете!" Скатившись по снежному склону пригорка вниз, к магазину и стоящему рядом торговому павильону, он подскочил к первой попавшейся машине с заведенным мотором, рванул дверцу, выбросил не успевшего ничего понять водителя, сел за руль и дал по газам. Машина оказалась "девятка", двигатель, судя по звуку, работал отменно. В зеркало заднего вида он успел разглядеть, как со стоянки перед кафе вылетела черная "Волга" и направилась в его сторону. Майор молниеносно

соображал. Задерживавшие его не успели увидеть, как он забрал чужую машину, они не знают, что он на "девятке". Значит, можно попытаться их обмануть. Не доезжая перекрестка, он сбавил скорость, включил правый поворот, прижался к бордюру и остановился. Перед тем как черная "Волга" поравнялась с ним, на всякий случай пригнулся, делая вид, будто что-то ищет в "торпеде". Черная машина с преследователями промчалась мимо и, заложив крутой вираж на левом повороте, скрылась за углом. Мичурин сходу дал газа, развернулся и поехал в противоположном направлении. Миновал магазин, перед которым на бордюре сидел все еще не пришедший в себя владелец "девятки", отчаянно названивая по мобильному – вызывал милицию, - проскочив мимо кафе и виновато стоявшего в стороне грузовика, Мичурин сбросил газ и уже спокойно, чтобы не привлекать внимания, проехал еще два перекрестка и повернул налево. Теперь главное – выбраться на окраину города, там машину можно бросить. Дальше – как сложится.

...В кафе Володя, не обращая внимания на звания и регалии, матом крыл всю ФСБ и ее конкретных сотрудников в частности. Капитан Фролов пытался его успокоить, но тот, похоже, даже не слышал, что ему говорят.

- Уроды! – размахивая руками, орал он. – Профессионалы хреновы! Все испортили, козлы!..

- Вы вообще-то аккуратнее в выражениях, - пытался сохранять лицо капитан Фролов, - советуя выбрать...

- Да пошел ты! – выверился на него Володя – капитан Фролов был заметно старше него, но теперь Свистунову это было безразлично. – Ну, что ты мне сделаешь – посадишь, измену Родине пришьешь за то, что я тебя профессионалом назвал? – фраза прозвучала двусмысленно, и Володя с удовольствием это отметил. – Говорили вам, предлагали – возьмите вон ребят-собровцев, спецназ возьмите, "Альфу", у них опыт есть, а у вас что? Амбиции только. "Он – наш предатель, и мы его сами должны взять..." Взяли? Хуеньки! Ищи теперь его, ветра в поле...

Володя пылил, потому что боялся. На него и правда произвела нешуточное впечатление угроза майора найти их, если что. Майор умудрился обыграть целую группу захвата, что ему какие-то газетчики. Посидит где-нибудь за бугром годик, пока все утихнет, а там... Черт его знает, что там может быть! Злобный он и мстительный. И безжалостный.

Фролов хотел было что-то еще сказать, как-то урезонить зарвавшегося газетчика, но, подумав, махнул рукой и отошел распоряжаться. Он был человек совестливый и сам понимал, что побег предателя Мичурина из лап его сотрудников – его, Виталия Сергеевича Фролова, личный промах.

- Ладно, что теперь орать-то, - Магомед положил ему руку на плечо. Другой рукой он держался за подбородок.

- Не сломал? – спросил Володя.

- Да нет. Но врезал от души. В башке до сих пор гудит...

Подошел и Юрьич.

- Ладно, поехали в контору, - он похлопал по пакету. – Что хотели, получили. Заметку писать надо срочно, пока нас сыщики не ограничили в правах, - так действительно могло быть, если бы следствие посчитало, что какие-то сведения, связанные с расследованием дела об убийстве Королева и других дел, цепляющихся за него, разглашать нельзя.

Они втроем направились к выходу. На улице их встретил Григорий Павлович. Поздоровался.

- Я уже знаю, как эти специалисты обмишурились, - сказал он, усмехаясь. – Говорили им добрые люди, не беритесь за то, чего не умеете делать. Ну да ладно, что теперь... Владимир Николаевич, я должен вызвать вас официально на допрос, но только после того как мы внимательно прослушаем, проанализируем и изучим все новые материалы, то есть

записи, которыми теперь располагаем. Попрошу вас никуда не отлучаться из города в ближайшее время.

- А я отлучусь, - по инерции зло ответил Володя, хотя чего злиться на следователя?

Ни при чем он.

Добротный вопросительно уставился на журналиста.

- Ну, могу я, в конце концов, жену повидать? Проблемы у меня семейные, понимаете?

Добротный секунду подумал. Смягчился:

- Ладно. Давайте так. Раньше, чем через две недели, мы вас дергать не будем.

Устраивает? Но уж через две недели будьте добры вернуться в Краснохолмск. Иначе, - он развел руками, - нам придется вас искать. Это бывает неприятно...

...Вечером, когда Володя, Юрьич и Магомед сидели в редакции за бутылкой, обсуждая итоги бурного дня и деля деньги – пока, правда, только на бумаге, - раздался звонок. Юрьич глянул на часы – было около десяти вечера. Он снял трубку.

- Сергей Юрьевич? – спросила трубка голосом Добротного. – Вы вечерние новости смотрели? Нет? Я так и предполагал, - Добротный произнес это с легким оттенком иронии. – Думаю вас успокоить. А может, и обрадовать, как ни цинично это прозвучит. Сегодня около трех часов дня на северной окраине города, неподалеку от поста ГИБДД, случилась авария. Водитель "девятки" на повороте не справился с управлением, врезался в бетонное ограждение моста, скорость была так велика, что ограждение не выдержало, машина свалилась вниз и загорелась. Бензобак взорвался. Почти ничего не осталось ни от машины, ни от водителя. Но, судя по некоторым сохранившимся деталям одежды и другим признакам, за рулем был майор Мичурин. Нам об этом стало известно только теперь – наши службы не всегда работают оперативно, к сожалению. Это полезная информация для вас?

- Очень полезная, - медленно произнес редактор. – Спасибо вам большое, - он положил трубку.

Эпилог

...И солнце сияло, и радуга цвела! И жара была немилосердная, какая только здесь в это время и бывает! Но море голубело, синело, отливало изумрудом, искрилось, дразнило барашками, манило спасительной прохладой. Песок золотился. А пиво было пенное, холодное. А креветки – королевские, приготовленные на гриле.

Володя в шортах и сетчатой майке сидел рядом с любимой женщиной, тянул ледяное пиво, не торопясь поедая креветок с зеленым салатом. Млел от жары и удовольствия. Они только что пришли с моря, где Вера от души барахталась на мелководе, а он с трубкой и маской – в ластах что-то не очень получалось, может быть, просто не было практики – медленно парил над кораллами, рассматривая и стараясь в деталях запомнить, как выглядят они и их обитатели, чтобы потом рассказать. Изумрудная вода Красного моря бережно держала тело на поверхности, а маска служила своего рода биноклем. Морские ежи угрожали длинными и острыми колючками, рыба-игла неподвижно висела над глубиной, неизвестно чего или кого ожидая, пестрые рыбы-попугайчики стайками шныряли перед самым носом, нагло игнорируя купальщиков. Вера боялась глубины, не могла плавать с маской, и всякий раз, когда Володя возвращался к берегу, хватала его за руку и жадно расспрашивала: "Что видел? А-а, этих ты мне уже показывал... на картинке... Что еще видел?"

Они пришли с моря пообедать. Сели за круглый столик одного из многочисленных кафе, в двух шагах от внутреннего бассейна на территории отеля. Услужливые, ослепительно гостеприимные египтяне немедленно окружили их заботой: один тут же притащил свежие салфетки на стол, предварительно протерев его, второй принес меню. Они выбрали королевские креветки на гриле, салат и пиво. Конечно, "Стеллу". Пиво принесли сразу, креветки – очень скоро. И вот теперь они сидели, наслаждаясь жарой и

покоем, неспеша поедали креветки и запивали их пивом. Предвкушали после обеда, не слишком обильного – жарко! – но вполне экзотичного – снова прохладное и ласковое море. И было так хорошо!..

...Деньги поделили по-честному. Юрьич сначала предложил по-справедливости, имея в виду, что львиная доля хлопот и страданий в нелегком деле борьбы с преступностью пришлась на долю молодого журналиста Владимира Свистунова – значит, ему и полагается доля побольше. Володя чего-то застеснялся, несмело возразил... Редактор его возражения принял всерьез и сразу. Поделили по-честному. Каждому – редактору, Магомеду и Володе – решили раздать по десять тысяч долларов, остальные Сергей Юрьевич с общего согласия убрал снова в надежное место, чтобы потом расходовать на развитие газеты.

Расходовать, впрочем, надо было осторожно. Деньги никак не декларированы, происхождение их для стороннего наблюдателя неизвестно, и если, например, их употребить на ремонт обшарпанного помещения редакции, у налоговых органов могли возникнуть справедливые вопросы. С другой стороны, вопросы можно относительно легко снять. Приходят, скажем, налоговики с проверкой – откуда у вчера еще нищей конторы такие деньжищи, что во всех кабинетах появились пластиковые окна, жалюзи и кондиционеры, а у каждого сотрудника – навороченный служебный последней модели "пень"? А им отвечают: что вы, какие деньжищи! Окна у нас и раньше были, в год по окну ставили, не доедая, не допивая, сэкономили, а кто не верит – пусть сотрудников спросит, свидетелей наберется – столько и не надо. Помыли просто, вот окна теперь и сверкают. А компьютеры – да какие компьютеры, тем более новенькие, откуда деньги?! Это журналисты сами, из благотворительных побуждений, принесли свои из дому, работают на благо родной редакции и в целях оздоровления общества. Откуда у них, журналистов, такие навороченные компьютеры, если редакция не платит? Ну, знаете... Может, они вагоны ночами разгружают. Нынче зарабатывают, кто как может.

Но вопросы могли возникнуть не только у налоговиков. Следствие по делу о гибели Королева шло, прокурорские помнили о том, что покойный замгубернатора Лесюк обещал шантажисту Мичурину двести тысяч "зеленых" – значит, деньги где-то должны быть. Где? Они ломали над этим голову. В кабинете Лесюка провели тотальный обыск, взрезали стальной сейф – и ничего не нашли. Но искать не прекратили.

Словом, самое безопасное было – пустить деньги на гонорар и зарплату сотрудникам редакции. В черную, конечно. И малыми частями. Предварительно с каждым сотрудником проведя беседу. Так и порешили.

После звонка Добротного у каждого из троих свалилось с души по огромному кирпичу. Выпили как следует. Магомед, бросив свой "круизер" на парковке у редакции и бережно поддерживая под руки в конец окосевшего Володю, словил тачку. К общежитию подъехали глубоко за полночь. Кивнул вахтеру из своих, Магомед направился было через вертушку, но дежурный остановил его жестом, жестом попросил наклониться к окошечку, что-то быстро заговорил по-чеченски. Магомед слушал молча, потом вдруг громко засмеялся, закрутил головой: "Ну, дают девки!" – сказал по-русски. Пьяный Володя ничего не понимал, да и не старался понять. Ему смертельно хотелось спать, и он толкал в плечо Магомеда: пойдём скорее, на ходу усну! Магомед, все еще смеясь, дружески и с чувством пожал руку вахтеру, снова бережно подхватил под мышки Володю.

Они поднялись на свой этаж. Магомед открыл ключом дверь, зажег свет... Им навстречу из кресла поднялась... Володя вдруг ощутил какую-то потусторонность происходящего. Из кресла поднялась Вера и теперь стояла посреди комнаты, с виноватой улыбкой глядя на него.

А из другого кресла, сонно потягиваясь, встала Света.

- Ну, наконец-то, - сказала она, еще раз потянувшись. – Мы уж думали, не придете вовсе...

Володя, не протрезвев, но осознав, что происходящее происходит наяву, моргал обалдело, переводя взгляд с одной на другую. Магомед засмеялся точно так, как только что смеялся внизу, на вахте.

- Чего ты ржешь-то? – спросил его Володя. – Чего ржать? Рассказали бы хоть, что тут происходит-то... Ты бы мне раньше сказал, - взъярился он вдруг на Магомеда, - я бы, может, хоть водки меньше выпил, чтобы соображать! А теперь вот ничего не пойму...

Магомед мягко взял его за плечи, подвел к Вере, ткнул пальцем в лоб.

- Чего соображать? Ты жену свою любишь – вот она! Устраивайтесь тут, а я в другом месте переночую. Света? – и они вдвоем вышли раньше, чем Володя что-то успел понять. И дверь за ними закрылась на замок.

...Когда Света поняла в больнице, как невольно подставила Володю, она твердо решила исправить ошибку. Как только они разошлись, она, отпросившись с работы до конца дня, немедленно отправилась на автовокзал, узнала, когда уходит автобус в Городок. Рейсов было два, но один уходил утром. Света нетерпеливо прохаживалась по залу, рассматривая пассажиров, подходила к лавочкам, где торговали книгами, журналами и всякой ерундой, ждала, когда появится Вера. Молила Аллаха, чтобы она появилась.

И Вера появилась. Увидев ее в дверях вокзала примерно за полчаса до отправления автобуса, Света рванулась к ней, схватила за руку.

- Вера, я должна вам все объяснить...

Они просидели в вокзальном кафе полчаса, потом еще час. Вера пропустила автобус. Не до того было: плакали. Пили скверное вино – какое еще может быть в вокзальном кафе? – рассказывали друг другу о прожитом и пережитом. Расстались подругами. Вера уехала домой, в Городок на такси, отдав за дорогу почти все имевшиеся деньги. Но зато почти счастливая. С прочным ощущением снова обретенной почвы под ногами. Она с новой силой полюбила мужа, а кроме того – кажется, обрела подругу.

...Когда проснулись утром, Володя первым делом убедился, что жена – рядом. Вера лежала, счастливо улыбаясь во сне, по-детски приоткрыв рот, белея короткими зубами. Он тихонько встал, почистил зубы, ледяным душем частично смыл похмелье. Голова побаливала, но на душе было светло и радостно. Сейчас бы, подумал Володя, мотануть куда-нибудь вместе с женой, подальше от Краснохолмска, от всех треволнений последних дней. В лес куда-нибудь, с палаткой. Середина апреля, однако, - куда особенно мотанешь? Снег в лесу... И он вспомнил про деньги. Решение созрело сразу.

Володя набрал по мобильному Магомеда. Тот ночевал по-соседству, у земляка. Коротко поговорили. Когда Володя положил трубку и вернулся из кухни в спальню, Вера уже не спала. Она смотрела на него и так же, как во сне, счастливо улыбалась.

В тот же день Магомед сделал невозможное. Он позвонил Шамилю Акиеву и попросил о небольшом одолжении. Акиев должен был вот-вот исчезнуть из Краснохолмска, без генерала Гусева ему здесь делать было нечего, и он быстро, но без шума, аккуратно и технично сворачивал свой бизнес в области. После смерти Лесюка и завершения всей истории Шамиль чувствовал себя обязанным Магомеду, и без колебаний согласился выполнить просьбу. Среди прочего, он контролировал несколько туристических компаний в областном центре. Вечером следующего дня у Володи на руках появились путевка в солнечную страну Египет на две недели и два загранпаспорта – его и Верин.

А еще через пару дней они летели отечественным стареньким Ту-154 из Москвы в туристическую столицу Египта – город Хургаду. И вот теперь сидели за круглым столиком в двух шагах от изумрудной воды бассейна, под голубым, без единого облачка, небом северной Африки, поедали креветок и запивали их пивом.

Володя поднял запотевшую кружку с пивом, серьезно посмотрел на Веру.

- Я хочу выпить за то, чтобы наша с тобой жизнь, сколько бы ее ни осталось, была такой же яркой, такой же жаркой, как это небо, это солнце, чтобы мы были друг с другом так же ласковы, как с нами – это море...

Вера засмеялась.

- Это ты у Магомеда выучился такие тосты произносить – витиеватые?

Они выпили пива, снова взялись за креветки. Володя мечтательно поднял голову, снова что-то хотел сказать умное – вдруг поперхнулся, закашлялся. Вера обеспокоенно глянула на него.

- Что-то не так?

- Да нет, - отирая слезы, ответил Володя. – Все нормально. Поперхнулся просто. Не в то горло пошло...

В груди, однако, застряла заноза. Солнце как-то померкло, небо перестало лучиться синевой, потускнели море и бассейн. Остаток дня он провел, заметно нервничая. Вера с беспокойством поглядывала на него. В конце концов вечером решился.

- Вера, я пойду, позвоню в контору Юрьичу.

- Что случилось все-таки, Володя? – Вера смотрела на него с настороженностью и недоумением.

- Да ничего не случилось, ничего! Просто показалось кое-что... Не волнуйся, все в порядке. И будет в порядке.

Вера вздохнула.

- Ну, пойдем, позвони... Прогуляемся потом по территории?

Володя помялся.

- Понимаешь, я бы не очень хотел, чтобы ты слышала, о чем я буду говорить с Юрьичем...

Вера, конечно, обиделась. Как мог, он ее успокоил, в результате из номера они вышли вдвоем, но в телефонную будку он зашел один. Объяснил, поклялся даже: разговор касается исключительно делав, исключительно недавних бурных событий в Краснохолмске. Просто он вспомнил кое о чем и теперь хотел бы, чтобы Юрьич подтвердил или опроверг подозрения.

Редактор взял трубку сразу, как будто ждал звонка Свистунова из Египта.

- Ну, как отдыхается? – весело проорал он. Похоже, Юрьич был в своей обычной поре: принял.

- Слушай, Серега, у меня тут какая-то ерунда. Понимаешь, я сегодня в обед видел майора Мичурина.

- Кого-о-о?!

- Я не вру тебе, точно! Я его видел. Или кого-то, кто на него сильно поход. Но он мелькнул – и исчез, как будто специально хотел мне показаться.

В трубке возникла пауза – такая долгая, что Володя напомнил редактору: разговор стоит немалых денег.

- Глюки у тебя, Володя, - вздохнул Комаров. – Вернешься – к доктору тебя поведу. Лечиться тебе надо. Помнишь, звонил нам Добротный в тот вечер? Так вот. Экспертиза подтвердила: в машине, той самой "девятке", что спрыгнула с моста, был действительно майор Борис Игнатьевич Мичурин. Все точно. И не дури себе голову. Ты, небось, и жену напугать успел?

У Володи уже привычно за последнее время свалился с души кирпич. Он на всякий случай переспросил еще:

- Точно, Мичурин?

Юрьич вместо ответа крякнул и снова вздохнул.

- Точно, точно, - и, после небольшой паузы, уже другим тоном: - Ты давай, расскажи лучше, как там отдыхается тебе? Как там напитки, море? Девчонки как?

- Дурак ты, Сергей Юрьич, - теперь Володя вздохнул. – Я с женой, ты забыл?

- И что? – искренне удивился Юрьич.

Володя вышел из телефонной будки. Подошел к Вере. Взял ее за плечи, крепко к себе прижал.

- Я люблю тебя, поняла? Очень сильно тебя люблю. И все хорошо. А будет все еще лучше!

Южное небо было темным, но высоким. Дул сильный и теплый ветер. Жизнь продолжалась, и все впереди виделось отчетливо и ясно.